

Т. М. НИКОЛАЕВА

**ИНТОНАЦИЯ
СЛОЖНОГО
ПРЕДЛОЖЕНИЯ
В
СЛАВЯНСКИХ
ЯЗЫКАХ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ, НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

Т. М. НИКОЛАЕВА

ИНТОНАЦИЯ
СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ
В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

ОПЫТ
ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1969

В книге дается сопоставительный анализ интонации в русском, чешском, польском и украинском языках. Анализируются отдельные типы сложных предложений. Рассматривается интонация как совокупность отдельных компонентов, вводится ряд положений по общей теории просодии. Прилагается основная отечественная и зарубежная библиография по вопросам интонации.

О Т В Е Т С Т В Е Н Н Ы Й Р Е Д А К Т О Р

В. Н. Т О П О Р О В

7-1-1

248-69 (1)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая книга носит название «Интонация сложного предложения». Однако автор не только не убежден в существовании специфичной интонации сложного предложения, но твердо верит в обратное — в интонационной сфере есть свои типы и формы отношений между элементами речи, и они не соотносятся, во всяком случае единообразно, с традиционными единицами синтаксиса. Многие годы успешного и фундаментального изучения интонации во всех странах не привели еще просодические факты к стройной архитектонике собственно фонологического уровня; постепенно интонация стала загадочной и сложной областью, а ее исследователи разделились на два лагеря — пессимистов и оптимистов. Автор принадлежит к последним. Но при этом казалось, что изучение, а тем более сопоставление просодических данных должно исходить из заданной извне и обозримой сферы. В этом смысле сложное предложение с четким и более или менее осознаваемым смысловым делением, как это ни парадоксально, представилось простым, а простое предложение — излишне сложным для начального исследования. Принятое изучение простого предложения по так называемым основным типам (повествовательное, вопросительное и т. д.) — слишком общее; кроме того, автора интересовали типы интонационных структур, показывающих отношения звучащих отрезков внутри текста.

Только сознание, может быть ошибочное, что поскольку многие проблемы и факты интонации до сих пор остаются невыясненными, а сопоставительных работ в этой области чрезвычайно немного и проблема универсальности интонационных форм поставлена в последние годы особенно остро, то всякое опубликование исследо-

ваний экспериментального характера пока еще имеет некоторый смысл,— позволило автору представить эту работу на суд коллег. Упомянутая выше неточность названия имеет и чисто терминологические основания: к сожалению, в русской лингвистической традиции нет еще столь удобного понятия, как (лучше всего немецкий вариант) Satzphonetik или Satzintonation. Satzintonation — это целая область исследования, практически все то, что называется синтаксической интонацией в отличие от словесной акцентуации — столь же сложной и самостоятельной сферы фактов. По-русски же «интонация предложения» звучит неполно, а «интонация русского языка» — терминологически расплывчато.

Несомненно и то, что подлинным изучением интонации любого языка является обращение к фактам живой разговорной речи. Однако в этом случае мы имеем дело с двумя неизвестными — системами интонационных отношений «в языке» и системой правил, по которым происходит их модификация и соподчинение в реальной речи. Уже заранее очевидно также, что так называемая разговорная речь представляет собой нечто принципиально специфичное, с одной стороны, по интонации, с другой стороны, по структуре, выбору и расположению единиц линейного синтаксиса. Таким образом, синтаксис разговорной речи — это третья неизвестная система, правда, в последние годы успешно разрабатываемая в русском языкознании. Настоящая работа построена на самом традиционном подходе — дикторском чтении заранее выбранных текстов. К сожалению, у автора не было возможности одновременно пользоваться синтезирующим устройством, на котором можно было бы проверять возникавшие по мере исследования реального материала гипотезы. Разумеется, статистически данный материал более чем недостаточен, причина этого — технические трудности в обработке экспериментальных данных, однако, как кажется автору, число исследованных примеров, хотя и несоизмеримое с подлинно статистическими требованиями, не уступает по числу обследованных примеров исследованиям других авторов.

Слово «экспериментальный», помещенное в подзаголовке, означает не только то, что при обследовании речи использовалась электроакустическая аппаратура, но и данные слухового наблюдения. В данном случае имелся

в виду также известный тезис Л. В. Щербы о необходимости введения эксперимента в языкознание. Эксперименту подлежал в данном случае и сам выбранный лингвистический материал, по поводу классификации которого имелась некоторая предварительная гипотеза, проверявшаяся путем выбора интонационных форм (реакция другой системы).

Наша работа ни в какой мере не претендует на попытку создать какое-то подобие единой «модели» синтаксической интонации славянских (или хотя бы русского) языков. Напротив, описываемые результаты часто были «позитивистским» фиксированием всего того, что дали просодические факты. Это делалось сознательно, поскольку целесообразность преднамеренно упрощенного моделирования, как нам кажется, оправдана в двух случаях: когда исследователь имеет дело с совокупностью абсолютно новых и неизученных фактов и полезно предложить тогда хотя бы самую грубую гипотезу об их строе или, напротив, тогда, когда исследователь имеет дело с описанными и полностью, перечислимыми фактами, по поводу которых не хватает лишь стройной объединяющей теории. Интонационные факты, к сожалению, не являются ни тем, ни другим. В данной работе автор неоднократно (как это будет видно в тексте самой работы) сталкивался с фактами, несомненно не случайными (т. е. повторяющимися регулярно), но не нашедшими, несмотря ни на какие гипотезы и попытки, никакой приемлемой интерпретации (особенно это относится к вопросу о функционировании так называемой интенсивности). В таких случаях данное явление описывалось, приводилось достаточное по иллюстративности число примеров, сопровождаемое признанием в его неясности и непонятности для исследователя.

Проходить мимо таких, к сожалению довольно многочисленных, случаев, жертвуя ими для более эффектных результатов, автор не считал правомерным. Кроме того, хотелось надеяться, что со временем эти случаи найдут интерпретацию и их упоминание только поможет другим исследователям.

Несмотря на столь скромные задачи и небольшой по объему лингвистический материал, данная работа не была бы осуществлена без помощи и поддержки целого ряда лиц.

И в первую очередь автор пользуется случаем, чтобы принести самую искреннюю и самую сердечную благодарность Лидии Васильевне Бондарко, без многолетнего и постоянного внимания, советов, помощи и дружеской поддержки которой о данном исследовании не могло бы быть и речи.

Автор благодарит также руководство и сотрудников четырех фонетических лабораторий, которые помогали автору самыми различными способами — от научных консультаций до чисто технической помощи. Это — Лаборатория экспериментальной фонетики ЛГУ им. А. А. Жданова во главе с Л. Р. Зиндером, Фонетическая лаборатория Института русского языка АН СССР во главе с С. С. Высотским, Фонетическая лаборатория и кафедра украинского языка КГУ им. Т. Г. Шевченко во главе с Н. И. Тоцкой и Фонетическая лаборатория Института чешского языка Чехословацкой Академии наук во главе с М. Ромпортлом.

ЗАДАЧИ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Синтаксис и интонация

Все многочисленные работы, описывающие просодические проблемы и вышедшие в последние два десятилетия (в послевоенные годы), сводятся к двум классам. Первый — это обобщающие исследования или монографические описания суперсегментных фактов данного языка¹. Второй класс — исследования, посвященные какому-либо одному языковому факту — работы типа «Интонация переспроса», «Интонация сложноподчиненного предложения с придаточным причины», «Интонация неместоименного вопроса» и т. д. Работы первого типа по большей части основаны на слуховом анализе, работы второго типа обычно содержат результаты эксперимента и основываются на электроакустических данных.

¹ См., например: Е. А. Брызгунова. Практическая фонетика и интонация русского языка. М., 1963; M. Bierwisch. Regeln für die Intonation deutscher Sätze. «Studia grammatica», Hf. VII. Berlin, 1966; D. L. Bolinger. Generality, gradience and the all or none. The Hague, 1961; D. Crystal and R. Quirk. Systems of prosodic and paralinguistic features in English. London — The Hague — Paris, 1964; K. Hadding-Koch. Acoustico-phonetic studies in the intonation of Southern Swedish. «Travaux de l'institut de phonétique de Lund», III. Gleerup/Lund, 1961; M. Kurath. A phonology and prosody of modern English. Heidelberg, 1964; P. Lieberman. Intonation, perception and language. Cambridge, Mass., 1967; Fr. Daneš. Intonace a věta ve spisovné češtině. Praha, 1957; W. Yassem. Akzent języka polskiego, Wrocław — Warszawa — Kraków, 1962; I. Mahnen. Studien zur Serbokroatischen Satzmelodie. Göttingen, 1964; A. V. Isačenko — H. J. Schädlich. Untersuchungen über die deutsche Satzintonation. Berlin, 1964. — Подробный обзор работ по интонации за последние годы см.: K. Magdics. Research on intonation during past ten years. — ALH, 1963, t. XIII, fasc. 1—2.

Однако, несмотря на столь значительное число исследований, целый ряд кардинальных вопросов, относящихся к области просодических явлений, еще остается без ответа.

Перечислим хотя бы основные из них:

1. Что такое интонация, если говорить о суперсегментных структурах, распространяющихся более чем на одно фонетическое слово? Есть ли это уровень языковой структуры в том плане, согласно которому различаются, скажем, фонемный и морфемный уровни? Выражение «просодический», или «суперсегментный», уровень достаточно распространено. В ряде работ интонация предложения, точнее — способы выражения интонации предложения, включаются в фонетику языка, т. е. не образуют самостоятельного уровня². По другой точке зрения, интонационные факты — это особый просодический план языка, как бы параллельный сегментному плану и автономный по отношению к нему³. Тогда внутри этого просодического корпуса данных, согласно этой концепции, выделяются специфические уровни и единицы, аналогичные сегментным: интонационные фонемы, интонационные морфемы и т. д.⁴

2. Что такое интонация, если говорить о субстанции плана выражения? Проще говоря, что надо фикси-

² См.: Э. Хэмп. Словарь американской лингвистической терминологии. М., 1964; И. Вахек. Словарь Пражской лингвистической школы. М., 1964; Л. Блумфильд. Язык. М., 1968, стр. 89; А. Н. Гвоздев. О фонологических средствах русского языка. М.—Л., 1949, стр. 99.

³ См.: S. K a r g e v s k i j. Sur la phonologie de la phrase.— TSLP, 1931, IV; А. М. Пешковский. Интонация и грамматика. Избр. труды, М., 1959; Он же. Русский синтаксис в научном отношении. Изд. 7. М., 1956.— Поставленный по-иному, этот вопрос сливается с более узкой проблемой — соотношения интонации и грамматики. В этом смысле для одних интонация — автономная система *sui generis* (Fr. Д а н е š. Sentence intonation from a functional point of view. «Word», 1960, v. 16, № 1), для других — частично пересекающаяся с грамматикой совокупность фактов. Отношения грамматики и просодии при таком подходе случайны и не обусловлены (*casual not causal*). См. об этом: D. L. B o l i n g e r. Intonation and grammar. «Language learning», 1957—1958, v. VIII, № 1—2.

⁴ См.: K. L. P i k e. The hierarchical and social matrix of suprasegmentals. «Prace filologiczne». Warszawa, 1965; R. W e l l s. The pitch phonemes of English. «Language», 1945, v. 21, № 1.— Более подробно об этом см. стр. 114.

ровать в звуковом потоке, занимаясь «интонацией»? Традиционным является сознательное сужение этого понятия, его, если можно так выразиться, «этимологизирование», т. е. сведение интонационных данных к движению основного тона, к мелодике⁵. Параллельно этому интонация изучается как комплексное явление, формируемое несколькими гетерогенными величинами, разными в разных «наборах»: мелодикой, интенсивностью, темпом, ритмом, тембром и т. д.⁶

⁵ См.: B. S i e r t s e m a. Timbre, pitch and intonation. «Lingua», 1962, v. XI; D. L. B o l i n g e r. The melody of language. «Modern language forum», 1955, v. XV, № 1; Е. А. Б р ы з г у н о в а. Указ. соч.— В одной из самых последних работ по интонации (см.: P. L i e b e r m a n. Intonation, perception and language. Cambridge, Mass., 1967) вводится и описывается сложная иерархия отношений только на основании частотных (мелодических) изменений. Автор вводит два основных понятия: 1) дыхательной группы (breath-group), которая может быть маркированной (завершающейся подъемом) и немаркированной, нормальной (понижающейся) и 2) подчеркивания (prominence), т. е. внезапного всплеска субглоттального давления и соответственно частотного пика.

⁶ О том, насколько различны эти наборы, можно судить по следующему, далеко не полному перечню. Так, В. Всеволодский-Гернгросс включает в интонацию высоту звука, его силу, темп и тембр (В. В с е в о л о д с к и й - Г е р н г р о с с. Теория русской речевой интонации. Пг., 1922); А. М. Пешковский — мелодику, ритм, силу звука; Ш. Балли — интенсивность, мелодику, паузы (Ch. B a l l y. Intonation et syntaxe.— CFS, 1941, I), К. Пайк — ударение, мелодику, паузы, ритм (K. L. P i k e. The intonation of American English. Ann Arbor, 1947); R. Wells — тон (мелодику), ударение, тембр, темп, стиль — style (R. W e l l s. The pitch phonemes of English. «Language», 1945, v. XXI, № 1; Н. С. Трубецкой — тембр, ударение, мелодику, паузы (Н. С. Т р у б е ц к о й. Основы фонологии. М., 1960); С. Карцевский — длительность, интенсивность, тон, тембр (S. K a r c e v s k i j. La phonologie de la phrase.— TCLP, 1931, IV); А. Мартине — ударение, тон, отчасти длительность (А. М а р т и н е. Принцип экономии в фонетических изменениях. М., 1960); Л. Хульцен — высоту тона, громкость, длительность (L. S. H u l t z e n. Information points in intonation. «Phonetica», 1959, v. 4, № 2—3); Ф. Данеш — тон, и интенсивность (Fr. D a n e š. A sentence intonation...); Е. Хауген — тон, ударение, длительность, стык — juncture (E. H a u g e n. Phoneme or prosodeme. «Language», 1949, v. 26, № 3); В. А. Артемов — мелодику, ритм, темп, тембр (V. A. A r t e m o v. Ob intoneme. «Phonetica», 1965, v. 12, № 3—4); Т. А. Канышева — мелодику, ударение, темп, тембр (Т. А. К а н ы ш е в а. К вопросу об интонации и грамматике. «Законы семантического развития в языке». М., 1961); М. Петер — высоту тона, силу, тембр, темп, tessitura, паузы (M. P e t e r. О некоторых вопросах интонации. «Annales Univ. scientiarum Budapestinensis de Rolando Eötvös nominatae.

Работы обоих направлений в равной степени называются исследованиями интонации.

3. Чем бы ни считать просодические факты — одним уровнем или иерархией уровней, необходимо для всякого описания определить минимальные единицы описываемого — термин «интонаема» в этом случае возник задолго до выяснения его реального содержания. До сих пор не существует методики отделения индивидуального и общеязыкового в интонации, различения инварианта и позиционных вариантов, более того, само понятие позиции в данном случае остается неясным. Это отсутствие в описании интонации операционных дискретных единиц в известной степени неслучайно, а объясняется самой природой просодических явлений, по убеждению ряда исследователей, недискретных по самой природе. Яркое определение этого свойства просодии принадлежит перу Д. Болинджера: «Интонация подобно пирогу, который десятилетний мальчик должен разрезать в день своего рождения,

Sectia philologica», 1961, t. 3); Г. Панкрац — мелодику, ударение, ритм, паузы (Г. Я. П а н к р а ц. Об интонации и ее основных компонентах. «Уч. зап. Казахского пед. ин-та им. Абая», 1959, т. 2, вып. 15); В. Ф. Мильк — частоту колебаний, интенсивность, время (В. Ф. М и л ь к. Интонация присоединения в современном русском языке. «Уч. зап. I МГПИИЯ», 1960, т. XVIII); Е. И. Торсуева — высоту тона, силу, темп, ритм, тембр (Е. И. Т о р с у е в а. Интонация сложноподчиненного предложения в современном английском языке. «Уч. зап. I МГПИИЯ», 1960, т. XVIII); В. К. Чичагов — высоту тона, силу, темп, тембр (В. К. Ч и ч а г о в. О динамической структуре русского предложения.— ВЯ, 1959, № 3); Р. Робертс — ударение, тон, стык (P. R o b e r t s. Intonation. «Essays on language and usage». N. Y., 1963); Д. Кристалл и Р. Кирк — темп, подчеркивание (prominence), высоту тона, ритмичность, напряженность, паузы (R. C r y s t a l and R. Q u i r k. Systems of prosodic and paralinguistic features in English. The Hague, 1964); П. Я. Ящук — мелодический рисунок, ударение, ритм, паузы (П. А. Я щ у к. Роль интонационного оформления предложения при актуальном членении. «Тези доповідей до XX наукової конференції. Ужгород, 1966); С. М. Гайдучик — фразовые ударения, мелодику, паузацию (С. М. Г а й д у ч и к. Интонационные модели немецкого языка. «Питання мовознавства і методики викладання мов». Мінск, 1965).— Как видно из перечня, не только «наборы» компонентов не унифицированы, но и термины, обозначающие эти компоненты. Перечень компонентов приводился лишь в тех случаях, когда он был сформулирован исследователем. Однако и в этом случае число работ, перечисленных выше, легко может быть увеличено.

и чтобы разделить его так, как хочется, пожалуй, нужно искусство, а отнюдь не наука»⁷.

Столь же скептически к возможности описания просодии на уровне дискретных единиц относится и А. Мартине⁸. Однако у такого подхода к сущности просодии находятся не только ярые приверженцы, но и страстные противники⁹. Наиболее крайним из них в последнее время можно считать А. В. Исаченко, книга которого по существу целиком направлена на доказательство не только возможности, но и необходимости описания просодии в терминах дискретных (а более точно, находящихся в отношении бинарного противопоставления) единиц¹⁰.

4. Лингвистическая значимость интонации обычно связывается с синтаксическим уровнем, т. е. предполагается, что интонация помогает объединить слова в предложении, определить тип предложения и определить типы отношений внутри членов предложения. Однако принятие тезиса о связи интонации с синтаксическим уровнем еще не помогает решить сложную проблему — как описать синтаксическую функцию интонации, что принять за ту систему отсчета, через единицы которой можно описать интонационные явления¹¹. Часто такой естественной совокупностью единиц считают единицы, выделяемые в синтаксисе, исходя из следующей презумпции — то, что различается в языке, в частности в синтаксисе, должно различаться и в интонации¹². Отсутствие в са-

⁷ D. L. Bolinger. The melody of language. — Доказательству этой специфичности функционирования интонации как недискретного явления а priori посвящена в значительной своей части книга Д. Болинджера «Generality, gradience and the all-or-none»; подробный анализ этой книги см.: Т. М. Николаева. Вопросы общей лингвистики в работе Д. Болинджера. — ВЯ, 1964, № 4.

⁸ А. Мартине. Указ. соч., стр. 213.

⁹ Собственно говоря, принятая система описания мелодики через фонемы уровня (pitch phonemes) исходит из принципиальной возможности описания просодии на уровне дискретных единиц.

¹⁰ A. V. Isačenko and H.-J. Schädlisch. Указ. соч. — Во многих работах по афазии интонация (просодия) считается особым уровнем языка — наравне со словарем и грамматикой; см. например: G. H. Monrad-Krohn. The third element of speech: prosody in psychiatric clinic. «The Journal of mental science», 1957, v. 103, № 431.

¹¹ О разных попытках принять ту или иную систему в качестве исходной см.: K. Magdics. Указ. соч.

¹² «Естественно предположить, что определенному типу предложений присущ определенный тип интонации», — так, весьма

мой интонации исходных единиц плана выражения, данных нам аналогично тому, как в письменной форме даны разделенные пробелами слова, а внутри слов — буквы, делает такое сопоставление весьма затрудненным. Наиболее увлекательным экспериментом для проверки этой презумпции был бы чистый анализ интонации как данности, т. е. ситуация, когда испытуемому предлагалось бы, с одной стороны, интонация, наложенная на лексически бессмысленные фразы¹³ и, с другой стороны, перечень синтаксических типов; полученные результаты сопоставлялись бы с результатами собственно лингвистического исследования¹⁴.

Выбор сложного предложения в качестве объекта исследования

Как указывалось в предисловии, целью данной работы являлась попытка найти хотя бы одну из возможных методик описания связей между интонационными структурами данного языка и их синтаксической интерпретацией.

В русской лингвистической традиции прочно укрепились идея Л. В. Щербы об основной интонационной единице — синтагме¹⁵. Синтагма — факт не только акусти-

характерно для работ этого плана, пишет в начале своей статьи Г. Г. Трегубенков (Г. Г. Т р е г у б е н к о в. Интонация сложно-подчиненного предложения с придаточным дополнительным. «Уч. зап. I МРШИИЯ», 1960, т. XX). См. столь же категорическую формулировку в статье З. И. Клычниковой (З. И. К л ы ч н и к о в а. Интонация как средство связи частей сложного предложения. «Phonetica», 1965, v. 12, № 3—4).

¹³ Так, крайне важные данные для определения принципов членения человеком звукового потока были получены именно на основе использования бессмысленных слогосочетаний и словосочетаний (см.: Д. М. Л и с е н к о. О членении человеком непрерывного потока речи на слова. «Механизмы речеобразования и восприятия сложных звуков». М.—Л., 1966); Ю. А. К л а а с. О членении на слова предложений, лишенных лексической информации.— Там же.

¹⁴ Сходная по типу эксперимента работа была проделана для выявления психологических оттенков интонации (см.: E. U l d a l l. Dimensions of meaning in intonation. «Daniel Jones papers contributed on the occasion of his 80th birthday». London, 1964).

¹⁵ Л. В. Щ е р б а. Фонетика французского языка. М., 1948, стр. 85.— В определении Л. В. Щербы синтагма не является непременно минимальной единицей, она может состоять из такой ми-

ко-физиологический, но и собственно лингвистический поскольку границы между синтагмами не произвольны и определяются в значительной степени теснотой связи между составляющими синтагму компонентами¹⁶.

Однако, несмотря на языковую объективность синтагматического членения, в рамках любого достаточно распространенного предложения возможно самое разнообразное членение на синтагмы. Случай, когда различие в членении (обычно это возможно, когда пограничный член синтагмы может быть потенциальным членом следующей синтагмы) принципиально меняет синтаксическую структуру предложения и, естественно, смысл его, впервые подробно описаны для русского языка А. Н. Гвоздевым¹⁷. Впоследствии ряд этих примеров в двух возможных вариантах членения был подвергнут экспериментальному исследованию Г. М. Кузнецовой¹⁸.

нимальной единицы — ритмической группы — или объединять несколько ритмических групп. В этом смысле учение Щербы о синтагме аналогично учению американской дескриптивной лингвистики о составляющих (и соответственно непосредственных составляющих). Е. А. Брызгунова вводит деление синтагм на минимальные (не допускающие дальнейшего членения) и основные, членение, на которые обязательно для самого существования фразы (Е. А. Брызгунова. Указ. соч., стр. 170—171). В последнем случае, вероятно, более удобно было бы говорить об основном и минимальном членении.

¹⁶ См. аргументацию выбора синтагмы в качестве артикуляторной единицы, соответствующей одной артикуляторной программе, в сб.: «Речь, артикуляция и восприятие». М.—Л., 1965, стр. 82—85.

¹⁷ А. Н. Гвоздев. Указ. соч., стр. 112—114. Приведем несколько таких примеров для иллюстрации: *Изучение шумов вообще / не входит в нашу задачу — Изучение шумов / вообще не входит в нашу задачу; Кабинет истории / Московского университета — Кабинет / истории Московского университета; У нас / с братом беда — У нас с братом / беда; Там / нивы без теней, холмы без винограда — Там нивы / без теней / холмы / без винограда. Или (английские данные): *I wish to see my son / a successful doctor — I wish to see my son a successful doctor; He brought his friend / a doctor / and a gentleman — He brought his friend / a doctor and a gentleman — He brought his friend a doctor and a gentleman* (Н. Wode. *Englische Satzintonation*. «Phonetica», 1966, v. 15, № 3—4).*

¹⁸ Г. М. Кузнецова. Мелодика простого повествовательного предложения в современном русском языке. «Уч. зап. ЛГУ», 1960, вып. 40, № 237. — Данная работа по существу является первой подробной экспериментальной работой, посвященной общим принципам анализа интонации русского повествовательного предложения.

И все же, если говорить о рамках простого, но распространенного предложения, опасная трудность выбора именно этой лингвистической единицы для первичного эксперимента не только в том, что разные носители языка могут при чтении по-разному членить предложения, меняя его смысл. Как нам кажется, самую большую трудность для анализа представляет собой интерпретация этого членения. Хотя и принято считать, что отношения между группами, составляющими простое предложение, аналогичны отношениям членов сложного предложения, ситуация не так однозначна, поскольку наличие союза, почти всегда лексически значащего, является маркированным показателем этих отношений. А как, например, интерпретировать в этих терминах членение типа *Он грустно смотрел на нас / и улыбался* или *Как удивили его / слова брата* и т. д. Кроме того, простое предложение часто бывает эллиптировано по далеко еще не изученным в настоящее время законам¹⁹. В этом смысле простое предложение может, как это ни парадоксально, считаться вырожденной структурой по отношению к сложному, где смысловые отношения выражены, а синтаксические отношения более просты. Более того, при устном произнесении граница между предложениями, составляющими сложное предложение, обязательно фиксируется, синтагматическое членение как норма совпадает с синтаксическим и смысловым, т. е., как пишет А. М. Пешковский, «...границы между предложениями при нормально-выразительном произношении почти всегда отмечаются теми или иными ритмическо-мелодическими признаками»²⁰.

О «стабильности» членения сложных предложений, подтвержденном непосредственным наблюдением исследователя, пишет и Е. А. Брызгунова (указ. соч.).

Во всякой фразе, состоящей более чем из одной синтагмы, существенны отношения между просодическими данными отдельных синтагм, типы связи между синтаг-

¹⁹ Механизм «обратного процесса», восстановления исходных конструкций из эллиптированных, см.: И. П. Севбо. Об изучении структуры связного текста. «Лингвистические исследования по общей и славянской типологии». М., 1966.

²⁰ А. М. Пешковский. Знаки препинания и научная грамматика.— В кн.: А. М. Пешковский. Школьная и научная грамматика. М., 1918, стр. 100.

мами. Именно в силу того, что эти связи фиксируются интонацией так же, как синтаксис линейных структур отражает связи (зависимости) между элементами предложения, просодические факты справедливо относят к синтаксису (необязательно при этом предполагается однооднозначное соответствие обоих синтаксисов — просодического и сегментного). Так, Хульцен говорит о том, что интонация предложения состоит из отношений между его составными частями²¹ (в нашей интерпретации, синтагмами, по Щербе). Эти части могут совпадать и не совпадать с синтаксическими единицами. В этом смысле Бунинг и Схонефельд различают *intonation clauses* и *syntactic clauses*²². Однако тоновая группа чаще всего совпадает с такими синтаксическими единствами²³. Это совпадение двух различных программ речепорождающей деятельности, возможно, объясняется обусловленностью синтаксической структуры порождаемого отрезка заданием артикуляторной программы. Разумеется, цель научного исследования содержательной стороны просодии — изучение отношений между интонационными, а не синтаксико-сегментными единицами. И потому, при строгом подходе, название настоящей книги («Интонация сложного предложения...») неточно и в известной степени неграмотно. Однако вышеуказанные причины (трудность анализа синтагматических отношений внутри простого предложения) показали вескими для того, чтобы пытаться найти какую-то, хотя бы начальную, опору в фактах сегментного плана. Более точно следовало бы говорить о соответствии типов отношений между синтагмами, как единицами просодии, и типов сложного предложения.

Итак, перечисленные выше доводы показали убедительными для того, чтобы в качестве объекта исследования были избраны сложные предложения, состоящие не

²¹ L. S. H u l t z e n. Grammatical intonation. «D. Jones papers contributed on the occasion of his 80th birthday».

²² J. E. B u n i n g and C. H. V a n S c h o o n e v e l d. The sentence intonation of contemporary standard Russian as, a linguistic structure. 'sGravenhage, 1960, стр. 59.

²³ См.: M. H a l l i d a y. Intonation systems in English. «Patterns in general, descriptive and applied linguistics». London, 1966.

более, чем из двух простых предложений — составляющих²⁴.

Задачей исследования при этом являлась проверка того, насколько совпадают интонационные структуры у предложений различных синтаксических типов (в соответствии с распространенной презумпцией их априорного различия, о которой говорилось выше). В соответствии с этой задачей отбирались примеры — материал для эксперимента — из академической грамматики русского языка (М., 1954, т. II, ч. 2. Синтаксис), по одному на каждый зафиксированный там тип, и некоторым образом упрощались. Например: *Хаджи-Мурат остановился, загорелое лицо его буро покраснело, и глаза налились кровью превращается в предложение — Лицо его покраснело, и глаза вспыхнули; Еще несколько слов, несколько ласк от матери — и крепкий сон овладел мною → Прошло немного времени, и сон овладел им; Душно стало в сакле, и я вышел освежиться → Стало душно, и я вышел; Владимир с ужасом увидел, что он заехал в незнакомый лес → Он с ужасом увидел, что они заехали в лес; Неужели он будет таким, каким был он когда-то → Он будет таким, каким был его отец; Пока жена готовила завтрак, Данилов вышел в огород → Пока жена готовила, он работал в саду; После того как началась война и завод перешел на оборонные заказы, остановка цехов на сутки, естественно, оказалась невозможной → После того, как началась война, завод получил новые заказы; и т. д. — всего 54 таких исходных предложения.*

Разумеется, такое насилие над фразами-источниками было сделано по соображениям главным образом технического характера — сложность обработки экспериментальных данных во многом зависит от объема предложения. Возможно, в ряде случаев языковое чутье изменяло автору, хотя в непосредственном восприятии эти примеры казались вполне осмысленными и ему, и дикто-

²⁴ Заранее очевидно, что интонационная структура сложного предложения, состоящего более, чем из двух частей, будет не количественно, но качественно отличной — т. е. будет представлять собой не перечень, но иерархию отношений, поэтому такая задача — возможно, дело далекого будущего. Об иерархии отношений для таких предложений в письменной форме (по существу грамматику таких предложений) см.: Е. В. П а д у ч е в а. О структуре многосоставных сложных предложений в русском языке. «Лингвистические исследования по общей и славянской типологии». М., 1966.

рам²⁵. Искусственное сочинение примеров казалось еще более опасным. Возможно было использовать краткие двусоставные предложения, найденные в разного рода литературе. Однако сделанный выбор объяснялся желанием обратиться к «узаконенному» списку предложений как к некоторому исходному эталону.

Для проверки действительности отношений между членами сложного предложения безотносительно к позиции этих членов, избранные примеры подвергались дальнейшему преобразованию — превращались в два варианта (разумеется, в тех случаях, где позиция союза не обусловлена). Например, предложение *Если вы навестите меня, я буду рад* «раздваивалось» следующим образом: *Я буду рад, если вы навестите меня* и *Если вы навестите меня, я буду рад*.

Компенсационный закон А. М. Пешковского

Единственным конкретным (а не общим) указанием на соотношение интонационных и сегментных средств до сих пор является компенсационный закон А. М. Пешковского, названный им «принципом замены»²⁶. Это по существу также единственный интонационный «закон» в том смысле, как это обычно понимается в языкознании, когда речь идет о других уровнях языка. Вкратце этот принцип, ставший общеизвестным, сводится к следующему тезису: языковые средства, служащие формальным способом выражения той или иной языковой категории,

²⁵ См. дискуссию о грамматичности, возникшую в связи с книгой Н. Хомского «Синтаксические структуры» («Новое в лингвистике», II. М., 1962) и начатую А. Хиллом, вслед за которым в ряде стран одновременно стали проводиться эксперименты по выработке критериев осмысленности / неосмысленности синтаксических конструкций, а также по нахождению ступеней этой осмысленности; см. об этом: И. И. Ревзин. Метод моделирования и типология славянских языков. М., 1967.

²⁶ См.: А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении, стр. 49—52; Он же. Интонация и грамматика; Он же. Роль выразительного чтения в обучении знакам препинания.— Избр. труды; Он же. Знаки препинания и научная грамматика.— В кн.: А. М. Пешковский. Школьная и научная грамматика. М., 1918.— Закон этот сформулирован А. М. Пешковским вполне определенно и в своем классическом виде формулируется в первых двух из указанных работ, в остальных он присутствует вполне отчетливо в виде исходной презумпции автора.

могут разным образом комбинироваться, будучи в самом языке распределенными по степени эффективности выражения. Отсутствие в реальной речи одного из более действенных средств вызывает усиление того же формального качества в наличествующих остальных средствах выражения той же грамматической категории²⁷. Так, интонация и порядок слов суть вспомогательные средства, компенсирующие основные синтаксические средства (по Пешковскому — формы слов и служебные слова). Например, в приводимом ниже трехчленном ряду ударность слова *читал* возрастает:

Читал ли ты это? — Читал ты это? — Ты читал это?

Согласно экспериментальным данным последних лет, компенсационный принцип А. М. Пешковского получает самые различные оценки. Наиболее непосредственно относятся к нему две работы — исследование З. И. Клычковой о бессоюзном предложении²⁸ и работа венгерского лингвиста М. Петера, уже прямо посвященная проверке этого принципа²⁹. З. И. Клычкова анализировала бессоюзные предложения типа *Не обманешь — не продашь, Не пойман — не вор* и т. п. Анализ состоял в оценке таких предложений специалистами-языковедами и вычерчивании ими мелодических кривых. Согласно таким оценкам, «бессоюзное предложение имеет значительно более ярко выраженный интонационный рисунок, чем союзное» (т. е. это и есть принцип замены, только перифразированный). М. Петер, почти буквально следуя примерам самого А. М. Пешковского, выбирает для анализа ряды предложений, организованных следующим образом: 1) утвердительное предложение (*Ты прочтешь это*); 2) вопросительное предложение того же состава, но с частицей *ли* (*Не прочтешь ли ты это?*); 3) вопросительное предложение того же состава с служебным

²⁷ В некоторых работах этот принцип называют «принципом Пешковского — Макаева», имея в виду статью Э. А. Макаева «К вопросу о соотношении фонетической и грамматической структуры в языке» («Уч. зап. I МГПИИЯ», 1956, т. IX).

²⁸ З. И. Клычкова. Бессоюзное предложение и его понимание. «Уч. зап. I МГПИИЯ», 1953, т. VI; см. также: Она же. Интонация как средство связи частей сложного предложения. «Phonetica», 1965, v. 12, № 3—4.

²⁹ М. П е т е р. Мелодика вопросительного предложения. «Studia slavica» t. I, fasc. 1—3. Budapest, 1955.

вопросительным словом (*Кто прочтет это?*); 4) вопросительное предложение с инвертированным порядком (*Прочтешь ты это?*); 5) вопросительное предложение с прямым порядком слов, но с вопросительной интонацией — единственным показателем вопросительности (*Ты прочтешь это?*). Согласно Пешковскому, в последнем случае интонация должна быть самой «яркой». М. Петер получил, однако, что в предложении *Кто прочтет это?* (и в аналогичных предложениях других лексических рядов) была представлена интонация утвердительного предложения, в предложении с частицей *ли* — вопросительная интонация в слабой степени реализации, но предложения с прямым и обратным порядком слов не отличались по силе интонации (вопросительной). Таким образом, принцип Пешковского подтверждается здесь лишь частично.

Изученные нами данные других работ, не посвященных непосредственно проверке этого принципа, в свою очередь явились косвенными свидетельствами по данному поводу. Так, в ряде специальных работ по функции паузы указывается, что паузы на границе главного и придаточного предложений более редки и менее длительны, чем паузы в аналогичных бессоюзных предложениях, т. е. закон Пешковского как будто бы подтверждается³⁰. В то же время данные, приводимые в работах о движении основного тона, о мелодике, говорят о том, что данный принцип как будто бы не имеет места³¹.

Сопоставление всех прямых и косвенных указаний на подтверждение / неподтверждение принципа замены привело нас к гипотезе о целесообразности экспериментальной проверки этого принципа на заданном материале.

Исследование справедливости принципа замены в первую очередь требовало ясного осознания того, что же имел в виду А. М. Пешковский, говоря о компенсирующей роли интонации. При анализе его точки зрения, на

³⁰ L. Hegedűs. On the problem of the pauses of speech.— ALN, 1953, № 31.

³¹ Таковы, в частности, данные Л. А. Вербицкой (Л. А. В е р б и ц к а я. Мелодика побудительных предложений в русском языке. «Уч. зап. ЛГУ», 1964, № 325, вып. 69). — Не различается мелодика союзных и бессоюзных предложений по данным книги Е. А. Брызгуновой «Практическая фонетика и интонация русского языка».

первый взгляд столь очевидной, всплыли, однако, некоторые принципиальные неясности. А именно — неясным оказалось следующее:

1. Что понимал А. М. Пешковский под «интонацией»? Сопоставление его высказываний говорит о том, что это понятие употреблялось им в двояком смысле: а) интонация — это мелодика, т. е. движение основного тона на протяжении фразы. В этом смысле речь может идти о восходящей, нисходящей, обрывающейся и т. д. интонациях; б) интонация — это не только мелодика. Так, говоря об изменениях интонации, Пешковский говорит и об усилении силы звука (интенсивность), и о величине пауз, и о ритме звучащего отрезка, о тембре и о темпе речи.

2. Что понимал А. М. Пешковский под словом «яркость», говоря о большей или меньшей «степени яркости» интонации в разных случаях? Ответить на этот вопрос оказалось очень сложно по следующим причинам. В русском языке слово *яркий* означает (в грубом приближении) две разных вещи: а) *яркий* — говорят о более интенсивном качестве чего-то по сравнению с менее интенсивными признаками того же у предметов того же класса (*бледная зелень — яркая зелень*); б) *яркий* — говорят о выделяющемся объекте, не таком, как остальные. Так, яркие одежды противопоставляются неярким уже безразлично какого цвета. В первом значении антонимом будет *бледный, слабый*, во втором — *незаметный, стандартный, невыдающийся*.

Эти два толкования, весьма близких на лексикографическом уровне, в применении к интонационным характеристикам будут интерпретироваться совсем по-разному. А именно — при первом толковании более яркая интонация — это большая интенсивность, больший частотный диапазон, большая длительность и т. д. При втором толковании более яркая интонация — не такая, как обычно, резко отличная, например не повышающаяся мелодика, а понижающаяся и т. д.

Что же имел в виду сам А. М. Пешковский? Как это ни парадоксально, представляется, что оба толкования. Первое: «...утвердительные (по форме. — Т. Н.) предложения могут произноситься и вопросительно, но степень вопросительного повышения голоса должна в них быть тогда гораздо больше (разрядка моя. —

Т. Н.), чем в тех случаях, когда интонация помогает грамматика»³². Второе: «Когда мы произносим *Который час?* мы словами спрашиваем, а голосом как бы сообщаем. Наоборот, когда мы говорим *Он там был? Земля вращается вокруг солнца?* — мы словами как бы сообщаем, а голосом спрашиваем»³³.

3. Каковы те «синтаксические значения», которые остаются инвариантными при слуховом восприятии в тех случаях, когда основные синтаксические средства отсутствуют, а интонация выполняет их функцию? Все ли служебные слова и союзы могут при опущении компенсироваться интонационными средствами или возможна нейтрализация ранее различных синтаксических конструкций в одной интонационно-синтаксической структуре?

Если подходить к высказываниям А. М. Пешковского буквально, то, очевидно, все союзы могут компенсироваться интонацией (см. «Различные фразные интонации могут иметь совершенно те же значения, что и все прочие синтаксические признаки»³⁴ (разрядка моя.— Т. Н.). Однако конкретные примеры, приводимые А. М. Пешковским для иллюстрации принципа замены,— это всегда вопросительные или условные предложения (*Если назвался груздем, то полезай в кузов* — *Назвался груздем — полезай в кузов*), т. е. предложения с достаточно четкими синтаксическими функциями, синтаксически простые.

4. Непосредственно с этим связан следующий вопрос — сколько же, в понимании А. М. Пешковского, существует типов интонаций? На этот вопрос крайне затруднительно ответить. В книге «Русский синтаксис в научном освещении» Пешковский говорит (на протяжении всей книги) об очень большом числе (22 вида) интонаций, называя их разными терминами, но не говоря в каждом случае о тех фактических данных (акустико-физиологических или слуховых), которые дали бы основания считать каждый выделенный им тип интонации специфическим. В целом его концепцию обобщить трудно. С одной стороны, интонация, в понимании А. М. Пешковского,— это особая сторона речевой деятельно-

³² А. М. Пешковский. Интонация и грамматика.

³³ А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении, стр. 50.

³⁴ А. М. Пешковский. Интонация и грамматика, стр. 180.

сти, которая «блуждает по поверхности языка», иногда сливаясь с его сегментными формами, образуя законченный речевой оборот. В этом смысле Пешковский сближается с С. И. Карцевским, прямо утверждавшим, что «интонация не имеет ничего общего с грамматикой»³⁵. С другой стороны, если интонация компенсирует отсутствие союза или другого служебного слова, создавая эквивалентную по смыслу звучащую конструкцию, а союзы при этом определенным образом классифицированы, то не напрашивается ли при этом вывод, что типы интонации а priori классифицированы согласно замещаемым синтаксическим конструкциям?

5. Последний вопрос — есть ли разница между компенсацией чего-то и просто «большей выразительностью»? А именно, если мы и докажем, что интонация, например, бессоюзного предложения более ярка (в любом смысле), чем интонация союзного, то не может ли это просто означать, что бессоюзное предложение как таковое имеет иную интонацию, скажем более подчеркнутую, чем союзное, но и при этом нет никакой замены как средства выражения т о г о ж е значения? В этом смысле характерно, что З. И. Клычникова в упоминавшейся выше работе говорит о большей выразительности бессоюзных предложений как класса, противопоставляя его союзным предложениям в целом. Сам А. М. Пешковский пишет то о большей выразительности, то о замене, употребляя эти выражения синонимически; однако это отнюдь не синонимы. Большая выразительность — понятие количественное; компенсирующая замена — не только количественное, но и качественное, требующее идентификации, проверки на тождественность.

Избранные в качестве объекта исследования сложные предложения безусловно входят в сферу действия этого закона, а именно потому, что маркированный показатель — союз может здесь отсутствовать или присутствовать и, следовательно, принцип замены может проявляться в полной степени. Итак, избранные для анализа сложные предложения дают возможность проверки закона Пешковского. С этой целью примеры, взятые для исследования, подверглись дальнейшему преобразованию,

³⁵ «L'intonation semble simplement ignorer l'existence de la grammaire» (S. K a r c e v s k i j. La phonologie de la phrase).

а именно: один и тот же пример фиксировался в двух вариантах — с союзом и без союза. Таким образом, из одного исходного предложения получилось четыре подлежащих эксперименту предложения. Например, приведенное выше предложение *Если навестите меня, я буду рад* после дальнейшего преобразования записывается следующим образом:

Если навестите меня, я буду рад.

Навестите меня, я буду рад.

Я буду рад, если вы навестите меня.

Я буду рад, навестите меня.

Необходимо, однако, заранее упомянуть о том существенном факте, который будет подробно рассматриваться при обсуждении полученных результатов, а именно, что в ряде случаев опущение союза коренным образом меняет (или искажает) первоначальный смысл союзного предложения. Нашей задачей была лишь формальная постановка данной проблемы, поскольку у самого Пешковского нет упоминаний о том, все ли союзы и другие служебные слова могут быть опущены без ущерба для данного предложения, так же как нет указаний на то, все ли служебные слова и союзы могут при их опущении компенсироваться интонационными средствами или возможна нейтрализация ранее различных синтаксических конструкций в одной интонационно-синтаксической структуре.

Говоря о технической стороне вопроса, необходимо сказать, что в ряде случаев из одного исходного примера не оказывалось возможным сделать четыре варианта. Так, например, в некоторых случаях принципиально невозможно опустить союз. Например, в предложении *Он не понимал, почему жена смеется* или в определительных предложениях, вводимых союзами — *который, чей, какой и т. п.*

Интонация и знаки препинания в русском языке

В русском языкознании (и смело можно сказать, что ни в одной другой лингвистической традиции) проблема соотношения интонации и пунктуации всегда казалась достойной быть включенной в число лингвистических

проблем. Как это ни парадоксально, вопросу о соотношении интонации и пунктуации в общей совокупности посвящено больше страниц как в специальных работах, так и в изданиях и монографиях типа «Русский язык», «Русский синтаксис», чем проблеме соотношения интонации и синтаксиса или описанию русской речевой интонации как таковой³⁶. В силу некоторых сложных закономерностей эволюции письменной формы языка русская пунктуация представляет собой в настоящее время богато разветвленную по числу реально употребляемых элементов и по их функциям систему правил и подправил, не сопоставимую с более или менее однотипными и значительно более простыми системами пунктуации других языков. По существу, даже самые подробные правила³⁷ не передают реальной пунктуации, посредством которой пишущий на русском языке может передать самые различные и тонкие отношения между синтаксическими структурами, вплоть до противоположных, не меняя ничего, кроме порядка и комбинации пунктуационных знаков³⁸.

Знаковая сущность пунктуационной системы крайне своеобразна. С одной стороны, это не уровень естественного языка и вообще не явление естественного языка.

³⁶ Общий обзор работ по данной проблематике приводится в ряде публикаций, см., например: А. Б. Шапиро. Основы русской пунктуации. М., 1955; Г. П. Фирсов. Значение работы над интонацией для усвоения синтаксиса и пунктуации в школе. М., 1962.

³⁷ См. последний по времени свод правил: «Правила русской орфографии и пунктуации». М., 1956.

³⁸ Некоторые попытки формализованного описания пунктуационной системы вообще (и русской в частности) были предприняты для автоматического анализа письменных текстов, см.: L. N i g s c h b e r g. Les Ponctuations. «Univ. libre de Bruxelles», 1963; О н а ж е. Ponctuations et analyse syntaxique automatique. «Univ. libre de Bruxelles», 1962; G. S a l t o n. The use of punctuation patterns in machine translation. «Mechanical translation», 1958, v. 5, № 1; И. И. Меньшиков. Обработка запятых через язык-посредник. «Науч. зап. Днепропетровского пед. ин-та», 1963, т. 79. Сборник работ филол. ф-та, вып. 19; Т. М. Николеева. Анализ знаков препинания при машинном переводе с русского языка. «Машинный перевод». Изд. ИТМ и ВТ АН СССР. М., 1958; М. В. Арапов. Система знаков препинания в русском языке. «Труды III Всесоюзной конференции по информационно-поисковым системам», т. II. Семиотические проблемы автоматизированной обработки информации. М., 1967.

С другой стороны, это и не условная коммуникативная система, заданная единократно и непротиворечивым образом. Систему знаков препинания удобнее всего сравнивать с подобием некоторого саморазвивающегося протеза, помещенного внутрь живого организма. Подробное описание эволюции русского синтаксиса, проведенное параллельно с описанием эволюции пунктуации, возможно, помогло бы понять, что же именно «протезируют» знаки препинания.

С определенностью все же можно сказать, что в настоящее время система русской пунктуации принципиально эклектична, и в течение многих десятилетий время от времени возникают призывы к ее унификации и дискуссии о том, какой же из заложенных в нее принципов является ведущим — смысловой, синтаксический или ритмомелодический³⁹. Кроме этих факторов наша пунктуационная система фиксирует размер передаваемых синтаксических конструкций, отношение автора высказывания к сообщаемому, порядок элементов, их структурную полноту, а также наличие определенных лексико-морфологических классов. Интерес к соотношению ритмомелодики и пунктуации в русском языке восходит к временам очень далеким. Так, первое специальное сочинение на эту тему было написано князем Андреем Курбским⁴⁰. Основной ритмомелодической величиной, с которой соотносились пунктуационные знаки, была тогда (как и много времени спустя) пауза⁴¹. Впрочем, это подчеркивание роли паузы как доминирующего и иног-

³⁹ См.: «Проект свода правил об употреблении знаков препинания». — РЯШ, 1930, № 3; Л. А. Булаховский. К реформе русской пунктуации. — РЯШ, 1930, № 4; Н. С. Поспелов. Об основах пунктуации в русском языке. — РЯШ, 1930, № 4; А. Б. Шапиро. О реформе пунктуации. — РЯШ, 1930, № 3; С. П. Флоров. Как быть с пунктуацией при обособленных членах предложения? — РЯШ, 1930, № 2; И. В. Устрицкий. Большой вопрос. — РЯШ, 1936, № 4. — Вторая волна предложений возникла в связи с проектом реформы русской орфографии в 1964 г.; см. об этом: В. Н. Епифанская - Казюк. Обзор статей и писем по вопросам пунктуации. — РЯШ, 1964, № 2.

⁴⁰ См. об этом: С. И. Абакумов. Об основах методики пунктуации. «Изв. АПН РСФСР», 1947, вып. 10.

⁴¹ Аналогичным было также и начало исследований английского языка (в 1569 г.); см. об этом: K. L. Pike. The intonation of American English, стр. 1.

да единственного фактора при определении ритмомелодической фигуры, соответствующей тому или иному знаку, характерно и для современной традиции, когда позиции знаков делятся на «читаемые» и «нечитаемые» по наличию или отсутствию паузы, а в случае отсутствия паузы принято говорить о «несоответствии интонации и пунктуации в данной конструкции», хотя введение в таких случаях в систему описания понятия нуля, нулевой паузы, снимает проблему несоответствия, если его строить лишь по таким основаниям ⁴².

Другими величинами, составляющими интонацию — мелодикой, темпом, занимались значительно меньше.

Наиболее яростным сторонником ритмомелодической сущности русской пунктуации был А. М. Пешковский, написавший об этом ряд убежденно-полемиических статей. Пешковский верил в «прочную ассоциацию каждого знака с соответствующей произносительной фигурой или фигурами». В статьях Пешковского по этой проблематике приводятся примеры тех ритмомелодических «фигур», которые соответствуют каждому знаку. Таких фигур может быть несколько. Так, запятой соответствует четыре варианта чтения. Определения и описания ритмомелодических фигур, приводимые А. М. Пешковским, не всегда, однако, предлагаются в терминах, пригодных, например, даже для простой имитации. Так, говоря о произнесении двоеточия, Пешковский пишет, что для этого знака свойственно ... «неспокойное понижение, темп речи ускоряется, все ударения приобретают беспокойный характер» ⁴³.

О ритмомелодической основе русской пунктуации писал и Л. А. Булаховский, призывавший ввести специальный знак для обозначения синтагматического членения в случаях типа *Недавно/приехавший доктор...* — *Недавно приехавший доктор* ⁴⁴. Сторонником этого принципа был и Л. В. Щерба. Так, он считал в связи с этим, что во фразе *Дом, где я живу* — запятая не нужна, а во фразе *Мой дядя был революционером* — обязательна ⁴⁵.

⁴² Понятие нулевой паузы вводит Ф. Данеш («Intonace a věta ve spisovné češtině»).

⁴³ А. М. Пешковский. Знаки препинания и научная грамматика.

⁴⁴ Л. А. Булаховский. Указ. соч.

⁴⁵ В этой позиции Л. В. Щербы сказывалось влияние принципов европейской пунктуации, в особенности французской, где син-

Центральная точка зрения по вопросу о ритмомелодической основе русской пунктуации была предложена С. И. Абакумовым — тезис о том, что и ритмомелодика, и пунктуация передают некоторые общие смысловые отношения, причем каждая система — своими специфическими средствами ⁴⁶. При этом, разумеется, не исключается возможность однозначных соответствий некоторой ритмомелодической фигуры и знака препинания, но более правильным представляется устанавливать эти соответствия следующим образом: от смысловых отношений — к пунктуации, и от этих же отношений — к интонации (т. е. это идея введения некоторого семантического языка-посредника для описания отношений между двумя системами, для элементов которой оказывается невозможным устанавливать одно-однозначные соответствия). Практическая сложность этой, на первый взгляд весьма перспективной точки зрения, однако, заложена в том, что те смысловые отношения, о которых говорит С. И. Абакумов и которые в некотором смысле составляют смысловое ядро синтаксического уровня данного языка, не даны, и определить их принципиально гораздо сложнее, чем перечислить интонационные фигуры и пунктуационные знаки, соответствующие им.

Однако несомненная связь, пусть и опосредствованная, существующая между интонационным и пунктуационным способом членения, видна даже по тем примерам, которые обычно приводятся с целью иллюстрации возможности разных синтагматических членений в одной фразе. Примеры, приводимые у А. Н. Гвоздева, подобраны так, что знаки препинания не участвуют ни в одном, ни в другом варианте, однако синтаксически эти приме-

тагматическое членение на границе распространенных групп подлежащего и сказуемого обязательно фиксируется на письме (см.: А. А. А н д р и е в с к а я. К вопросу о пунктуации в современном французском языке. «Київський» унів. XII Наукова сесія, секція філології, 1955). Это строгое запрещение ставить запятую между главными членами предложения, столь резко отличающее русскую пунктуацию, еще в прошлом столетии могло быть нарушено (см.: В. В о и н о в. О знаках препинания в применении к новейшему правописанию. М., 1857; В. К л а с с о в с к и й. Знаки препинания в пяти важнейших языках. СПб., 1869).

⁴⁶ С. И. А б а к у м о в. Указ. соч.— Еще ранее эта же точка зрения выдвигалась Н. И. Сентюриной (см.: Н. И. С е н т ю р и н а. О знаках препинания. «Голос и речь», 1914, № 1).

ры однообразны. Е. А. Брызгунова приводит более разнообразные примеры, в частности:

Оля, чувствовала мать, не зря вызвала ее.

Оля чувствовала: мать не зря вызвала ее.

Эта женщина, не раз говорила сестре Вера, никогда не вернется в наш город.

Эта женщина не раз говорила сестре: Вера никогда не вернется в наш город.

Надо учиться, работать и отдыхать.

*Надо учиться работать и отдыхать*⁴⁷.

Совершенно очевидно, что только пунктуация определяет разное (и притом единственное для всех носителей языка) различие в синтагматическом членении этих примеров⁴⁸.

Несомненно, что эта хотя бы чисто внешняя дискретность и различность пунктуационных знаков весьма привлекательна для того, чтобы избрать их в качестве самой простой системы, единицы которой могут быть сопоставлены с интонацией. Так, пользуясь лишь слуховым анализом, делал А. М. Пешковский. Нам казалось, что выбранный для анализа материал (сложные предложения с союзом и без союза) при небольшом преобразовании может служить и для проверки того, какие интонационные соответствия существуют для знаков препинания. Именно граница между предложениями в сложном предложении (разумеется, в первую очередь это относится к русскому языку) является не только «удобным» естественным членением как интонационным, так и пунктуационным, но и своеобразной позицией по соображениям другого рода.

В русском языке пунктуация простого предложения, как представляется, принципиально отлична от пунктуации на границе внутри сложного предложения. В про-

⁴⁷ Е. А. Брызгунова. Указ. соч., стр. 163—167.

⁴⁸ Интересна роль пунктуации в примерах, демонстрирующих различное членение единой по фонетическому составу фразы, приводимых Г. Фором: *La soeur de Jacques Laval, et vous. La soeur de Jacques, Laval et vous. La soeur de Jacques, la valez-vous? La soeur de Jacques Lavallée? Vous?* («Proceedings of IV congress of Phonetic sciences». Hague, 1962). Отрезки текста, отличающиеся лишь по пунктуации, предлагались также на английском материале для проверки адаптации интонации при заикании (см.: M. E. W i n g a t e. Prosody in stuttering adaptation. — JSHR, 1966, v. 9, № 4).

стом предложении (более точно, речь идет о так называемом осложненном предложении) знаки скорее отделяют и объединяют группы слов и словосочетаний, но не показывают тип отношений между ними. Основным показателем такого смыслового отношения бывает факт наличия / отсутствия знака, ср.: *Огорченный, мальчик пошел домой* — *Огорченный мальчик пошел домой*; *Далеко на мосту* показала телега — *Далеко (на мосту) показала телега*.

На границе сложного предложения пишущий обязан поставить знаки препинания (кроме особых случаев типа *Я спрашиваю не как проехать, а как пройти* или *На нашей улице висят рекламы и мчатся грузовики*). Однако недостаточно только поставить знак препинания, его нужно выбрать (это может быть запятая, тире, двоеточие). Поскольку этот выбор обязателен, можно в данном случае говорить о том, что данная совокупность знаков с правилами их выбора включается в грамматику данного языка⁴⁹, а сами знаки препинания входят в парадигматические отношения. Для анализа были выбраны четыре знака — запятая, допускающая разные чтения, как показал еще Пешковский, кроме того, это знак наиболее тривиальный и семантически немаркированный; тире — развивающийся знак с многообразными функциями; двоеточие — знак с более четкой семантической нагрузкой и, наконец, скобки. Точка с запятой, хотя и принципиально встречающаяся на границе сложного предложения, из рассмотрения была исключена по тем соображениям, что это — обусловленная разновидность запятой, ставящаяся при большом размере (в буквальном смысле) разделяемых частей, поэтому, если обратиться за аналогиями к другим языковым уровням, выше перечисленные знаки есть свободно избираемые единицы, тогда как точка с запятой — позиционно обусловленная аллоединица.

⁴⁹ Об определении «грамматического» см.: И. А. Мельчук. О некоторых типах языковых значений. — В кн.: О. С. Ахманова, И. А. Мельчук, Е. В. Падучева, Р. М. Фрумкина. О точных методах исследования языка. М., 1961.

Обобщение проблематики. Методика обращения с примерами, отобранными для эксперимента

Как очевидно из сказанного выше, целью автора было изучение и проверка нескольких гипотез в рамках выбранного материала (сложные предложения). Попытка обосновать хотя бы кратко возможность постановки этих задач и составляла содержание сказанного выше. Постараемся теперь в общем виде сформулировать эти задачи, перечисляя их в соответствии с предыдущим текстом.

Задача первая. Попытаться определить экспериментальным путем, какие смысловые отношения передаются интонационными средствами на границе между простыми предложениями, входящими в состав сложного предложения. Основной посылкой при этом был тезис о том, что установленными будут считаться лишь отношения, выраженные формально, т. е. те ситуации, когда различие в смысле сопровождается различием в форме выражения.

Задача вторая. Проверить соотношение этих смысловых типов и традиционно выделяемых типов сложного предложения, т. е. проверить распространенную презумпцию о том, что каждый тип синтаксической единицы должен иметь свою специфическую форму на уровне суперсегментных средств.

Однако, говоря о смысловых типах, необходимо (это относится как к первой, так и ко второй задаче) иметь в виду сложность подхода к содержательной стороне языка, состоящую в том, что если принять тезис о фиксации лишь тех смысловых единиц, которые различаются формально, то неизбежно будет иметь место тот факт, что для каждого формального уровня будут выделены «свои» семантические единицы, соответствующие этим формальным средствам. Таким образом, говоря о минимальных «смыслах», которые будут выделяться интонационными средствами, правомерно, не универсализируя их, соотносить лишь именно с этим уровнем плана выражения. Несомненно, любой другой анализ тех же примеров с иной, «формальной стороны» выделит иные семантические единицы; сопоставление этих единиц — есть особая проблема лингвистики.

Задача третья. Проверить на материале союзного и бессоюзного вариантов одного и того же сложного предложения справедливость компенсационного «принципа замены», выдвинутого А. М. Пешковским.

Задача четвертая. Проверить, существует ли определенный тип соответствий между интонационной фигурой в устной форме языка и соответствующим пунктуационным знаком в письменной форме.

Для того чтобы получение ответа на каждую из перечисленных проблем не требовало всякий раз привлечения дополнительного материала, а было возможно использовать один и тот же набор примеров для ответа на все эти вопросы, необходимо было заранее продумать соответствующую обработку исходных примеров. В настоящей работе был принят единый принцип обработки каждого примера.

Исходными примерами, как уже упоминалось, считались примеры, взятые из академической грамматики и сокращенные так, как указывалось выше (см. стр. 18). Каждый из таких примеров подвергался следующим трем преобразованиям (в перечисляемой последовательности):

1. Перестановка частей, составляющих данное сложное предложение, а именно: если союзная часть была в препозиции главному, она переходила в постпозицию, и наоборот. Таким образом, из исходного примера получалось два.

2. Опущение союза — в полученных выше двух примерах опускались союзы, т. е. получалось четыре примера.

3. Подстановка в полученные примеры четырех знаков препинания — запятой, тире, двоеточия и скобок. Таким образом, из одного исходного примера после трех преобразований получалось 16 примеров, предлагаемых для произнесения.

Однако, это число — 16 примеров, разумеется, есть максимальное число, появляющееся лишь в том случае, когда для исходного примера допустимы все три преобразования. На самом деле это возможно лишь гипотетически. В одних случаях, как указывалось выше, невозможным оказалось опустить союз, в других была недопустима перестановка частей предложения, в третьих недопустим определенный знак препинания.

Для того чтобы получить достоверные результаты по данным исходных примеров, была изготовлена некоторая сетка-таблица, по которой обрабатывались исходные примеры. Эта таблица содержала 16 клеток, каждая с фиксированным номером. По горизонтали регистрировалась возможность перестановки и опущения союза, по вертикали — возможность представить с тем или иным знаком препинания. Случаи, когда данный исход оказывался возможным, отмечались в виде плюсов в соответствующей клетке. Затем по результатам обработки данного примера выписывались в соответствующей форме все случаи, оказавшиеся возможными. При этом они снабжались следующей нумерацией: сначала ставился номер исходного примера и при нем в скобках номер соответствующей клетки в таблице, откуда был взят данный пример. Такой способ нумерации оказался удобным впоследствии при разного рода сопоставлениях (например, можно было легко сопоставить данные только по примерам с тире без союза или, например, с запятой в союзном варианте с союзом в препозиции и т. д.). Каждый рабочий пример с указанной нумерацией заносился в отдельную карточку, имевшую сверх того порядковый номер.

Приведем примеры нескольких случаев обработки исходных примеров по таблице. Лингвистически небезынтересным при сопоставлении и сравнении этих таблиц является их естественная группировка по равенству в возможности/невозможности преобразований. Так, например, примеры типа *Стало известно, где он поселился; Казалось невероятным, чтобы он ошибся; Он понимал, почему жена смеется* и некоторые другие имеют равное число и распределение плюсов в таблице. Таких «подгрупп» можно перечислить значительное число. Попытки автора разобраться в принципе этих комбинаций, соотнося их с самыми различными критериями, к сожалению, не имели результатов.

Исходный пример № 45: *Он с ужасом увидел, что они заехали в лес.*

Полученные рабочие примеры:

1. № 45 (1) *Он с ужасом увидел, что они заехали в лес.*
2. № 45 (2) *Он с ужасом увидел, они заехали в лес.*
3. № 45 (6) *Он с ужасом увидел — они заехали в лес.*
4. № 45 (10) *Он с ужасом увидел: они заехали в лес.*
5. № 45 (16) *Они заехали в лес (он с ужасом увидел).*

	Неперемещенные составные части		Перемещенные составные части	
	с союзом	без союза	с союзом	без союза
,	+1	+2	3	4
—	5	+6	7	8
:	9	+10	11	12
[()	13	14	15	+16

Исходный пример № 38. *Чем ближе к городу, тем меньше деревьев.*

Полученные рабочие примеры:

- № 38 (1) *Чем ближе к городу, тем меньше деревьев.*
- № 38 (2) *Ближе к городу, меньше деревьев.*
- № 38 (3) *Тем меньше деревьев, чем ближе к городу.*
- № 38 (4) *Меньше деревьев, ближе к городу.*
- № 38 (6) *Ближе к городу — меньше деревьев.*
- № 38 (8) *Меньше деревьев — ближе к городу.*
- № 38 (10) *Ближе к городу: меньше деревьев.*
- № 38 (12) *Меньше деревьев: ближе к городу.*
- № 38 (14) *Ближе к городу (меньше деревьев).*
- № 38 (15) *Тем меньше деревьев (чем ближе к городу).*
- № 38 (16) *Меньше деревьев (ближе к городу).*

	Неперемещенные части		Перемещенные части	
	с союзом	без союза	с союзом	без союза
,	+1	+2	+3	+4
—	5	+6	7	+8
:	9	+10	11	+12
()	13	+14	+15	+16

Общее число рабочих примеров было равно 364.

Основные физические величины, исследовавшиеся при изучении интонации. Техническая сторона эксперимента

При том понимании интонации, когда в это понятие включается не только одна мелодическая ее сторона (т. е. движение основного тона в данной фразе), интонация, как это указывалось выше, рассматривается обычно как некоторая комплексная величина, общее значение которой формируют отдельные параметры. Выше приводились такие параметры в разных работах. По большей части этот набор только декларировался или исследовались взаимоотношения лишь одной пары каких-либо параметров без анализа всего набора. Из общей суммы предложенных показателей, формулирующих интонацию, автором был исключен тембр — фактор экстралингвистический, как это убедительно показано Б. Сиртсема, а в последнее время — М. М. Галеевой⁵⁰. В работе, посвященной анализу заданных коротких по звучанию отрезков с заданным членением, не представлялось также целесообразным говорить о ритме⁵¹.

Таким образом, в настоящей работе были избраны следующие акустические величины в качестве тех параметров, изменение которых представлялось автору релевантным при изучении интонации сложного предложения:

1. Величина паузы на границе между частями сложного предложения (в мсек).
2. Темп речи в первой и второй части сложного предложения, т. е. средняя продолжительность звука в пер-

⁵⁰ B. Siertsema. Указ. соч.; М. М. Галеева. Спектральные характеристики русских гласных в зависимости от фразового ударения (к вопросу о роли тембра в составе интонации). «Труды ун-та дружбы народов им. П. Лумумбы». М., 1967, т. XXII. Языкознание, вып. 2.— Тембр как понятие «эмоционально-волевое» исключается и А. А. Гарнцевой из числа релевантных признаков интонации (А. А. Гарнцевая. Первичные и вторичные признаки речевой интонации. «Уч. зап. МГПИИ», 1963, вып. 15. «Исследования по вопросам фонетики»).

⁵¹ О технике описания интонационных величин см.: Л. К. Целитис. Измерение речевой интонации.— Изв. АН Лат. ССР, 1967, № 1; М. Н. O'Malley, G. E. Peterson. An experimental method for prosodic analysis. «Phonetica», 1966, v. 15, № 1—2.— Интересно также сжатое изложение техники так называемой фонетрической школы, см.: Л. П. Блохина. К вопросу о методах исследования интонации. «Материалы коллоквиума по экспериментальной фонетике и психологии речи». М., 1966.

вой части сложного предложения и средняя продолжительность звука во второй части сложного предложения (в мсек), отношение между этими величинами.

3. Мелодика, т. е. интонация в узком смысле (в гц). При этом учитывались более дробные показатели⁵²: а) движение основного тона по всей фразе; б) величина интервала на границе между частями сложного предложения; в) движение основного тона в первой синтагме⁵³; г) движение основного тона во второй, конечной синтагме; д) движение основного тона в ударном слоге первой синтагмы, являющемся в данной синтагме носителем синтагматического ударения; е) движение основного тона в ударном слоге (носителе синтагматического ударения) во второй, конечной синтагме.

4. Движение интенсивности во фразе (в мм) со следующими отдельными носителями: а) величина наиболее интенсивного звука в первой синтагме (до слога — носителя синтагматического ударения); б) величина интенсивности в слоге — носителе синтагматического ударения — в первой синтагме; в) движение интенсивности в первой синтагме (т. е. сопоставление п. „а“ и „б“) — убывающее или возрастающее; г) совпадение/несовпадение движения мелодики и интенсивности в первой синтагме; д) величина наиболее интенсивного звука во второй синтагме⁵⁴.

Эксперимент производился в 1964—1966 гг. в Лаборатории экспериментальной фонетики филологического факультета ЛГУ им. А. А. Жданова. Все примеры («рабочие» — см. выше) в перемешанном виде были прочитаны двумя дикторами (мужчинами): диктор Х. — 53 лет и диктор М. — 25 лет). Задачи исследования были дикторам не сообщены. Чтение рабочих примеров записывалось на магнитофонную пленку (на магнитофоне Mag 8). Магнитофонная запись затем переводилась в осциллографическую на восьмишлейфном осциллографе, при ско-

⁵² В ходе исследования, как будет более подробно показано ниже, некоторые параметры, взятые для исследования мелодики, оказались нерелевантными.

⁵³ В дальнейшем выражения первая (неконечная) и вторая (конечная) синтагма будут употребляться в значении, синонимичном соответственно первой и второй части сложного предложения.

⁵⁴ Для второй синтагмы, конечной, нельзя ставить вопрос о движении интенсивности и, следовательно, о совпадении интенсивности и мелодики, поскольку в конечной синтагме интенсивность всегда понижалась.

рости движения пленки 250 мм/сек. Полученные осциллограммы обрабатывались автором в соответствии с указаниями, приводимыми в книге Л. В. Бондарко⁵⁵.

Как очевидно, методика проведенного эксперимента была самой традиционной — выводы делались на основании данных, полученных от немногочисленных дикторов. Горькие слова по поводу такого метода получения и обработки языковых данных были сказаны А. В. Исаченко и Х. И. Шэдlichem⁵⁶ («нельзя построить теорию на измерении и описании неповторяемых событий»)⁵⁷ в защиту искусственно синтезированных «и потому по всем релевантным параметрам контролируемых» сигналов. И, действительно, ответы на самые сложные проблемы изучения интонаций, полученные с такой убедительностью, блестяще подтверждают значительность синтезированной речи для лингвистической теории.

Однако эта, синтезированная, речь всегда экспериментальна и порождается с целью получить ответ на определенный вопрос (что «важнее» при восприятии удара — интенсивность или мелодика, на каком слоге от ударного возможен подъем мелодики, чтобы получить вопросительную интонацию и т. д.). Иначе говоря, только таким путем, вероятно, можно получить и осознать набор интонационных средств. В совокупность же лингвистических задач входит и иная проблема — попытаться понять, как человек, будучи носителем данного языка и владея всей совокупностью средств воспроизведения текста, выбирает те или иные комплексы из этого набора. Как представляется, это можно сделать, лишь предлагая человеку тексты разного содержательного наполнения и фиксируя при этом принцип выбора просодических средств. Этот, индуктивный, этап представляется необходимым. Результатом этого этапа обычно являются некие гипотезы, которые исследователь и может проверить на синтезированных отрезках текста.

⁵⁵ Л. В. Бондарко. Осциллографический анализ речи. Л., 1965.

⁵⁶ A. V. Isačenko, H.-J. Schädlich. Указ. соч.

⁵⁷ И действительно, специальные экспериментальные данные ярко показывают нестабильность, переменчивость прочтения примеров дикторами (см.: О. Г. Козьмин. О свободном варьировании интонационных структур. «Уч. зап. I МГПИИЯ», 1966, т. XXXV).

В настоящей работе применялся не только анализ электроакустических данных, но и (правда, в меньшей степени) данные слухового анализа. Некоторые расхождения в полученных при этом сведениях не казались бесспорным свидетельством примата слухового анализа и недостатком анализа электроакустических данных. Факт расхождения этих данных давно известен и описан⁵⁸. Ограниченные возможности человеческого восприятия (так, известно, что более высокие звуки при равной интенсивности кажутся громче низких⁵⁹, что человеческое ухо менее тонко различает интенсивность, чем длительность,⁶⁰ и т. д.), а также известные данные по языковой избыточности на других уровнях не позволяют заранее отрицать возможность гипотезы, что человек может регулярно воспроизводить и дифференцировать некоторые факты, не всегда воспринимаемые с той же степенью регулярности их различения. Короче говоря, проблема слухового восприятия очень сложна; разные параметры, например, воспринимаются по-разному. Кроме того, по-разному воспринимаются просто носителями языка и лингвистами-профессионалами, а для последних точность фиксирования данных восприятия определяется и выбранной системой нотации⁶¹.

⁵⁸ Так, например, Г. Хаммарстрем, говоря об имеющем место в речевой деятельности несовпадении артикулярных (Art), акустических (Ac) и слуховых данных (Aud) строит ряды:

(G. Hammarström. Réflexions sur la linguistique structurale et la phonétique expérimentale. «Phonetica», 1963, v. 9, № 1). Несоответствие реальных и воспринятых пауз отмечают М. Коуэн и Б. Блох (J. M. Cowan and B. Bloch. An experimental study of pause in English Grammar. «American speech», 1948, v. XXIII, № 2). В 474 случаях из 541 совпадали экспериментальные данные и данные слухового анализа по результатам Е. и К. Цвирнеров (E. Z w i r n e r, K. Z w i r n e r. Über Hören und Messen der Sprachmelodie. «Archiv für vergleichende Phonetik». Berlin, 1937, 1).

⁵⁹ F. Т р о j а n. Akzent, Betonung und Rhythmus. «Studium generale». Berlin — Heidelberg, 1966, Jg. 19, Hf. 1.

⁶⁰ H. M o l, E. U h l e n b e c k. The linguistic relevance of intensity in stress. «Lingua», 1956, v. V, № 2.

⁶¹ Данные Ф. Либермана (Ph. L i e b e r m a n. On the acoustic basis of the perception of intonation by linguists. «Word», 1965, v. 21, № 1).

Описание и интерпретация результатов, полученных из эксперимента на материале русского сложного предложения, подготовленного, как было сказано выше, представляют содержание первой части настоящей книги. Автором заранее было задумано использовать этот довольно большой (разумеется, только по времени его обработки) материал как первый этап для исследования, который должен показать некоторые общие закономерности, для проверки которых можно будет ограничиться меньшим, но несколько иначе подобранным числом примеров. Как показал эксперимент, такое сокращение числа примеров действительно оказалось возможным.

Для сопоставления полученных результатов по данным славянских языков было отобрано 60 примеров. Эти примеры были прочтены на четырех славянских языках — русском, украинском, польском и чешском. Обсуждение результатов, полученных при типологическом подходе к интонации сложного предложения, а также при проверке общности полученных данных для славянских языков (хотя бы в этой ограниченной их части, которая подвергалась обследованию) составляет содержание второй части настоящей книги.

ДАнные РУССКОГО ЯЗЫКА

ВРЕМЕННЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ ПРОСОДИИ —
ПАУЗА И ТЕМП

Пауза

1

Изменение паузы (абсолютной и относительной величины) — один из самых характерных показателей интонации. Многие исследования по соотношению письменной и устной формы языка не только в русском, как указывалось выше, но и в других языках представляют в основном не что иное, как фиксирование места паузы и/или количественную характеристику паузы (подсчет длительности каждой паузы)¹. Пауза признается одним из существенных факторов синтаксической фонологии, включаемом именно в систему языка, поскольку в распределении и соотносительном размере пауз наблюдалось противопоставление системного характера. Были сделаны попытки даже построения некоторой фонологии паузы (при том подходе, когда структурные варианты пауз объявлялись фонемными)².

Однако в последнее время вполне отчетливо наметилась и противоположная тенденция — исключить паузу

¹ См.: E. Z w i r n e r — K. Z w i r n e r. Phonometrischer Beitrag zur Frage der Lesepausen. «Archives néerlandaises de phonétique expérimentale», 1932, v. XIII; L. H e g e d ü s. On the problem of the pauses of speech.—ALH, 1953, № 3; M. C o w a n and B. B l o c h. An experimental study of pause in English Grammar. «American speech», 1958, v. XXIII, № 2.

² H. W e i n r i c h. Phonologie der Sprechpause. «Phonetica», 1961, v. 7, № 3—4; см. также: Sv. A n d e r s o n. La phonologie des pauses dans la discours. «Studia linguistica», 1964, XVIII, № 1.

зу из совокупности величин, образующих просодическую характеристику фразы, считая показатели паузы (как абсолютные, начиная от самого факта появления паузы, так и относительные) нерелевантными характеристиками речи³. Это отрицание роли паузы основывается на установленном факте, согласно которому перелом в движении основного тона на протяжении фразы, т. е. перелом в мелодике, при слуховом восприятии создает отчетливое впечатление паузы, членищей данную мелодическую цепь, хотя при акустическом анализе оказывается, что в данном месте пауза не фиксируется⁴. Разумеется, слуховое восприятие паузы не всегда достаточно объективно совпадает с данными электроакустического или физиологического анализа⁵, однако тот факт, что функцию паузы может в ряде случаев выполнять иное просодическое средство, не есть, на наш взгляд, достаточное основание для того, чтобы говорить о нерелевантности паузы как фонологической величины⁶. Если результаты анализа (в любом его понимании) покажут наличие определенных зависимостей в распределении паузы и ее относительной величине, причем в каждом аналогичном окружении пауза будет соответственным образом единообразно изменять свою величину, то вполне можно будет говорить

³ Так, в частности, относительные характеристики пауз в разных синтаксических контекстах не фигурируют в качестве нормативной и дифференциальной характеристики высказываний у Е. А. Брызгуновой (см.: Е. А. Брызгунова. Практическая фонетика и интонация русского языка. М., 1963).

⁴ Особенно отчетливо это показано благодаря эксперименту в немецкой интонации (А. В. Исаченко — Н. J. Schädlich. Untersuchungen über deutsche Satzintonation. Berlin, 1964, стр. 21—22); см. также: Л. В. Злагоустова. Фонетическая структура слова в потоке речи. Казань, 1962; М. R o m p o r t I. Zum Wesen der Intonation. «Proceedings of IV Congress of phonetic science». The Hague, 1962.

⁵ Эти расхождения приводятся, в частности, в статье О. Коуэна и Б. Блоха (указ. соч.), однако небезынтересно заметить, что в случаях совпадения этих двух рядов данных (согласно результатам этих авторов) всегда имело место также и грамматическое членение фразы.

⁶ О несомненности фонологической значимости паузы см.: S. K a r s e v s k i j. La phonologie de la phrase. — TCLP, 1931, IV; А. Н. Гвоздев. О фонологических средствах языка. М. — Л., 1949; см. также выше о типах «наборов», характеризующих комплексное понимание интонации. Итак, во многих исследованиях пауза признается неременным средством, формирующим интонацию языка.

о включении паузы в число объективных показателей просодии, а при некотором разбиении «паузы» как аморфного понятия на ряд «пауз», соотносящихся по объему, возможных в одном и том же окружении, но так, что введение разных пауз каждый раз изменяет смысл в ожидаемом направлении, можно говорить о парадигматических отношениях для членов выделенной последовательности «пауз»⁷. Тот факт, что на границе между синтагмами пауза может отсутствовать, а ее функция выполняется другими средствами, может быть сопоставлен с отсутствием реальной флексии в ряде падежных форм существительного, например в русском языке, что не мешает воспринимать всю совокупность флексий как систему. Как в данном случае принято говорить о нулевой флексии, так и в случае отсутствия паузы (разумеется, речь идет о тех случаях, где она может быть, т. е. на границах синтагм) имеет смысл говорить о нулевой паузе (см. стр. 28).

Именно эта возможность «мелодического» воплощения паузы обусловила идею ликвидации паузы как термина с заменой его более общим понятием «диэремы» (пауза — как частный вид стыка)⁸. Однако высказывалась и обратная мысль — назвать паузологией данные как паузы, так и стыка⁹. При синтагматическом членении абсолютно беспазуального членения нет, если включить косвенные показатели — знак нулевой паузы¹⁰. Что же касается слухового восприятия, то очевидно, что в двух случаях — с нулевой паузой и переломом мелодики и с паузой, скажем, от 400 мсек и с той же мелодикой — любой слушатель правильно воспримет их относительную величину, оценив паузу во втором случае как большую.

Существенно указать, однако, что пауза определенным образом зависит от темпа речи (ниже будет рассматриваться другой аспект этой зависимости). Поэтому выдвигалось предложение измерять паузу в относительных дан-

⁷ О двух типах пауз (или морфем) см.: K. Pike. The intonation of American English. Ann Arbor, 1947.

⁸ См.: Г. Г. Егоров. [Рец. на кн.:] D. Crystal and R. Quirk. Systems of prosodic and... «Вестник МГУ», Филология, 1967, № 1.

⁹ A. W. Siegman, O. Tosi, S. Singh, J. Takebata. A study of pauses in oral reading of one's native language and English. «Language and speech», 1966, v. 9, pt. 4.

¹⁰ А. А. Гарнцева. Первичные и вторичные признаки речевой интонации. «Уч. зап. МГПИ». 1963, вып. 195. Исследования по вопросам фонетики.

ных — числом звуков, взятых со средней продолжительностью звучания в данной речи, которое могло бы прозвучать за время продолжительности паузы¹¹. Однако предполагалось, что общая установка на взятый темп речи у дикторов во время эксперимента не менялась.

Приведем полученные данные при подсчете паузы для двух дикторов (в дальнейшем — диктор X и диктор M).

Подсчет первый. Средняя продолжительность паузы при каждом из выбранных знаков препинания¹².

	Диктор X	Диктор M
,	47	483,3
—	394,2	686
:	522,3	687,7
()	534,8	696,9

Эти цифры свидетельствуют, что относительные результаты распределения величин паузы согласно знакам препинания, предложенным в данной последовательности, у обоих дикторов совпадают. Это говорит о наличии определенной зависимости между знаком препинания и величиной паузы в русском языке.

Однако приведенные показатели являются средними, т. е. не говорят о том, каковы наиболее характерные показатели для каждого знака препинания, поскольку при выведении средней цифры не учитывается число примеров в каждой числовой зоне. Для проверки действительного распределения величины паузы по знакам препинания в соответствующих письменных текстах были составлены графики, показывающие число случаев, приходящихся на разные количественные показатели (кривые статистического распределения случаев). На оси абсцисс регистрировалось число случаев (5, 10, 15, 20 и т. д.), по оси ординат отмечалась длительность пауз (с интервалами в 100 мсек). Такие кривые были получены для обоих дикторов. Пример такого графика см. на рис. 1.

¹¹ Л. К. Цеплитис. Измерение речевой интонации. — Изв. АН Лат. ССР, 1967, № 3.

¹² Во всех последующих таблицах, показывающих данные паузы и темпа, цифры указываются в миллисекундах (мсек).

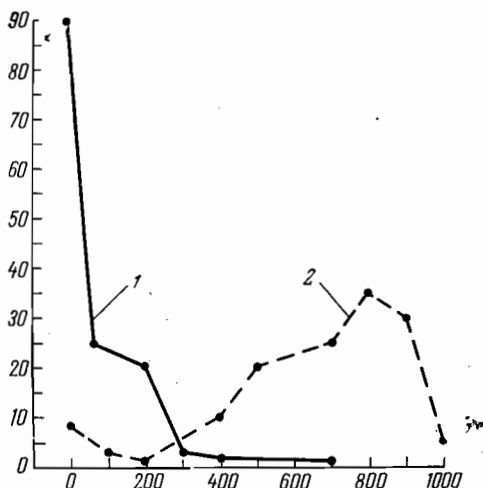

Рис. 1. Статистическое распределение длительности пауз при запятой и скобках (диктор X)

1 — запятая; 2 — скобки

Из таких графиков были извлечены наиболее характерные количественные показатели величины пауз, соответствующие знакам препинания, стоящим на границе между синтагмами. Эти данные в дальнейшем в работе назывались «пиками».

По «пикам» для каждого знака препинания были выведены следующие числовые показатели (в мсек)¹³:

	Диктор X	Диктор М
,	0	600
—	500	700
:	600	700—800
()	от 600 до 800	700—800

¹³ Для диктора М характерны длительные паузы на границе между синтагмами. Полное отсутствие паузы отмечалось лишь в очень редких случаях.

Эти, неусредненные, данные также говорят о наличии некоторой общей зависимости между величиной паузы и знаком препинания на границе синтагм.

Таким образом, из полученных данных выводится следующая закономерность распределения величины паузы

$\cdot < - < : < ()$.

Эта закономерность была выведена из общего числа величин арифметическим путем.

Было необходимо проверить в свою очередь справедливость ее для каждого отдельного примера. С этой целью каждому примеру с отмеченным общим членением были сопоставлены данные по величине паузы соответственно в случае запятой, тире, двоеточия и скобок (приводятся данные диктора X):

	Величина паузы			
	,	-	:	()
<i>Дома не было никого/ все ушли на площадь</i>	0	400	560	600

Наблюдая изменение в величинах пауз в данном примере, нельзя в то же время не отметить, что относительный рост продолжительности паузы далеко не одинаков — от нуля до 400 мсек, с одной стороны, и от 560 до 600 мсек — с другой. Такого рода данные были получены для всех примеров и для обоих дикторов. Общие данные говорят о соблюдении выведенного выше принципа соответствия между величиной паузы и знаком препинания, отмечающим границы между синтагмами. Однако пропорции в этом распределении были самыми различными: это могли быть — 0/150/500/900 или 40/320/550/760 и т. д. Существенным при оценке считалось соблюдение общего принципа возрастания длительности паузы в соответствии с последовательностью знаков, от запятой до скобок.

Нарастание величины паузы от запятой, где пауза не представлена, к скобкам — знаку, требующему наибольшей паузы, отчетливо видно на рис. 2, отражающем чтение диктором X примера *Я вышел/стало душно*.

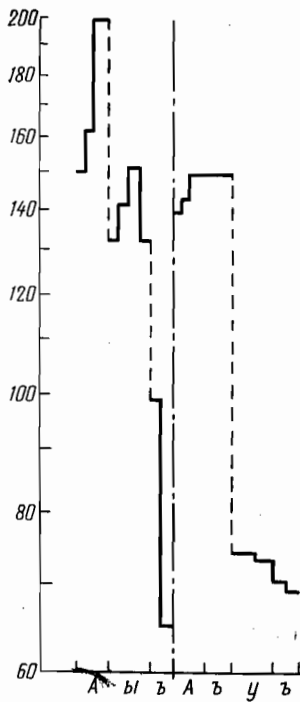
Подсчет второй. Как указалось выше, исходные примеры были взяты для исследования в двух вариантах — с постпозицией первой части и с препозицией. Это было сделано для того, чтобы проверить, не влияет ли на выделенную закономерность в распределении паузы по знакам препинания место каждой из частей предложения, поскольку в принципе возможно, что эта закономерность проявляется, например, только после придаточного или, наоборот, только после главного и т. п. Для этого у всех союзных предложений был произведен дополнительный подсчет, по данным которого определялась величина паузы для той же последовательности знаков препинания с препозицией и постпозицией союзной части. Результаты подсчетов оказались следующими¹⁴.

	Диктор X		Диктор М	
	препозиция союзной части	постпозиция союзной части	препозиция союзной части	постпозиция союзной части
,	27,6	25,1	634,2	401,9
—	318,9	278,8	673,5	695
:	550	420	682,6	543,3

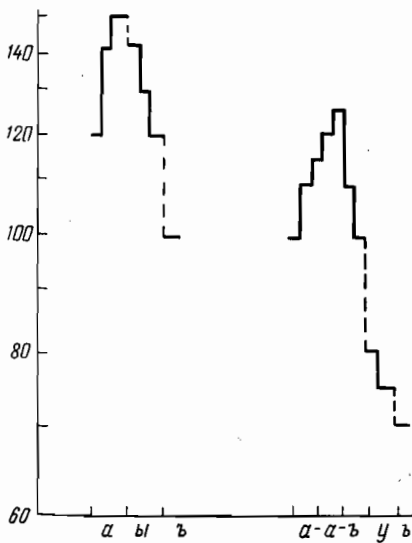
По приведенным данным можно сказать с очевидностью, что для диктора X нарастание величины паузы в соответствии с данной последовательностью знаков препинания не зависит от позиции союзной части. Дополнительно можно заметить, что для этого же диктора характерно уменьшение паузы перед союзом. У диктора М в основном намечаются те же закономерности, что и у диктора X, за исключением паузы, соответствующей тире перед союзом¹⁵.

¹⁴ Естественно, что при данном подсчете скобки исключались из рассмотрения, поскольку они могут вводить союзную часть только в постпозиции.

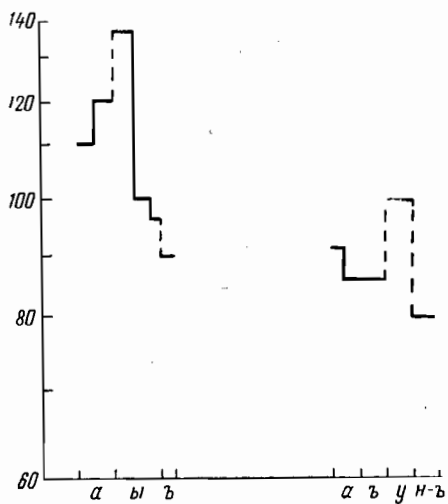
¹⁵ Некоторую особенность (не имеющую отношения к закону Пешковского) представляет произношение диктором М паузы, соответствующей тире; в данном случае пауза продолжительнее паузы, соответствующей двоеточию и скобкам. Это происходит за счет очень продолжительных пауз в отдельных примерах с тире (см. об этом ниже).

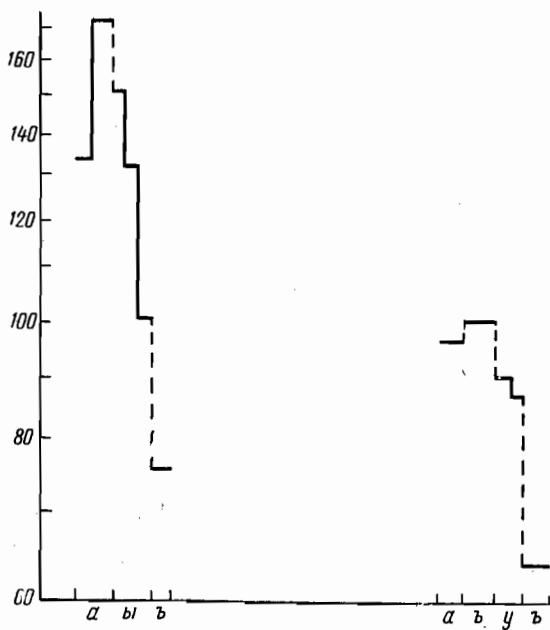
а) Я вышел, стало душно

б) Я вышел — стало душно

в) Я вышел: стало душно

г) Я вышел (стало душно)

Рис. 2. Изменение величины паузы при разных знаках препинания (диктор X)

Подсчет третий. Задачей третьего подсчета была проверка компенсационного закона Пешковского, а именно — определение соотносительной величины паузы в союзном и бессоюзном вариантах одного и того же предложения¹⁶. Для этого была подсчитана средняя продолжительность пауз в союзном и бессоюзном предложениях (с тем же набором знаков препинания). Приводим полученные данные:

	Диктор X		Диктор М	
	с союзом	без союза	с союзом	без союза
,	26,1	73,7	489,4	534,7
—	305,9	447,9	636,2	684,6
:	323,3	547,4	584	651,6
()	463,2	676,03	606,2	885

В процентном отношении закон Пешковского подтверждается следующим образом: у диктора М — для 73% предложений; у диктора X — для 72%.

Как видно из приведенных показаний, пауза в бессоюзном варианте больше паузы в союзном варианте. Таким образом, можно (на основании, конечно, тех данных, которыми располагает автор) заключить, что закон Пешковского о большей интонационной яркости при отсутствии союза справедлив, если рассматривать данные, полученные при анализе паузы. Итак, результаты трех подсчетов дают основание говорить о следующих закономерностях паузы как параметра (в соответствии с поставленными задачами): 1) величина паузы зависит от знака препинания, стоящего в письменной форме на границе между предложениями; величина паузы возрастает, будучи минимальной (или нулевой) при запятой, и максимальной — при скобках; 2) соотносительная величина пауз зависит от позиции союзной части; 3) пауза в бессоюзном предложении больше, чем пауза в том же предло-

¹⁶ А. М. Пешковский придавал очень большое значение паузе, считая, что пауза на месте союза может создавать те же синтаксические отметки, что и союз (А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 7. М., 1956, стр. 456).

жении с союзом, т. е. компенсационный закон А. М. Пешковского в данном случае имеет место.

Принципиального отличия паузы сложносочиненного предложения от паузы в сложноподчиненном предложении, вопреки частому утверждению об их обязательном отличии, не обнаружено¹⁷.

2

Перечисленные выводы относятся не ко всей части рассмотренных примеров. Те примеры, которые соответствовали приведенным закономерностям, считались в данной работе правильными (разумеется, это обозначение чисто условно и не буквально). Таких правильных примеров для каждого из дикторов насчитывалось разное число. Так, для диктора Х (преподавателя ЛГУ) число правильных примеров составляло 88% от общего числа прочтенных примеров, у диктора М — только 65%.

Статистически недостаточное число рассмотренных примеров тем более заставляло относиться крайне внимательно к примерам, не укладывающимся в схему. В данном случае и в дальнейшем перед автором стояли две возможности: 1) считать случаи отклонения случайными или ошибочными и, игнорируя их, строить некоторую упрощенную модель, отражающую исследуемую ситуацию; 2) рассмотреть все аномальные случаи, стараясь, если возможно, найти в отклонениях рефлексы какой-либо другой системы закономерностей, вступившей в противоречие с той, которая нашла в данном случае количественно более яркое решение.

В работе был принят второй принцип. Значительную часть примеров-отклонений составляют те случаи, когда пауза, как будто бы характерная для данного знака препинания, не выдерживается, а заменяется другой. Наиболее типичными случаями являются две ситуации (как бы крайние точки отклонений): 1) скобки читаются без паузы (с нулевой паузой), 2) запятая читается с большой паузой на границе синтагм.

Анализ примеров первого типа показал, что нулевая пауза перед скобкой произносится в тех случаях, когда

¹⁷ «Сравни паузу в сложноподчиненном с таковою в сложносочиненном» (А. А. Г а р н ц е в а. Указ. соч.).

скобочная часть начинается с союза, например: *Настает время (когда вы вернетесь)*; *Он будет таким (каким был его отец)* и т. д.— диктор X; *Разговор не получился (так как ей стало грустно)* — пауза 330 мсек, диктор М, для которого минимальные исходные паузы были равны 350—400 мсек и т. д.

Анализ тех случаев, когда запятая произносится не с нулевой или минимальной паузой, а со значительной паузой, также говорит о «неслучайности» появления длительных пауз в данном месте, например: *Он с ужасом увидел, они заехали в лес* (диктор X, пауза 510 мсек), *Был уже апрель, река еще не растаяла* (диктор X, пауза 620 мсек); *Они считали его ребенком, он все понимал* (диктор X, пауза 360 мсек); *Все уже пришли, я вернулся* (диктор М, пауза 1040 мсек); *Они считали его ребенком, он все понимал* (диктор М, пауза 720 мсек); *Мы пошли домой, пошел дождь* (диктор М, пауза 720 мсек); *Силы ему изменили, он отъехал* (диктор М, пауза 920 мсек) и т. д. В приведенных примерах несомненно ощущается некоторое семантическое свойство, согласно которому пауза удлиняется, а запятая, обычно сопровождающаяся нулевой (или минимальной) паузой, как бы перечеркивается. Самая неизощренная интуиция подсказывает, что смысловые отношения между первой и второй частью во фразе *Я ударил его, он упал замертво* содержат какое-то дополнительное качество по сравнению, например, с фразой *Я знаю, что ты придешь*. В примерах, приведенных выше, ощущается смысловое значение результата или противопоставления. Выделить и обозначить единицы плана содержания, соответствующие в плане выражения паузы разной длительности, было бы крайне привлекательно. Однако наш материал для этого был недостаточен. Кроме того, поспешное присваивание просодическим единицам того или иного смыслового ярлыка, возможно, вредило ряду просодических исследований. Мы вынуждены ограничиться констатированием того факта, что, во-первых, пауза на границе между синтагмами несомненно передает смысловые отношения особого плана; во-вторых, указания на наличие в данном тексте именно того или иного отношения между его частями могут иметь разное происхождение: 1) это может быть союз; так, явно противопоставлены по этому принципу союзы присоединительные (*отчего, и, причем* и т. д.), регу-

лярно сопровождающиеся паузой) и союзы остальные¹⁸, 2) это может быть определенный лексический состав фразы, из которого вытекают однозначно (независимо от знака) отношения между первой и второй частью¹⁹, 3) наконец, это могут быть знаки препинания.

Именно эта сложность во взаимодействии столь гетерогенных факторов обусловила отклонения от закона Пешковского, проявившиеся в данных примерах. Так, характерно, что в примерах, вводимых союзами *отчего*, *и* (присоединительное) и т. д., пауза в союзном варианте оказывается больше, чем в бессоюзном²⁰ (ср. *В город приехал отряд, отчего вся жизнь города изменилась* и *В город приехал отряд, вся жизнь города изменилась*). Разный тип чтения одного и того же знака у данных дикторов обычно вызывают случаи, «пограничные» между пунктами 2 и 3, т. е. примеры, лексический состав которых недостаточно однозначен, чтобы быть прочитанным одинаково всеми носителями языка, но и не настолько нейтрален, чтобы отношения между первой и второй частью определялись только пунктуационными знаками. Таковы, например, фразы: *Что касается меня, я согласен; Несмотря на то, что был уже апрель, река еще не растаяла; Только он отъехал, силы ему изменили*, произнесенные диктором X с нулевой паузой и диктором M с неминимальной. Очевидно, при работе некоторого перекодирующего устройства, переводящего зрительный образ — письменную форму фразы — в образ артикулярно-акустический, происходит в мозгу своеобразная дешифровка текста, анализ его; при этом разные факторы могут

¹⁸ Кроме того, один и тот же союз в разных значениях может отмечаться или не отмечаться предшествующей значительной паузой. Так, например, для английского языка таков союз *that* (A. T. B ö d t k e r, Questions of stress and pause in modern English. «Anglia», 1916, XXXIII, March).

¹⁹ В дальнейшем постараемся показать ведущую роль этого фактора при устном произнесении. Разные случаи зависимости устного воплощения предложений от лексического состава разговорной речи приводятся Н. Ю. Шведовой (Н. Ю. Ш в е д о в а. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960), о доминирующей роли этого фактора при выборе типа интонации говорит также Б. Сиртсема (B. S i e r t s e m a. Timbre, pitch and intonation. «Lingua», 1962, v. XI).

²⁰ А. М. Пешковский говорил в таких случаях, что пауза может «победить» союз (А. М. П е ш к о в с к и й. Русский синтаксис в научном освещении, стр. 457).

быть доминирующими для разных носителей того же языка. Так, для диктора М, очевидно, на первом плане был поиск смысловых связей, тогда как диктор Х обладал более стереотипными навыками чтения знаков препинания, отдавая предпочтение «смыслу» лишь в исключительных случаях.

Необходимо, однако, сказать о примерах аномальных пауз, к которым не удалось подобрать никакой интерпретации²¹. Это в основном те случаи, когда при перемене позиций первой и второй части одного исходного примера резко менялась длительность паузы, хотя с точки зрения смысла, ситуация оставалась тождественной. Например, таковы фразы:

	,	—	:	Диктор
<i>Меньше деревьев/ближе к городу</i>	0	395	525	Х
<i>Ближе к городу/меньше деревьев</i>	70	205	250	
<i>Он в роскоши/я здесь</i>	105	320	530	Х
<i>Я здесь/он в роскоши</i>	0	330	50	
<i>Он учитель/он не военный</i>	740	740		М
<i>Он не военный/он учитель</i>	100	890		
<i>Завод получил новые заказы/началась война</i>	530	68		М
<i>Началась война/завод получил новые заказы</i>	720	510		

Что касается особенностей членения всей фразы в целом и членения на границе между предложениями, то, сопоставляя данные обоих дикторов, получаем следующие данные:

1. Отсутствия членения на границе между частями предложения не было ни в одном случае. Нулевая пауза, т. е., как указывалось выше, та ситуация, когда впечатление паузы создается на слух не реальной паузой — прекращением фонации, а переломом мелодики,

²¹ А. Н. Гвоздев, включая паузу в число необходимых компонентов интонации, скептически относится к возможности дифференцировать в слуховом восприятии величину паузы, а также к возможностям интерпретации этих различий (указ. соч.).

естественно, считалась полноправным показателем членения. Таким образом, под отсутствием членения понималось чтение двух частей предложения в виде одной синтагмы, — возможность, на которую указывал Л. В. Щерба. Вполне допустимо, что такое строгое членение было обусловлено самой искусственностью эксперимента (когда записывалось лабораторное воспроизведение, а не естественная речь).

2. У диктора X сложное предложение всегда представляло в виде двух синтагм, соответствовавших частям предложения, т. е. членение синтаксическое совпадало с интонационным. У диктора M наблюдались отдельные случаи дополнительного членения на синтагмы внутри двух основных синтагм, т. е. имело место выделение основных и минимальных синтагм, следуя термину Е. А. Брызгуновой. Это дополнительное разбиение имело место примерно в 10% прочитанных рабочих примеров. При этом интересно заметить, что исходный пример подвергался такому дополнительному членению при всех перестановках и заменах пунктуационных знаков, а также при опущении союза. Укажем случаи такого дополнительного членения.

Исходный пример: *Он все понимал, тогда как они считали его ребенком.* Типы членения: *Они считали его ребенком, / тогда как он / все понимал; Они считали его ребенком, / он / все понимал; Он все понимал, / они считали его / ребенком.*

Исходный пример: *Это объяснение имело смысл, поскольку остальные не годились.* Типы членения: *Поскольку остальные не годились — / это объяснение / имело смысл; Это объяснение / имело смысл, / поскольку остальные / не годились; Остальные не годились — / это объяснение / имело смысл.*

Исходный пример: *Уйти незаметно было нельзя, он вышел открыто.* Типы членения: *Он вышел открыто; / уйти незаметно / было нельзя; Он вышел открыто — / уйти незаметно было нельзя; Он вышел открыто, / уйти незаметно / было нельзя; Уйти незаметно / было нельзя — / он вышел / открыто.*

Исходный пример: *В город приехал отряд, отчего вся жизнь города изменилась.* Типы членения: *В город приехал отряд: / вся жизнь города / изменилась; В город приехал отряд, / вся жизнь города / изменилась; Вся жизнь города / изменилась — / в город приехал / отряд; Вся жизнь*

города/изменились:/в город приехал отряд; Вся жизнь города /изменилась,/в город приехал/отряд; В город приехал отряд,/отчего вся жизнь города/изменилась.

Исходный пример: *Ей стало грустно, так как разговор не получился.* Типы членения: *Ей стало грустно — /разговор/не получился;* *Ей стало грустно, (так как/разговор / не получился);* *Ей стало грустно,/так как /разговор не получился/;* *Ей стало грустно: /разговор/ не получился.*

Анализ этих и других, подобных им и не приведенных здесь примеров показывает, что дополнительное членение двух основных синтагм на более мелкие минимальные синтагмы не обусловлено размером основных синтагм, т. е. не вызвано физиологической необходимостью прекращения фонации²², поскольку примеры, гораздо большие по объему, произносились тем же диктором без дополнительного членения. Случаи дополнительного членения представляют собой как бы дополнительное актуальное членение внутри основных синтагм, см.: *Разговор/ не получился* или *Вся жизнь города/изменилась* и т. д. Введение во фразу дополнительных пауз не уменьшило величины паузы при основном членении по сравнению с теми же примерами, где дополнительное членение отсутствует.

Темп

1

Если относительно самостоятельности паузы как просодической величины возникали некоторые сомнения, то средняя продолжительность звука всегда считалась

²² Необходимость возникновения пауз в потоке речи может зависеть от нескольких одновременно действующих факторов. Экспериментальным путем это определено Р. Л. Шейкиным, последовательно подвергавшим анализу разные гипотезы возникновения пауз (см.: Р. Л. Шейкин. К анализу механизмов возникновения пауз в речи. «Механизмы речеобразования и восприятия сложных звуков». М.—Л., 1966). Автор приходит к выводу, что возникновение пауз определяется как длиной отрезка, так и смысловыми факторами. О разных причинах паузации см. также: F. G o l d m a n - E i s l e r. The distribution of pause duration in speech. «Language and speech», 1961, v. 4, стр. 4; О н а ж е. Continuity of speech utterance, its determinants and its significance.— Там же; F. G o l d m a n - E i s l e r. Speech production and predictability of words in context and the length of pauses in speech. «Language and speech», 1958, v. 1; F. G. L o u n s b u r g. Pausal, juncture and hesitation phenomena. «Psycholinguistics». Baltimore, 1954.

одним из наиболее важных параметров, определяющих интонацию. В настоящей работе существенным было выяснение не только темпа всей фразы или темпа отдельных ее частей, но и соотношения в темпе между первой и второй ее частью: темп до членения и темп после членения.

Подсчет первый. Средняя продолжительность звука до знака препинания и после него.

Так же как и при подсчете величины паузы при разных знаках препинания, определялась усредненная продолжительность звука речи до знака препинания и после. Результаты подсчета оказались следующими:

	Диктор X		Диктор М	
	темп до ЗП	темп после ЗП	темп до ЗП	темп после ЗП
,	70,34	68,84	64,8	65,2
—	73,62	68,18	64,35	64,7
:	73,8	67,7	66,6	66,5
()	72,64	64,5	65,9	61,6

Сопоставление данных обоих дикторов показывает одну и ту же тенденцию — постепенное увеличение более медленного произнесения первой части по сравнению со второй. Для диктора X это более медленное произнесение первой части намечается и при первых знаках — запятой и тире, затем этот разрыв увеличивается; у диктора М — в начале более медленно произносится вторая часть, затем происходит перелом. Однако общая тенденция очевидна.

Кривые статистического распределения случаев были составлены для обоих дикторов по всем знакам препинания (как и для определения наиболее характерных величин паузы). Но в отличие от анализа паузы, где так называемые пики уточняли данные среднеарифметического подсчета, но примерно ему соответствовали, кривые показателей темпа обнаруживали несколько «пиков» для одного знака препинания, что говорит о наличии нескольких закономерностей, а не единой, как в случае паузы. Так, для запятой у обоих дикторов намечалось два типа произношения: 1) вторая часть произносится немного

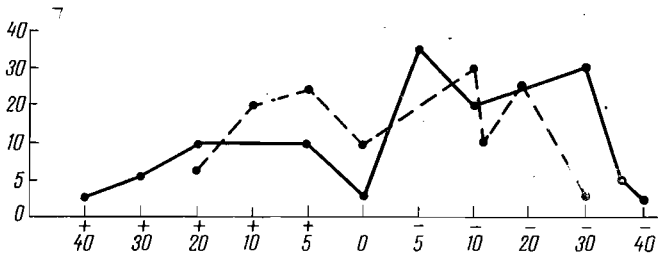

Рис. 3. Статистическое изменение темпа при тире

(в пределах 5 мсек) быстрее, 2) вторая часть произносится медленнее (с тем же разрывом); для тире — три типа произношения: 1) вторая часть быстрее (с тем же разрывом до 5 мсек), 2) вторая часть медленнее (с тем же разрывом), 3) вторая часть значительно быстрее (разрыв до 20 мсек); для двоеточия — один тип произношения (напоминаем, что речь идет о наиболее характерном произношении): вторая часть произносится явно быстрее (с разрывом от 10 до 15 мсек); для скобок два вида произношения: 1) вторая часть значительно быстрее (разрыв до 20 мсек), 2) вторая часть произносится медленнее (разрыв от 5 до 10 мсек).

Рис. 3 показывает статистическое распределение случаев для тире, рис. 4 — статистическое распределение случаев для двоеточия. На оси абсцисс регистрировалось число случаев (с интервалом, равным 10), на оси ординат разрыв в темпе между первой и второй частью предложения. Вправо отмечалось более быстрое произношение второй части (знак —), влево — более медленное произношение второй части (знак +). Прямая характеризует произношение диктора X, пунктирная — диктора М.

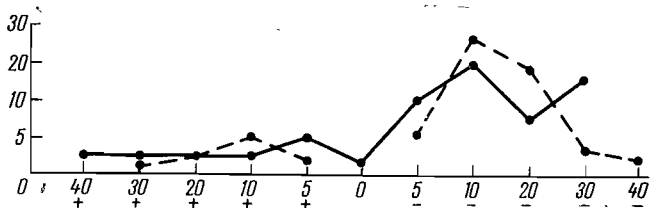

Рис. 4. Статистическое распределение темпа при двоеточии

Подсчет второй. Зависимость закономерностей, полученных для каждого знака препинания, от позиции союзной части также определялась для обоих дикторов. Результаты подсчета:

	Диктор Х				Диктор М			
	препозиция союзной части		постпозиция союзной части		препозиция союзной части		постпозиция союзной части	
	темп до ЗП	темп после ЗП	темп до ЗП	темп после ЗП	темп до ЗП	темп после ЗП	темп до ЗП	темп после ЗП
,	64,04	79,4	73,16	68,76	65,2	67,22	63,41	63,7
—	70,3	71,08	72,26	64,55	63,67	63,8	60,5	64,91
:	57,3	62,3	72,32	67,3	65,8	74,6	59,5	60,34

Как указывалось выше, смысл второго подсчета — проверить влияние на произношение в определенном направлении такого фактора, как позиция исследуемого отрывка во всей фразе. Как показывают приведенные данные, этот критерий для различения темпа является весьма существенным, а именно: 1) у обоих дикторов фиксируется стремление произносить союзную часть быстрее; 2) у диктора Х, кроме того, отчетлива тенденция произносить вторую синтагму быстрее, поэтому в том случае, когда союзная часть находится в постпозиции, она произносится особенно быстро (работают оба фактора); у диктора М — обратная тенденция: произносить более медленно вторую синтагму, поэтому разрыв в темпе более значителен, когда в препозиции союзная часть; 3) отчетливых закономерностей о распределении темпа в соответствии со знаками препинания по нашим данным обнаружить не удалось.

Подсчет третий. Проверка принципа компенсации А. М. Пешковского.

А. М. Пешковский, говоря о «большей яркости» интонации бессоюзных предложений, распространял это и на темп речи. Однако при проверке этого тезиса по данным темпа необходимо более тщательно отнестись к тем критериям, по которым в дальнейшем можно будет судить о соблюдении или несоблюдении этого закона. Так,

в случае паузы можно было ограничиться среднеарифметическим подсчетом величины паузы в союзном и бессоюзном вариантах и сопоставить эти данные. Такой среднеарифметический подсчет в данном случае не может оказаться продуктивным, поскольку темп (точнее, разрыв в темпе) может сильно изменяться (в полном согласии с законом Пешковского) то в сторону более быстрого, то в сторону более медленного произнесения второй части в разных примерах. Среднеарифметический подсчет может «выравнивать» эти случаи и дать, таким образом, неправильные сведения.

Подтверждением закона Пешковского в нашей работе в начале исследования считалось более «яркое» выражение одной и той же тенденции в изменении темпа, понятое следующим образом: если в предложении с союзом средняя продолжительность звука будет, например, 71,4 мсек (в первом предложении) и 58,7 мсек (во втором предложении), а в том же предложении без союза средняя продолжительность звука будет 79,6 мсек (в первом предложении) и 52,1 мсек (во втором предложении), то принцип замены соблюдается, поскольку в обоих случаях первое предложение произносится медленнее второго, причем разница в темпе в бессоюзном варианте увеличивается. Если же, например, в союзном предложении средняя продолжительность звука была соответственно 82,5 мсек и 74 мсек, а в бессоюзном варианте того же предложения стала 61,7 мсек и 67,4 мсек (т. е. второе предложение стало произноситься медленнее, а не быстрее первого), то принцип Пешковского при этом не может считаться соблюденным.

Таким образом, считалось, что принцип Пешковского соблюдается, если сохраняется направление разрыва в темпе в главном и придаточном предложении после ликвидации союза (т. е. в обоих случаях темп первого предложения должен быть медленнее или быстрее второго), но разрыв этот увеличивается количественно.

Решение некоторых вытекающих отсюда проблем представляло существенные трудности. Первая — это проблема нулевого разрыва, т. е. случая, когда обе части сложного предложения произносятся равномерно, в одном и том же темпе, и потому, естественно, нельзя говорить о наличии какой-либо тенденции, которая наблюдается «с большей или меньшей яркостью». В этом случае закон Пешковского считался соблюденным, если и в бессоюзном варианте обе части равновесны.

Вторая проблема возникает в том случае, когда ликвидация союза ведет к резкому изменению размера предложения, которое при этом становится значительно короче главного. Например, предложение *Несмотря на то, что я здесь, дела обстоят плохо* превращается в предложение *Я здесь, дела обстоят плохо*, где первая часть представлена всего шестью звуками. В таких случаях начинает работать тенденция к изохронности²³, более или менее равному темпу внутри отдельных синтагм в пределах одного высказывания, и короткий отрезок начинает произноситься медленнее при всех возможных перестановках и комбинациях.

Итак, после сопоставления данных темпа в союзных и бессоюзных предложениях у обоих дикторов были получены следующие данные по соблюдению принципа Пешковского (в %): принцип Пешковского соблюдается: для диктора М—в 52 %, для диктора Х—в 55 % предложений. Покажем некоторые конкретные примеры отклонений.

1. В союзном и бессоюзном вариантах различны сами соотношения между первым и вторым предложением (т. е. та часть сложного предложения, которая в союзном варианте произносится быстрее, в бессоюзном произносится медленнее, и наоборот), например²⁴:

	Темп		Диктор
	союзное предложение	бессоюзное предложение	
<i>Только он отъезжал — силы ему изменили</i>	65,7/71,2	72,2/68,1	М
<i>Все уже пришли, когда я вернулся</i>	56/49,3	53,3/68	М
<i>Он подошел ко мне, но я отвернулся</i>	72,6/64,3	70,7/73,3	Х
<i>Настанет время, когда вы вернетесь</i>	67,7/63,3	69,2/75	Х
<i>Они считали его ребенком, тогда как он все понимал</i>	60,5/58,3	61,7/64,3	Х
<i>Поскольку остальные не годились — это объяснение имело смысл</i>	80,7/70,9	72,9/74,6	Х

²³ Более подробно см. об этом ниже.

²⁴ Первая цифра показывает среднюю продолжительность звуков в первой синтагме, вторая — во второй синтагме.

2. Разрыв в темпе главного и придаточного предложения в союзном варианте резче, чем в бессоюзном (т. е. общая тенденция та же, но «ярче» союзный вариант), например:

	Темп		Диктор
	союзное предложение	бессоюзное предложение	
<i>Лицо его покраснело — и глаза вспыхнули</i>	82,6/65	78,8/73,2	X
<i>Как мне говорили, отец ее уже умер</i>	57,1/77,3	61,8/66,6	M
<i>Ей стало грустно, так как разговор не получился</i>	68,6/60,8	69,3/66,3	X
<i>В город приехал отряд, отчего вся жизнь города изменилась</i>	55,5/71,4	60/71,8	M

3. В одном из двух вариантов обе части произносятся с разной средней продолжительностью звука, а в другом — равновесно.

	Темп		Диктор
	союзное предложение	бессоюзное предложение	
<i>Когда я вернулся, все уже пришли</i>	63,3/76,6	75,5/75	X
<i>Едва стемнело — грянула гроза</i>	85,6/86,6	80,3/63,7	M
<i>Несмотря на то, что был уже апрель, река еще не растаяла</i>	67,9/68,3	75,5/69,5	X
<i>После того, как началась война, завод получил новые заказы</i>	52,1/63	59,2/58,9	M

Функция перемены темпа, как неоднократно указывалось и как диктует самый примитивный слуховой эксперимент, — это указание на противопоставление важного и неважного²⁵. Итак, в большинстве случаев сооб-

²⁵ Специально посвященная проверке этого тезиса экспериментальная работа М. Г. Кравченко (М. Г. К р а в ч е н к о. Со-

щение, передаваемое придаточным предложением, произносится в более быстрой темпе. Это объясняется тем, что оно обычно не содержит смыслового центра, который, как правило, содержится в главном предложении. Наличие союза есть маркированное указание на место смыслового центра. С ликвидацией союза может происходить изменение в интерпретации смысловых отношений — в этом случае предложения становятся равновесными или, напротив, более значительной представляется часть его, имевшая ранее союз; возможно и сохранение смыслового веса частей, тогда, очевидно, начинает «работать» принцип Пешковского и различие в темпе увеличивается. Но в некоторых случаях именно часть с союзом кажется более значительной (так, это характерно для присоединения)²⁶.

Что касается каких-либо закономерностей по соотношению между соблюдением закона Пешковского и знаками препинания, то он соблюдался лишь частично: так, у обоих дикторов часть, заключенная в скобки, всегда произносилась с более значительным разрывом в темпе по отношению к первой части и при отсутствии союза этот разрыв непременно усиливался, причем, как уже

отношение длительности различных компонентов предложения и его роль в определении синтаксических и логических связей. «Уч. зап. ЛГУ», 1964, вып. 325) показывает различие во времени произнесения одних и тех же отрезков текста в зависимости от их синтаксической и смысловой нагрузки. См. об этом также: В. Н. Володский - Гернгросс. Теория русской речевой интонации. Пг., 1922; L. Hegedüs. Sprechtempoanalysen in Ungarischen. ZPuAS, 1957, Bd 10, Hf. 1. Очень интересна работа Д. Л. Болинджера, подсчитавшего, какие единицы языка (морфемы) чаще всего не несут важной по смысловой нагрузке информации и потому редуцируются при чтении (см.: D. L. Bolinger. Length, vowel, juncture. «Linguistics», 1963, № 1).

²⁶ Строго говоря, распределение важного и неважного, разумеется, никак не соотносится с членами предложения, но это не значит, что не соотносится никогда и ни при каких функциональных отношениях. Так, распределение очень важного (v_1) и менее важного (v_2) в синтаксических структурах в зависимости от смысла см.: И. Г. Торсуева. Акустические характеристики смыслового членения предложения. «Argumenta lectionum. Тезисы VI Международного конгресса фонетических знаний». Прага, 1967.

указывалось, необязательная часть, заключенная в скобки, произносилась быстрее²⁷.

Это наблюдение представляет собой результат интерпретации количественных данных темпа в том понимании соблюдения/несоблюдения принципа Пешковского, как он был изложен выше. При этом считалось, что соблюдение закона есть более «яркое» выражение того же распределения важного и неважного.

Однако возможен и другой метод определения соблюдения принципа Пешковского при анализе временных параметров просодии. А именно — проверить, не происходит ли при опущении союза компенсации длительности за счет удлинения какой-либо части данного отрезка²⁸. Естественно, что удлинение какой-либо части текста должно влечь за собой увеличение средней продолжительности звука во всем отрезке. Поэтому был проведен сопоставительный подсчет средней продолжительности звука в части предложений с союзом и в соответствующем отрезке без союза. Если в первом толковании принципа Пешковского средние продолжительности звуков сравнивались на синтагматической оси, то при втором толковании сравниваются данные парадигматического плана.

При этом были получены следующие результаты: увеличение средней продолжительности звука (начиная от 1 мсек) у диктора X наблюдалось в 75% случаев; у диктора М — в 78%. При этом средняя продолжительность звука во второй синтагме менялась, что свидетельствует о том, что в данном случае не имело места простое соблюдение тенденции к изохронности (см. ниже), иначе при механическом действии этого закона вторая часть (не претерпевшая никаких трансформаций) произносилась бы в том же темпе.

²⁷ Считать часть текста, заключенную в скобки, пояснительной с неизменным убыстрением темпа, принято в существующей традиции, см., например, требование обязательности такого произношения в книге С. Волконского «Выразительное слово» (СПб., 1913). Однако более медленное произношение скобочной части также распространено и имеет свою функцию. В. Ф. Иванова называет такое воспроизведение скобок «интонационным подчеркиванием» (В. Ф. И в а н о в а. История и принципы русской пунктуации». Л., 1962).

²⁸ Идея провести подобный подсчет была предложена И. И. Ревзиным при обсуждении данного раздела настоящей книги.

Если принять увеличение длительности отрезка как результат действия компенсационного принципа, то встанет вопрос о том, как его интерпретировать в данном случае. В ряде случаев ликвидация союза, соответственно и замедление темпа, вела к перераспределению смыслового веса отдельных частей: «бывшее» придаточное становилось более «весомым», чем главное, которое в свою очередь произносилось в убыстренном темпе (у диктора Х — в 51% случаев, у диктора М — в 49%). В остальных случаях соблюдалось прежнее соотношение частей.

Однако в данном случае несомненно имеет место упоминавшаяся выше закономерность — стремление произносить придаточное в более быстром темпе (как неважное и неновое), с ликвидацией союза исчезает маркированный показатель этих функций.

Если первая попытка истолковать тезис А. М. Пешковского соответствует скорее букве этого закона (более яркое выражение одного и того же соотношения в темпе обеих синтагм), то вторая попытка скорее соответствует духу этого закона (так как просодические средства как бы подчеркивают отрезок, лишившийся союза, делают его более значительным). В дальнейшем именно этому, второму пониманию отдавалось предпочтение.

Так же как и для паузы, составлялась таблица соответствий различий в темпе при разных знаках препинания для одного примера. Цель такого сопоставления — проверить, существуют ли общие принципы распределения различий в темпе в каждом отдельном случае, т. е. проверка некоторой гипотетической регулярной парадигмы. Данные, полученные при такой проверке, показали, что знаки препинания распадаются при этом на две части: с одной стороны, запятая и тире, с другой стороны — двоеточие и скобки. А именно — в большинстве случаев (т. е. 60—70%) для двоеточия и скобок характерно резкое убыстрение второй части предложения (расположенной после знака препинания), причем этот разрыв больше для скобок. Что касается запятой и тире, то в данных случаях отмечалось самое разнообразное произношение — равновесность, более быстрое произношение второй части и наоборот. В этом случае не представилось возможным говорить о регулярности/нерегулярности или о правильности/неправильности распределения темпа.

При рассмотрении распределения в отдельных примерах средней продолжительности звука до и после знака припинания обращает на себя внимание тот факт, что в некоторых случаях одна из частей предложения произносится в одном и том же темпе независимо от знака припинания, вводящего или заканчивающего эту часть, и независимо от места этой части в целом предложении. Это может быть или точно один темп (с точностью до десятых долей мсек), или постоянство в разрыве между первой и второй частью (одна из частей всегда — при любых трансформациях — значительно медленнее другой). Например, таково распределение темпа во фразах *Вы не хотели его обидеть, я верю* (диктор X) и *Я здесь, он в роскоши* (диктор M).

	,		—		:		()	
	Темп до ЗП	Темп после ЗП	Темп до ЗП	Темп после ЗП	Темп до ЗП	Темп после ЗП	Темп до ЗП	Темп после ЗП
<i>Вы не хотели его обидеть/я верю</i>	61,5	78,3	65,5	80	—	—	58,5	84,2
<i>Я верю/вы не хотели его обидеть</i>	86,6	70,8	89,2	58	89	60	—	—
<i>Он в роскоши/я здесь</i>	81	93,3	65	98,3	72,2	97	—	—
<i>Я здесь/он в роскоши</i>	106,6	72	95	76	96,4	70	—	—

Такое последовательное увеличение средней продолжительности звука независимо от места отрезка речи возникало, как показал наш материал, в тех ситуациях, когда объем одного отрезка (части предложения) значительно отличается по объему от второй части предложения. В этом случае осуществляется тенденция к изохронности произносимых частей²⁹. Однако обратное утверждение — в тех случаях, когда один отрезок значительно

²⁹ См. об этом: В. Н. Всеволодский-Гернгросс. Указ. соч.; А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении, стр. 417; см. также: R. Quirk, A. D. Duckworth, J. Svartvik, J. P. L. Rusiecki, A. J. t. Collins. Studies in the correspondence of prosodic to grammatical fe-

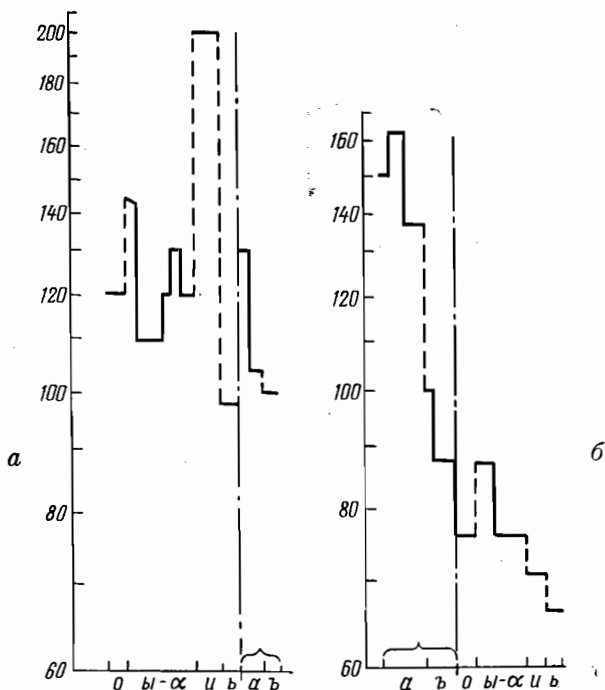

Рис. 5. Изменение темпа в зависимости от функции отрезка. Диктор X

а) *Что ты ошибся, ясно* б) *Ясно, что ты ошибся*

отличается по объему от другого, обязательно действует принцип изохронности — не всегда справедливо. Рис. 5 показывает резкое различие в темпе одного и того же отрезка (*ясно* во фразе *Ясно, что ты ошибся*, в произношении диктора X), обусловленное различием в позиции отрезка и его смысловой функции.

atures in English. «Proceedings of IX Congress of linguistics». The Hague, 1964; Fr. D a n e š. Intonace a věta ve spisovně češtině. Praha, 1957.— Эта тенденция кажется универсальным ключом, разрешающим закономерности темпа. Однако, несомненно, эта тенденция функционирует наряду со смысловым распределением темпа в соотносящихся синтагмах, то совпадая с ним, то подчиняясь ему, то подчиняя его. Очевидно, именно такие соотношения имел в виду А. М. Пешковский, говоря о том, что «интонация блуждает по поверхности языка».

Тот факт, что средняя продолжительность звука не всегда обусловлена объемом отрезка, показывают примеры, произносимые в одном темпе, хотя объем примеров разный. Таково, например, произношение диктором М разных отрезков (приводятся только части предложений):

темп 60 мсек — *стало известно/она не успела собрать вещи/пока жена готовила/завод получил новые заказы/мы пошли домой/он получил телеграмму/ как бывает только в начале мая/почему жена смеется/трава была густа/ силы ему изменили/куда вошла сестра/в город приехал отряд/ я вернулся/все уже пришли;*

темп 65,7 мсек — *что касается меня/прошлое все время вставало перед глазами/как бывает только в начале мая/ только он отъехал* и т. д.

Таким образом, можно говорить об одновременном действии двух различных тенденций: 1) варьировании темпа в соответствии с изменениями позиции, смысла и знака препинания и 2) тенденции к изохронности.

Сопоставление разных примеров разного синтаксического типа и разного лексического наполнения говорит о смысловой нагрузке, которую несет темп в предложении. Разумеется, как и в случае паузы, трудно вывести индуктивным путем те основные значения, которые передаются темпом — можно лишь попытаться интуитивным способом найти некоторый ярлык для передачи той смысловой сущности, которая передается одинаковым распределением темпа.

Как уже говорилось выше, основная функция темпа — передавать отношение к сообщаемому, а именно — реализовать оппозицию важного/неважного (разумеется, можно найти другой термин). Важное произносится в медленном темпе, неважное — в убыстренном. Параллельно с выражением этого смыслового противопоставления в предложении реализуется другое смысловое противопоставление — нового и ненового³⁰ (темы — ремы, диктума — модуса). Обычно новое помещается во второй части предложения (если говорить об актуальном членении внутри простого предложения)³¹. Но в сложном предложении

³⁰ См.: К. Г. Крушельницкая. К вопросу о смысловом членении предложения. — ВЯ, 1956, № 5.

³¹ См. об этом: Ch. Bally. *Intonation et syntaxe.* — CFS, 1941, I; см. также: L. S. Hultzen. *Grammatical intonation.* «Daniel Jones papers contributed...», London, 1964; П. А. Ящук.

есть особо маркированный член — союз. Союзная часть — придаточное предложение — по большей части не является носителем нового и носителем важного. Поэтому эта часть произносится как правило быстрее (как указывалось выше). Сопоставление двух дикторов показывает, что на первом этапе распознавания работает у каждого из них один из этих принципов — для диктора X более существенно различие союзная/несоюзная часть, для диктора M — различие первой/непервой части.

В отличие от паузы, которая более нормирована (недаром во всех работах об интонации и пунктуации в первую очередь отмечается регулярность паузы), различия в темпе обладают большей степенью свободы и его распределение зависит от понимания важного и неважного данным диктором. Именно поэтому более регулярным является произношение скобок, функция которых — вносить некоторую вводную структуру, которая может отсутствовать без ущерба для остальной части. В остальных случаях трудно заранее предсказать распределение важного и неважного. Так, например, во фразе *Мы пошли домой: пошел дождь* вторая часть может интерпретироваться или как пояснение более важного факта — тогда она произносится быстрее, или как причина более незначительного события, крайне важная сама по себе. То же можно сказать о фразе *Был уже апрель — река еще не растаяла*. В некоторых случаях лексический состав фразы оказывается достаточным для однозначного воспроизведения темпа. Например, фраза *Папа пишет, мама читает* (с запятой или тире) читается как равновесная.

Исследованный материал не позволил найти ответа еще на один вопрос, связанный с темпом, — почему одна и та же фраза начинается в разном темпе. В принципе можно было бы ожидать, что в начале одна и та же часть будет произноситься в одном темпе, а вариации будут осуществляться за счет изменения темпа второй части. Однако это не так, хотя и такие случаи имели место (например, фраза — *В город приехал отряд* — первая часть фразы — *В город приехал отряд, отчего вся жизнь города изменилась* всегда произносится в темпе 58,3 мсек (дик-

Роль интонационного оформления предложения при актуальном членении. «Тези доповідей до XX наукової конференції». Ужгород, 1966.

тор М.); *Он подошел ко мне* — из фразы — *Он подошел ко мне, но я отвернулся* — в темпе 56,4 мсек (диктор М) и т. д. Но в большинстве случаев «исходный» темп был разным, например: *Лицо его покраснело/и глаза вспыхнули* — для запятой отношение темпов было 74,7 мсек/60,3 мсек, для тире 82,6 мсек/65 мсек (диктор Х) и т. д.

В целом величина средней продолжительности звука колеблется от 40 до 100 мсек для диктора Х и от 49 до 112 мсек для диктора М. Однако для каждого диктора были характерны определенные средние продолжительности звуков, с целью их выявления были составлены показатели статистического распределения числа случаев для каждого темпа. По этим данным наиболее характерными длительностями для диктора М были 60 мсек, 62,5 мсек, 65 мсек, 65,7 мсек, 67,5 мсек; для диктора Х — 66,6 мсек, 72,5 мсек, 78,6 мсек, 86,2 мсек.

3

В заключение раздела, посвященного анализу средней продолжительности звука, остановимся на вопросе о выраженности синтагматического ударения посредством временной характеристики, т. е. на так называемой длительности (*duration*).

Л. В. Златоустовой сформулирован тезис о наибольшей длительности ударного слога как маркированном показателе русского словесного (и синтагматического ударения)³². Проанализированный материал предоставлял широкие возможности для проверки этой гипотезы — для каждого примера фиксировалась продолжительность каждого гласного. По этим данным определялось распределение наиболее долгих гласных в синтагмах (анализировались обе синтагмы, так как анализировавшиеся фразы были двучленными, а не одночленными). Получены были следующие данные³³: в 88% случаев наиболее длительным был последний ударный слог синтагмы, что подтверждает тезис о наибольшей длительности ударного слога.

³² См.: Л. В. З л а т о у с т о в а. Фонетическая природа русского словесного ударения (автореф. канд. дисс.). Л., 1953; О н а ж е. Фонетическая структура слова в потоке речи.

³³ Приводятся данные по диктору Х.

Исключения были двух типов:

1) наиболее длительным оказывался последний предударный слог синтагмы, причем в данных случаях такое произношение не было случайным, а отмечалось не менее двух раз при прочтении данного отрезка, а иногда и при всех прочтениях данного отрезка при любых перестановках. (Напоминаем, что примеры при чтении были перемешаны.)

Приведем эти отрезки (выделен наиболее длительный гласный): *если мог быть такой человек/он был бы поражен/ разговор не получился/он уважал его /стоило ему войти/ началась война/если ему изменили/ если вы меня навестите/ он учитель/ гости были довольны/нужно вести себя хорошо/его просили приехать/ дома не было никого/ его уличили во лжи/ты ошибся/ он с ужасом увидел/я увидёл девишку*³⁴;

2) наиболее длительным оказывался последний ударный слог синтагмы: *вся жизнь города изменилась/он старлся забыть/и это был его командир/пока жена готовила/мне стало очень грустно/мать стояла на своем/однажды вечером кто-то постучал/по земле ползёт уж.*

Очевидно, в этих случаях имеет место так называемое эмфатическое подчеркивание, состоящее в усилении одной из характеристик гласного³⁵, в этих случаях фиксировано единичное произношение такого рода. Отклонения первого ряда остались без объяснения.

Если разбирать примеры, составляющие большинство, то наиболее длительным оказывается лишь последний ударный слог — носитель синтагматического ударения. Что же касается ударных слогов у слов, входящих в синтагму, то они не всегда бывают наиболее длительными в пределах своего слова, т. е. словесное ударение подчиняется синтагматическому³⁶.

³⁴ Это же явление отмечает Л. В. Златоустова для мелодики, приводя примеры отмеченности неударного гласного, если за ним следует слово, где ударный слог — первый (*Тимохѣн кѹрит*), см.: Л. В. З л а т о у с т о в а. Фонетическая структура слова в потоке речи, стр. 33.

³⁵ См. об этом: Е. А. Б р ы з г у н о в а. Указ. соч., стр. 176.

³⁶ Ср.: А. В e l i é. L'accent de la phrase et l'accent du mot.— TCLP, 1931, IV.

Соотносительные характеристики паузы и темпа

И данные паузы, и данные по средней продолжительности звука в анализированных примерах, в отличие от показателей движения основного тона и интенсивности, есть временные характеристики речи, измеряемые в единицах времени (в данном случае в мсек). Целесообразно поставить вопрос о соотношении этих характеристик внутри одного отрезка речи³⁷. В связи с этим возникают следующие проблемы:

1. Имеет ли место взаимокомпенсация этих характеристик, т. е. может ли отсутствие резкого различия, например, в паузе для одного исходного примера, произнесенного при разных трансформациях текста, компенсироваться за счет более резкого разрыва в темпе по сравнению с аналогичным примером, в котором различие в паузе больше и наоборот?

2. Служит ли каждый из этих показателей, взятых отдельно, достаточным средством отличия в смысле?

3. Образуют ли эти временные характеристики, при условии, что они самостоятельны, некоторые связанные сочетания, т. е. возможно ли, имея некоторый исходный отрезок текста с выраженным союзом или другим лексическим показателем, или с определенным знаком препинания, предсказать, какое именно сочетание паузы и темпа будет иметь место?

На первый вопрос помог ответить лишь слуховой анализ, по которому слушателям предлагались одни и те же примеры с резким разрывом в темпе и длительной паузой и те же примеры с небольшой паузой и равным (или почти равным) темпом.

Дополнительным источником сведений по данному вопросу было сопоставление чтения одних и тех же примеров (с полным тождеством) одним и тем же диктором. Например, данные по соотношению паузы и темпа в примерах: *Стало душно — и я вышел; Глаза вспыхнули — лицо его покраснело; Он вышел открыто: уйти незаметно было нельзя* (все примеры в чтении диктора X):

³⁷ Еще С. И. Карцевский именно так ставил вопрос об отношениях между компонентами интонации: «Mais souvent l'une de ces trois qualités tient la place d'une autre par compensation» (указ. соч.).

	Пауза	Темп до ЗП	Темп после ЗП
<i>Стало душно — и я вышел</i>	280	83,5	78,8
<i>То же</i>	630	77	77,5
<i>Глаза вспыхнули — лицо его покраснело</i>	170	76	61,9
<i>То же</i>	390	73,5	71,2
<i>Он вышел открыто: уйти незаметно было нельзя</i>	600	77,5	65,5
<i>То же</i>	720	70	62,3

Приведенные данные как будто бы однозначно говорят о наличии безусловной компенсации между двумя рассмотренными временными характеристиками — в тех случаях, где пауза имеет меньшую длительность, разрыв в темпе увеличивается и наоборот. Однако даже в этом случае нельзя быть уверенным в том обстоятельстве, что каждый из этих примеров, абсолютно тождественных на всех остальных уровнях, не был «прочитан» по-разному, с разной интерпретацией, что и обусловило разное соотношение временных характеристик³⁸. (Напомним, что примеры читались в перемешанном виде.) В этой связи — именно потому, что тождественный на всех остальных уровнях текст может интонационно иметь различное воплощение — осмысливаются классические высказывания о сущности интонации: слова А. М. Пешковского о том, что «интонация блуждает по поверхности языка» и С. И. Карцевского о том, что «интонация не имеет ничего общего с грамматикой». (*L'intonation n'a rien avec la grammaire.*)

В известном смысле более убедительным может считаться чтение тождественных (как представляется автору)

³⁸ Именно эта особенность интонации приводилась Р. Кирком как аргумент против обязательности многократного чтения одним и тем же диктором примеров для большей убедительности полученных результатов, поскольку «диктор, читающий вторично тот же текст, уже находится в иной ситуации, в ином временном состоянии и нет оснований рассматривать его как тождественное лицо и считать его чтение идентичным предыдущему» (из выступления проф. Р. Кирка на дискуссии по поводу его доклада в Карловом университете в Праге, март 1966 г.).

примеров типа: *Он не военный, он учитель* и *Он учитель, он не военный*. Результаты сопоставления таких примеров дают самый различный показатель. Есть примеры, не говорящие о «компенсации»:

	Пауза	Темп до ЗП	Темп после ЗП
<i>Он в роскоши, я здесь</i>	105	79	95
<i>Я здесь, он в роскоши</i>	0	97,5	76

(В данном случае действует принцип изохронности речевых тактов, о котором говорилось выше.)

	Пауза	Темп до ЗП	Темп после ЗП
<i>Она обернулась, я толкнул ее</i>	580	70,8	61,7
<i>Я толкнул ее, она обернулась</i>	510	67,7	55,3

Есть примеры, как будто бы говорящие о «компенсации»:

	Пауза	Темп до ЗП	Темп после ЗП
<i>Они считали его ребенком, он ее понимал</i>	360	61,7	64,6
<i>Он все понимал, они считали его ребенком</i>	135	76,2	61,9

Данные слухового анализа объективно свидетельствуют в пользу различия функций паузы и темпа. Очевидно, они функционируют на разных измерениях смыслового пространства, покрываемого просодическими данными. Однако при этом не исключается возможность их взаимной компенсации — ведь и тенденция к изохронности, согласно которой одна и та же часть при любых трансформациях произносится медленнее (или быстрее) другой, также не исключает варьирования темпов обеих частей

согласно внешним указателям (знакам препинания, союзам, определенным лексемам) и указателям внутренним (смысловой интерпретации).

Относительно второго вопроса, по существу тесно связанного с первым, как нам кажется, достаточно определенный ответ дают те примеры, в которых один из этих параметров остается неизменным, а реакцией на заданную трансформацию, например изменение знака препинания, соединяющего обе части в письменной форме, является изменение показателей по второму параметру.

Таковы, в частности, примеры, отличающиеся только по величине паузы:

	Пауза	Темп до ЗП	Темп после ЗП	Диктор
<i>Он отъехал — силы ему изменили</i>	490	72,2	68,1	М
<i>Он отъехал: силы ему изменили</i>	700	72,2	68,1	
<i>Я толкнул ее, она обернулась</i>	170	72,3	63,3	Х
<i>Я толкнул ее — она обернулась</i>	360	72,3	63,3	
<i>Я взял девочку к себе, сестра могла отдохнуть</i>	0	72,8	67,4	Х
<i>Я взял девочку к себе — сестра могла отдохнуть</i>	510	72,8	67,4	

и примеры, совпадающие по величине паузы, но различающиеся по данным темпа:

	Пауза	Темп до ЗП	Темп после ЗП	Диктор
<i>Что касается меня, я согласен</i>	720	65,7	62,5	М
<i>Что касается меня — я согласен</i>	720	70,9	66	
<i>Разговор не получился, ей стало грустно</i>	600	61	70	М
<i>Разговор не получился — ей стало грустно</i>	600	54,7	62,1	

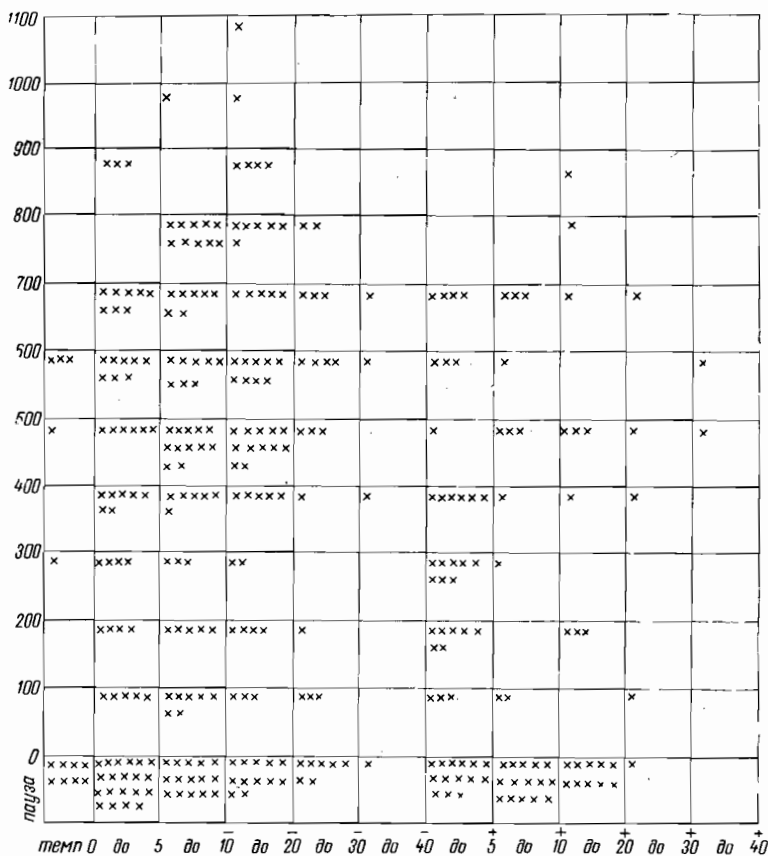

Рис. 6. Соотношение паузы и темпа. Диктор X

Третий вопрос относится к вероятностной сочетаемости этих двух характеристик и их интерпретации на уровне пунктуации и синтаксиса. С целью проверки этой связи была составлена таблица-сетка, в которой по оси абсцисс фиксировалось различие в паузе (с интервалом в 100 мсек), а по оси ординат — различие в темпе (с интервалом в 10 мсек) с различием положительного (вторая часть медленнее первой) и отрицательного (вторая часть произносится быстрее первой) интервалов. Пересечения этих данных образовывали на таблице ячеек-

ки, заполнявшиеся номерами примеров с указаниями пунктуационного знака. Распределение примеров по таблице не оказалось равномерным, а образовало «пустые» ячейки и интенсивные зоны заполнения. Наиболее интенсивно заполненными оказались ячейки со следующими показателями (данные диктора X):

1) пауза 0, темп от равного (разрыв 0) до 10 мсек, 2) пауза 0, темп от +5 до +10 мсек разрыва, 3) пауза от 300 до 600 мсек, разрыв в темпе от — 5 до — 20 мсек, 4) пауза от 600 до 800 мсек, разрыв в темпе от —10 до —30 мсек³⁹. В остальных ячейках отмечалось незначительное число примеров (см. таблицу по данным диктора X на рис. 6).

Это «скопление» примеров в одних ячейках и незаполненность в других, по всей вероятности, не случайны. Однако полный анализ примеров, соответствующих каждой группе, представлялся преждевременным до анализа временных характеристик (мелодики и интенсивности). Распределение знаков препинания по обнаруженным выше интенсивным зонам не было абсолютным. С некоторым грубым приближением можно говорить о соответствии примеров с запятой первой и второй группе примеров, с тире — третьей группе примеров, со скобками — четвертой. Примеры с двоеточием распределялись по всей таблице. Однако значительную часть составляли и отклонения от этих закономерностей в распределении примеров.

ДАННЫЕ МЕЛОДИКИ И ИНТЕНСИВНОСТИ

Мелодика

1

Движение основного тона — мелодика являлось наиболее существенным объектом изучения в настоящей работе. Анализирувавшийся материал — сложные предложения состоял из двух отдельных синтагм, противопоставленных по своим центральным точкам — «вер-

³⁹ Итак, максимальная пауза часто совпадала с большим разрывом в темпе обеих синтагм. Вероятно, именно так нужно понимать тезис о том, что «длительная пауза отделяет главное от второстепенного» (О. Л. М а л а х о в. Послеловные конструкции как разновидность присоединительных конструкций в современном английском языке. «Исследование по английской интонации». М., 1964). Однако это соотношение отнюдь не регулярно.

пинам» (Syntagmagipfel)⁴⁰. Таким образом, будучи двучленными, анализировавшиеся предложения являлись фразами, т. е. законченными высказываниями⁴¹. Во всякой фразе, состоящей более чем из одной синтагмы, принято различать терминальную часть — каденцию (в повествовательном предложении) и антикаденцию (в неповествовательном предложении). Терминальная часть неконечных синтагм также значима во фразе, носит название полукаденции и может совпадать с антикаденцией⁴². При изучении мелодики сложной фразы, состоящей из нескольких синтагм, существенным фактором является отношение этих мелодик между собой. Таким образом, при изменении движения основного тона во фразе учитывались следующие показатели (в гц):

1) изменение в движении всей фразы (от начала до точки), т. е. фиксировался исходный уровень и та высота, на которой данная фраза заканчивалась⁴³;

2) общее изменение высотного уровня в первой синтагме — до ЗП;

3) общее изменение высотного уровня во второй синтагме — после ЗП;

4) движение основного тона в ударном гласном — носителе синтагматического ударения первой синтагмы;

5) движение основного тона в ударном гласном — носителе синтагматического ударения второй синтагмы⁴⁴;

6) величина интервала на стыке синтагм, а также его направление положительное, если вторая синтагма начи-

⁴⁰ R. Jakobson. Die Betonung und ihre Rolle in der Wort- und Syntagma Phonologie.- TCLP, 1931, IV.

⁴¹ Двучленность, точнее двувёршинность, — неперемное условие фразы; см.: S. Karcevskij. Указ. соч.; Л. В. Щерба. Фонетика французского языка. М., 1948.

⁴² См.: S. Karcevskij. Указ. соч.; см. также: Fr. Daneš. Intonace a věta...

⁴³ При этом общая высота тона как экстралингвистический фактор не считалась дифференцирующим признаком.

⁴⁴ Релевантность для определения типа синтагмы участка движения тона в границах последнего ударного слога синтагмы является установленным фактом просодического анализа (см.: Н. С. Трубецкой. Основы фонологии. М., 1960, стр. 248). Движение основного тона на участке, предшествующем этому отрезку, по мнению С. Карцевского (указ. соч.), не имеет фонологической ценности; М. Шубигер считает этот начальный этап признаком индивидуального стиля (M. Schubiger. Notes on the intonation of coordinate sentence and syntactic groups. «English Studies», 1953, v. XXXIV, № 6); Л. Хульцен, изучая контур синтагмы,

нается выше конца первой, и отрицательное, если она начинается ниже.

Необходимо заметить, что в нашей работе отмечались данные гласных, представленных в синтагме, что создавало упрощенную картину исследовавшегося факта.

На основании данных критериев были составлены средние показатели для четырех знаков препинания. Так же как и для остальных параметров, были составлены графики среднего статистического распределения примеров, показавшие следующие результаты (величина интервалов приводится в гц, привлекаются данные диктора X).

Знак	Интервал		Общее движение тона		Движение тона до ЗП		Движение тона после ЗП		Движение тона в ударном слоге до ЗП		Движение тона в ударном слоге после ЗП	
	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-
,	25	100	50		125	125	25	100	75	25	25	25
—	25	100	50		125	125		100	75	25	25	25
:	25	25	50		100			55	50	25	50	50
()	25	15	50		100	125		50	75	25		50

приходит к выводу о непредсказуемости терминального акцента по начальному рисунку контура (L. S. H u l t z e n. Grammatical intonation). Этот последний перелом мелодики, называемый обычно фразовым или синтагматическим ударением, не меняет своего места и не снимается введением эмфазы (см.: Л. В. З л а т о у с т о в а. О фонологических функциях фразовых акцентов. «Тезисы конференции по структурной лингвистике, посвященной базисным проблемам фонологии». М., 1963). По данным ряда исследователей, это свойство последнего ударного слога — быть показателем типа синтагмы — распространяется и на тоновые языки (см.: М. В. Г о р д и н а и И. С. Б ы с т р о в. Признаки синтаксического членения и фразовая интонация во вьетнамском языке. «Уч. записки ЛГУ», 1961, вып. 15, № 305). Экспериментальным путем тезис о релевантности последнего перелома мелодики (das letzte Tonbruch) доказывают А. В. Исаченко и Х. И. Шэдлих (указ. соч., стр. 41—43). В последнее время некоторое утверждение, противоречащее сложившемуся мнению о нерелевантности начального участка, было высказано в экспериментальной работе К. Х а д д и н г-Кох и Х. Стоудерт-Кеннеди, опыты которых с «отсеченными» концами фраз показали, что слушатели все же правильно определяли тип фразы по начальному контуру (К. H a d d i n g - K o c h, H. S t u d d e r t - K e n n e d y. An experimental study of some intonational contours. «Phonetica», 1964, v. 11, № 3—4).

На основании этих данных очевидно, что движение мелодики отнюдь не соответствует типам знаков препинания, а представляет самостоятельную совокупность фигур плана выражения.

В строгом смысле слова в данном случае можно говорить о нескольких вариациях мелодики. Что же касается соотношения мелодических данных и знаков препинания, то, как видно по данным статистического распределения, мелодические движения распадаются на две группы — одну из них представляют предложения с запятой и тире (данные тона у которых почти совпадают), вторую группу — предложения с двоеточием и скобками.

Более точно можно говорить о распределении двух мелодик конечной синтагмы — восходящей и нисходящей⁴⁵. При этом для каждого из дикторов намечаются свои наиболее характерные «фигуры», наблюдающиеся как при восходящей, так и при нисходящей полукаденции, а также и при каденциях. Например, для восходящей полукаденции для диктора X наиболее типично движение тона от 100 до 200 гц и от 150 до 66 гц — в конечной синтагме, в каденции; для диктора M — 109 до 143 гц — в первой синтагме и 136 до 75 гц — во второй. Иными словами, число вариаций для мелодики значительно меньше числа вариаций для темпа и паузы. Эти данные совпадают с указаниями, полученными ранее⁴⁶.

⁴⁵ Таким образом, для синтагмы в русском языке отмечается две мелодики — восходящая и нисходящая. Эти же два типа отмечал Н. С. Трубецкой (указ. соч.). В исследованиях, посвященных иным европейским языкам, отмечаются три типа мелодики — восходящая, нисходящая и прогрессивная. А. В. Исаченко и Х. И. Шэдлик показывают различие смысловой функции для этих трех типов (указ. соч., стр. 39—55). Однако для русского языка и в зарубежных работах отмечается существование двух, а не трех мелодик (см.: A. B l o c h. *Intonation and Satzgefüge*. «Sprachen-Zuordnung-Strukturen». Den Haag, 1965). Этот же автор считает существенным и для других языков оппозицию терминальное / нетерминальное движение тона. В уже упоминавшейся работе Ф. Либбермана основой является именно бинарная, а не тернарная мелодическая оппозиция: маркированная, повышающаяся, мелодика противопоставлена немаркированной, понижающейся (P. Lieberman. *Intonation, perception and language*... Cambridge, Mass., 1967). Для русского языка именно о двух мелодиках говорит также и М. В. Панов (М. В. П а н о в. *Русская фонетика*. М., 1967, стр. 258—260).

⁴⁶ Т. е. в переводе на музыкальные тоны движение мелодики

Изучение критериев сопоставления мелодики показало, что не все из них оказались дифференцирующими. Так, нерелевантным оказался критерий величины интервала на стыке между синтагмами.

Обычно этот параметр является в числе обязательных данных, фиксирующихся при изучении мелодики. Однако именно для русского языка этот критерий представляется не имеющим смысла по следующим причинам.

Как показано авторами ряда последних работ по русской интонации, существенным и достаточным для различий типа высказывания является в русском языке тип движения мелодики в ударном гласном последней синтагмы — носителе синтагматического ударения. Что касается заударной части, в том случае, когда ударный слог не совпадает с последним слогом синтагмы, то здесь равнодопустимы с точки зрения современного русского произношения две возможности (речь идет о неконечной синтагме повествовательного предложения, поскольку для конечной синтагмы как правило характерно нисходящее движение как ударной, так и заударной части):

1) заударная часть следует в своем движении за движением основного тона в ударном слоге;

2) заударная часть может произноситься на значительно более низком тоне, в то время как мелодика ударного слога повышается⁴⁷.

Т. е. это означает, что при повышающейся мелодике ударного слога равновероятны как повышение, так и понижение заударной части.

Таким образом, если мы возьмем три предложения:

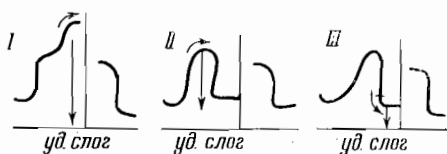
1. *Я увидел траву, которая ...*

в данном случае повышается на октаву — диапазон, кажущийся чрезмерным для результатов, полученных по другим языкам. Однако именно для русского языка отмечалась возможность повышения на октаву на границе главного и придаточного предложений (см. об этом: J. E. B u n i n g and C. H. v a n S c h o o n e v e l d. The sentence intonation of contemporary standard Russian as a linguistic structure. S. Gravenhage, 1960, стр. 18—19; M. B r a u n. Beobachtungen zur russischen Sprachmelodie. «Münchener Beiträge zur Slavenkunde. Festgabe für Paul Diels», 1953).

⁴⁷ Впервые эти типы описаны подробно Г. М. Кузнецовой (Г. М. К у з н е ц о в а. Мелодика простого повествовательного предложения в современном русском языке. «Уч. зап. ЛГУ», 1960, № 237, вып. 40).

II. Я увидел девушку, которая ...

III. Я увидел борону, и она..., то они могут иметь такие мелодические фигуры:

По существу» фигура I = II, и не равна III, однако, если исходить лишь из внешнего вида мелодического рисунка, как это происходит при определении интервала на стыке синтагм, то фигура I \neq II, а II = III.

Вторым нерелевантным критерием оказался подсчет общего движения фразы. Так, оказалось, что существенно не начало и конец фраз, а то изменение движения мелодики, которое имеет место на протяжении фразы. Так, для диктора X обычно характерно начало фразы на уровне 100 гц и конец на уровне 60 гц, для диктора М начало на уровне 109 гц и конец — на уровне 75 гц, или начало на уровне 143 гц (при нисходяще-восходящем движении неконечной синтагмы). Также несущественным для описания изменений мелодики были признаны данные движения основного тона в ударных гласных до и после членения. Как известно, существенным является общее движение в синтагме, а распределение этого движения зависит от величины синтагмы. Общеизвестно, что мелодика в *Нет* совпадает с мелодикой фразы *Я не могу с вами согласиться*.

Таким образом, для дальнейшего анализа были признаны существенными два критерия: 1) движение основного тона на релевантном участке в первой синтагме; 2) движение основного тона во второй, конечной, синтагме, т. е. величина частного диапазона между самой высокой точкой и конечной точкой понижения.

Данные диктора М были исследованы по этим двум критериям и также показали совпадение мелодических фигур для запятой и тире, с одной стороны, и двоеточия и скобок — с другой.

При проверке закона Пешковского, по данным мелодики сложного предложения (с союзом и без него), прини-

мались во внимание именно эти две величины — движение основного тона в первой, неконечной синтагме и движение тона во второй синтагме, конечной. В обоих случаях учитывалась частота колебаний основного тона (в гц), а в первом случае существенным было и направление движения (т. е. была возможна как восходящая, так и нисходящая полукаденция), во второй синтагме, завершающей, движение основного тона всегда было нисходящим. Закон Пешковского считался при этом соблюденным, если в бессоюзном варианте размах частоты основного тона был большим.

Например, в том случае, если в предложении с союзом в первой синтагме отмечалось движение основного тона на участке от 120 до 150 гц, а в той же синтагме в бессоюзном варианте — движение от 109 до 150 гц.

Каковы же показатели по закону Пешковского, согласно данным мелодики?

Принцип Пешковского соблюдается для: диктора М — в 14% предложений, диктора Х — в 25% предложений, т. е. в данном случае трудно говорить о его справедливости.

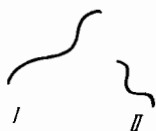
Случаи, не подпавшие под закон Пешковского, распадаются при этом на два класса. Первый — это те примеры, в которых мелодика союзного и бессоюзного вариантов полностью совпадают на релевантном участке. При этом интересно заметить, что совпадает мелодика у самых разных предложений — дополнительных, определительных, условных, уступительных и т. д.⁴⁸

Второй класс примеров — случаи, когда в союзном и бессоюзном вариантах принципиально разная мелодика в неконечной синтагме. Например, в союзном варианте — восходящая, в бессоюзном — нисходящая⁴⁹. В этом случае имеет место принципиально иная интерпретация от-

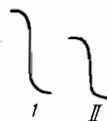
⁴⁸ Такое же распределение разных мелодических типов при одном синтаксическом типе отмечает и З. И. Клычникова (З. И. Клычн и к о в а. Интонация как средство связи частей сложного предложения. «Phonetica», 1965, v. 12, № 3—4), хотя это и расходится с ее исходной посылкой.

⁴⁹ Нисходящая мелодика в неконечной синтагме отмечена и во многих других работах и языках. Так, Ф. Данеш (F. D a n e š. Intonace a věta, стр. 137) называет такой тип мелодики нисходящей полукаденцией признаковой. А. В. Исаченко и Х. Й. Шэдлх считают, что падающая интонация не в конце предложения выполняет функцию членения, разделяя такт на отрезки — фразы (указ.

ношений между предложениями, входящими в одно сложное предложение. Они воспринимаются (в случае нисходящей полукаденции) как два самостоятельных процесса, два параллельных события. С ликвидацией союза часто исчезает релятивная связь двух предложений. Например, предложение *Для того чтобы дочь училась, мы поселились в городе* (с мелодикой в 1-й синтагме от 100 до 170 гц и во 2-й синтагме — от 150 до 66 гц, диктор X) в бессоюзном варианте произносится с такой мелодикой: 171—109 гц в 1-й синтагме и 143—60 гц — во 2-й синтагме. Таким образом, общий рисунок движения тона меняется:

предстает в бессоюзном варианте как

(ср. полученную фразу *Дочь училась, мы поселились в городе*). Подсчеты, относящиеся к влиянию фактора места, занимаемого отрезком в предложении, не показали никаких закономерностей ни у одного диктора.

Итак, согласно полученным данным, в предложениях: *Когда я вернулся, все уже пришли; Все уже пришли, когда я вернулся; Я вернулся, все уже пришли; Все уже пришли, я вернулся; Когда я вернулся — все уже пришли; Я вернулся — все уже пришли; Все уже пришли — я вернулся* — может наблюдаться одна и та же мелодическая фигура, независимо от трансформаций, применяемых к исходному примеру⁵⁰.

Более того, как ясно из примеров, нет принципиальной разницы между мелодикой сложносочиненного и мелодикой сложноподчиненного предложений (см. выше об этом же). А ведь априорная уверенность в обяза-

соч., стр. 53); Е. Буинг и К. ван Схонефельд, напротив, утверждают, что на границе главного и придаточного всегда имеет место повышение (указ. соч., стр. 10).

⁵⁰ Наличие одного и того же рисунка для первой (неконечной) синтагмы, будь то главное или придаточное, отмечалось и Е. И. Торсуевой (Е. И. Торсуева. Интонация сложноподчиненного предложения в современном английском языке. «Уч. зап. I МГПИИЯ», 1960, т. XVIII); см. также: Н. А. Любимова. Мелодика обособленных приложений в русском языке. «Уч. зап. ЛГУ», 1964, № 325. Серия филол. наук, вып. 69.

тельности такого различия порождала в ряде статей «специальные разграничения» функций интонации⁵¹.

Для каждого отдельного примера были составлены соответствия в мелодике по знакам препинания (см. аналогичные описания по данным паузы и темпа). Сопоставление этих данных по каждому примеру также показало, что в большинстве случаев чтение запятой совпадает с чтением тире, а чтение двоеточия иногда совпадает с чтением скобок или имеет специфическую фигуру. Приведем примеры одинакового чтения примеров с запятой и тире (приводятся цифры движения основного тона на релевантном участке в первой синтагме):

	Движение тона	Диктор
<i>Он получил телеграмму/</i>	100—150	М
<i>Он подошел ко мне/</i>	100—162	М
<i>Она не успела собрать вещи/</i>	143—86	М
<i>Что касается меня/</i>	100—150	М
<i>Хотя времени было много/</i>	93—187	Х
<i>Я вернулся/</i>	97—187	Х
<i>Что касается меня/</i>	108—200	Х

Однако в ряде случаев мелодика неконечной синтагмы в случае, когда в письменной форме стоит тире, не совпадает с аналогичной мелодикой того же примера с запятой в письменной форме, причем речь идет не о количественном, но о качественном различии, а именно — восходящая мелодика заменяется (в случае тире) нисходящей. Это имеет место в бессоюзных предложениях — т. е. при этом происходит переосмысление связей между частями сложного предложения. Решить вопрос о нагрузке этого переосмысления возможно, лишь определив сущность функционирования мелодики. Анализ разного вида союзных предложений говорит о совпадении мелодики для предложений, относимых в синтаксисе к разным типам — т. е. не было

⁵¹ См.: А. Ф. Демьяненко. О проблемах классификации сложных предложений. «Вопросы синтаксиса сложного предложения и методики его преподавания в школах и вузах (тезисы)». Краснодар, 1966.

зафиксировано специфической мелодики для предложения с придаточным места, времени, уступительности и т. д.⁵² Особая мелодика (понижение в первой синтагме, о котором говорилось выше) напоминает конечную мелодику повествовательного предложения, «интонацию точки». Поскольку в бессоюзном предложении в упомянутых случаях с тире имеет место понижение, аналогичное понижению на конце предложения, то можно рассматривать два получившихся отрезка как переосмысление диктором примера в виде двух самостоятельных предложений, а повышающуюся мелодику в первой синтагме осознать как мелодику связи⁵³. Но при этом необходимо также принять во внимание, что такая же понижающаяся мелодика имеет место и в предложениях с двоеточием в письменном эквиваленте, когда две части предложения связаны причинно-пояснительной связью и явно не осмысливаются как самостоятельные отрезки. Однако столь же неправомерно было бы объявление этих отрезков текста с понижающейся мелодикой как переосмысленных в плане причинных отношений, поскольку союзные предложения с причинными и пояснительными союзами произносятся с повышающейся мелодикой в первой синтагме. В то же время несомненно, что произнесение самой простой фразы вроде *Мама пишет, папа читает* с повышающейся и с понижающейся мелодикой первой части различается по смыслу. Приведем примеры тех случаев, когда примеры с запятой произносятся с восходящей мелодикой в первой синтагме и с нисходящей — в тех же примерах с тире:

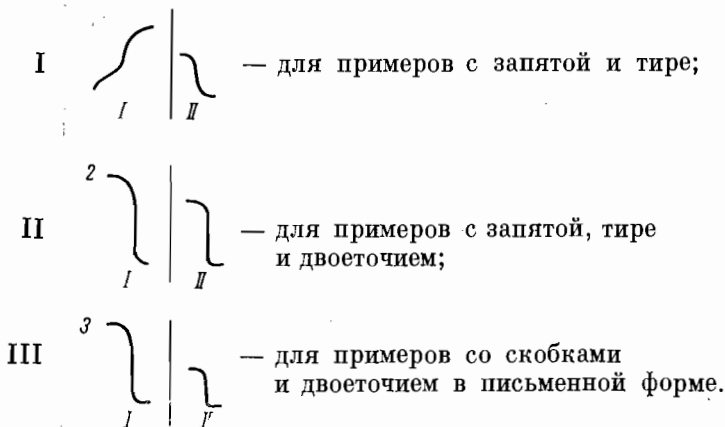
Они считали его ребенком/он все понимал;
Завод получил новые заказы/началась война;
Вы не хотели его обидеть/ я верю;
Она обернулась/ я толкнул ее;
Лицо его покраснело/ глаза вспыхнули;
Разговор не получился/ ей стало грустно;
Ближе к городу/ меньше деревьев.

⁵² Этот анализ составляет одну из задач следующей главы.

⁵³ Именно в этом видит функцию мелодики сложного предложения А. Блох (А. В I o s h. Указ. соч.), т. е. показывать, связаны или самостоятельны отрезки текста, — единственная функция мелодики. Таким образом, по мнению А. Блоха, только мелодика показывает, является ли данная комбинация синтагм сложным целым, при этом весьма возможно расхождение мелодики и словесного наполнения (Wortlaut).

Как видно по этим примерам, в них отсутствует союз. Выше уже упоминались примеры такого типа, фиксированные как отклонения от закона Пешковского.

В целом, в общей форме по всему числу примеров было выделено три наиболее характерных вида мелодики для первой и второй синтагм, рассмотренных совместно.

Такие фигуры были наиболее характерными. Но при полном описании необходимо говорить о шести возможных фигурах (увеличение числа происходит за счет возможного начала второй синтагмы, которая как правило произносится на более низком тоне, чем первая, но может произноситься на очень низком или, напротив, на том же частотном уровне, что и первая синтагма).

Именно для мелодики существенна проблема адекватного описания тех тональных изменений, благодаря которому можно говорить об одинаковости изменений в движении тона, имеющем место у разных дикторов. В американской литературе уже около двух десятков лет пользуются понятиями мелодических уровней⁵⁴. Сильной критике эта, пожалуй, самая распространенная в настоящее время система записи подверглась в известной статье Д. Болинджера⁵⁵. Он критикует уровни тона за недостаточную релятивность, поскольку уровни также соотно-

⁵⁴ K. Pike. The intonation of American English.

⁵⁵ D. L. Bolinger. Intonation: levels versus configurations. «Word», 1951, t. VII, № 3.

Сятыся с определенной частотой, в то время как с точки зрения внутренних отношений формула тональных конфигураций 3—4—2 равна формуле 2—3—1. В соответствии с этим Болинджер высказывается за описание движения мелодики по типам контура — конфигурациям. Однако равенства, приводимые Д. Болинджером, возможно, имеют смысл для односинтагменных отрезков, но при описании законченных отрезков текста, состоящих из нескольких синтагм, неслучайно высотное соотношение между синтагмами. Так, например, при чтении вводного (или вставного) отрезка все высказывания в целом обычно имеют следующий рисунок

Таким образом, при описании неодносинтагменных конструкций удобнее пользоваться описанием по «конфигурациям уровней»⁵⁶.

В настоящей работе также был использован метод описания такого типа⁵⁷. Например, запись — 2/4—3\1 означает, что в первой синтагме осуществлялось повышение тона от второго относительного уровня до четвертого уровня, а во второй синтагме тон понижался — от третьего относительного уровня к первому.

2

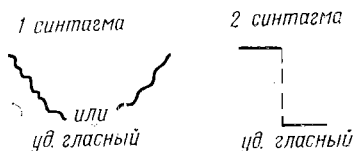
Анализируя мелодический рисунок прочитанных примеров, необходимо сказать о некоторых специфических особенностях «плана выражения», которые могут иметь факультативный характер и быть случайными, либо иметь какое-то объяснение, не найденное автором.

Как уже говорилось выше, релевантным переломом мелодики считается последний перелом в данной синтагме — для русского языка он осуществляется в ударном слоге — носителе синтагматического ударения. Однако как правило для обоих дикторов было характерно следующее воплощение этого принципа: ударный слог первой синтагмы произносился с большим изменением частоты

⁵⁶ Fr. D a n e š. A sentence intonation from a functional point of view. «Word», 1960, v. 16, № 1.

⁵⁷ Самый высокий — уровень 4 и, соответственно, самый низкий — уровень 1.

основного тона на его протяжении, т. е. в период звучания данного гласного происходил переход от низкого к высокому уровню мелодики и наоборот. Что же касается ударного слога конечной синтагмы, то при этом чаще наблюдалось не движение основного тона внутри произносимого звука, а произнесение его на ровном тоне, причем этот звук нес функции синтагматического ударения — к этому звуку происходил резкий перелом мелодики (обычно падение тона). Схематически разницу в движении основного тона ударных гласных первой и второй синтагм можно изобразить следующим образом:

Перелом мелодики, определяющий ее основную сущность — восходящая или нисходящая, в основном происходил на ударном слоге, но в ряде случаев перелом мелодики происходил на предударном слоге⁵⁸ (например, в отрезке *Тот смеется* — диктор М, *Вы не хотели его обидеть* — диктор М, *Все уже пришли* — диктор М, *Прежде чем он увидел меня* — диктор М, и т. д.).

Кроме того, в некоторых случаях перелом мелодики происходит не на формально последнем ударном слоге синтагмы, а на ударном слоге, который условно можно назвать собственно ударным слогом синтагмы. Так, например, во фразе *Если вы навестите меня, я буду рад* осмысливается как носитель синтагматического ударения ударный слог слова *навестите*, а *меня* и последний слог слова *навестите* произносятся как заударная часть. Точно так же произносится фраза *Приехал ли ты, не знаю* с переломом мелодики на ударном слоге слова *приехал* (а не на формально последнем ударном *ты*). Этот сдвиг ударения в синтагме объясняется тем, что ударения на местоимениях *меня* и *ты* в приведенных примерах создавали бы впечатление логического (т. е. контрастного) ударения: *меня*, а не кого-то другого и т. д.

⁵⁸ В. Н. Всеволодский-Гернгросс (указ. соч., стр. 47) называет такое произношение «заносом».

Произношение заударной части вообще в тех случаях, когда ударный слог синтагмы не совпадал с последним ее слогом, как уже говорилось выше, было двояким; оно совпадало с движением мелодики основного тона в ударном слоге или расходилось с ним. Последнее в первую очередь относится к произношению заударной части при восходящей мелодике синтагмы — она может продолжать это движение (нейтральный случай — быть ровной) или резко понижаться. Оба варианта равно допустимы для современного русского произношения. Е. А. Брызгунова считает их стилистическими вариантами⁵⁹, причем понижающаяся заударная часть характерна для более «современного» и «обыденного» произношения, повышающаяся заударная часть более «литературна». В речи обоих дикторов наблюдались оба эти варианта. Проследить их распределение оказалось затруднительно. Возможность чтения одного и того же примера с той и с другой мелодикой заставляет считать их свободными вариантами, а не обусловленными аллоединицами одного типа интонации.

Если различие в движении заударной части в первой синтагме — факт описанный и допустимый, то недоумение вызвали немногочисленные случаи расхождения мелодики заударной и ударной части (неожиданное повышение в конечной, второй синтагме, где как правило мелодика понижающаяся). Так, в произношении диктора X имеет место повышение мелодики к концу (в манере сходной с произношением вопросительного предложения) во второй синтагме следующих фраз: *Это все-таки был его командир, он уважал его* (повышение от 70 до 120 гц); *Я вышел: стало душно* (повышение от 87 до 100 гц); *Ей стало грустно, так как разговор не получился* (повышение от 83 до 130 гц); *Я закричал, испуг был таким сильным* (повышения от 70 до 115 гц).

Необъяснимое повышение в этих фразах нельзя объявить случайностью, поскольку некоторые из них произносились всегда с повышением при разных знаках препинания и наличии/отсутствии союза⁶⁰.

⁵⁹ Е. А. Брызгунова. Указ. соч., стр. 195.

⁶⁰ Такое повышение отмечалось и Е. А. Брызгуновой, отметившей, что ударный слог последнего слова по тону может быть ниже заударного (указ. соч., стр. 174), а для норвежского языка — Б. Мальмбергом (B. Malmberg. Analyse des faits prosodiques — problèmes et méthodes. «Cahiers de linguistique théorique et appliquée», 1966, III).

Интенсивность

Интенсивность измерялась по амплитудным данным (в мм), причем для каждого гласного принималась во внимание наибольшая его интенсивность в пределах данного звучания. Движение интенсивности во всей фразе отражалось на графиках, так же как и движение мелодики во всей фразе. При этом для сопоставления полученных результатов по фразам в таблицах фиксировались интенсивности не всех гласных в предложении, а следующие данные, принятые в качестве дифференцирующих:

- 1) интенсивность ударного слога в первой синтагме — носителе синтагматического ударения;
- 2) интенсивность самого интенсивного слога в первой синтагме до ударного слога — носителя синтагматического ударения;
- 3) интенсивность наиболее интенсивного слога во второй синтагме;
- 4) разность в интенсивности между наиболее интенсивным гласным в первой синтагме и ударным гласным той же синтагмы;
- 5) разность между самым интенсивным гласным первой синтагмы и интенсивностью наиболее интенсивного гласного второй синтагмы ⁶¹.

Как видно из перечня последних трех критериев, их задача — определить так называемый тип динамического движения фразы (и отдельных синтагм), а именно — определить, имеет ли место понижение интенсивности в гласных синтагмы к концу синтагмы (т. е. к ударному слогу — носителю синтагматического ударения) или наоборот — имеет место повышение интенсивности, так что ударный слог — носитель синтагматического ударения является самым интенсивным.

Необязательность наибольшей интенсивности в слоге — носителе синтагматического ударения уже отмечалась (более подробно об этом см. ниже). Для наших дикторов пропорции совпадения наиболее интенсивного слова и

⁶¹ Поскольку при всех трансформациях подсчитывалось изменение интенсивности в одних и тех же фразах и, следовательно, в одних и тех же звуках, то при этом не было опасности смешения подлинного изменения интенсивности и тембрального различия в интенсивности, что, несомненно, имело бы место при сопоставлении синтаксически сходных, но разных по звуковому составу фраз.

ударного слова в синтагме были следующими (речь идет о неконечной синтагме): 1) последний ударный слог синтагмы является самым интенсивным для диктора М — в 15% случаев, для диктора Х — в 24%; 2) наиболее интенсивным является один из начальных слогов синтагмы (для диктора М — в 75% случаев, для диктора Х — в 70%); 3) последний ударный слог синтагмы по интенсивности равен наиболее интенсивному гласному в начале синтагмы (т. е. разность в интенсивности равна 0). Для диктора М — в 10% случаев; для диктора Х — в 6%.

Подсчет первый. Средние данные распределения принятых критериев по четырем знакам препинания дали следующие результаты (в мм):

	Наиболее интенсивный гласный 1-й синтагмы		Ударный гласный 1-й синтагмы		Наиболее интенсивный гласный 1-й синтагмы минус ударный гласный 1-й синтагмы		Наиболее интенсивный гласный 2-й синтагмы		Наиболее интенсивный гласный 1-й синтагмы минус наиболее интенсивный гласный 2-й синтагмы	
	Х	М	Х	М	Х	М	Х	М	Х	М
,	7,1	6,3	5,5	4,4	1,5	1,8	4,6	4,7	2,4	1,6
—	6,3	7,4	4,9	4,4	2,5	1,8	4,3	4,9	3,1	1,3
:	5,9	7,1	2,9	4,6	4,3	1,3	4,3	4,8	2,9	1,1
()	5,9	7,4	4	4	3,3	1,8	4,4	4,4	3	1,5

Исследование результатов, полученных на основании взятых критериев, показывает, как и при подсчете мелодических данных, что не все предложенные критерии являются в равной степени дифференцирующими. Так, критерии разности между наиболее интенсивным гласным в первой синтагме и интенсивностью слога — носителя синтагматического ударения той же синтагмы, с одной стороны, и критерий разности между наиболее интенсивным гласным первой синтагмы и наиболее интенсивным гласным второй синтагмы, с другой стороны, не являются автономными дифференцирующими показателями, поскольку они заключены в данных, полученных из остальных критериев. Поэтому в дальнейшем решения и анализ проводились на основании трех критериев — величины

наиболее интенсивного слога первой синтагмы, величины интенсивности в ударном слоге первой синтагмы и интенсивности наиболее интенсивного гласного второй.

Приведенные выше данные были среднеарифметическими. Для большей точности с ними сопоставлены результаты, полученные по данным кривых статистического распределения случаев («пики», как это называлось при исследовании других величин).

	Наиболее интенсивный гласный 1-й синтагмы		Ударный гласный 1-й синтагмы		Наиболее интенсивный гласный 2-й синтагмы	
	Х	М	Х	М	Х	М
,	7	7	3, 5, 7	4	5	4, 5
—	6 и 8	6, 7	3, 4, 8	4	5	5
:	8	6	2	3	4	4
()	8	7	2	3	4	4

По этим данным соотносительные показатели интенсивности и знака препинания, соответствующего данному предложению в письменной форме, распадаются на две, как для мелодики (а не четыре, как в случае паузы), группы: в первой группе находятся примеры с запятой и тире, во второй — примеры с двоеточием и скобками.

Данные подсчета по соотношению союзных и бессоюзных вариантов одного предложения (подсчет второй) не дали никакой определенной картины. Подсчет процентного числа соблюдения закона Пешковского (в этом случае под соблюдением закона Пешковского понималось увеличение интенсивности, так как трудно было бы говорить о большей степени яркости для менее интенсивных звуков) показал следующие результаты:

По наиболее интенсивному звуку в первой синтагме:

- у диктора М — для 29% предложений,
- у диктора Х — для 34% предложений.

По интенсивности ударного гласного в первой синтагме:

- у диктора М — для 25% предложений,
- у диктора Х — для 40% предложений.

По наиболее интенсивному звуку во второй синтагме:

- у диктора М — для 25% предложений,
- у диктора Х — для 29% предложений,

т. е. в случае интенсивности, так же как и в случае мелодики, затруднительно говорить о соблюдении принципа Пешковского, однако эти показатели выше, чем для мелодики.

Закономерности в распределении интенсивности при постпозитивном и препозитивном положении одного отрезка (подсчет третьей) остались невыявленными.

Анализ данных интенсивности без обращения к соответствующему мелодическому рисунку показал следующие характерные данные:

1. Интенсивность обычно имеет тенденцию понижаться к концу синтагмы. Это означает, что наиболее интенсивным оказывается не ударный слог — носитель синтагматического ударения, а один из начальных слогов синтагмы. Такое движение интенсивности считалось в работе нисходящим. Внутри нисходящего движения интенсивности естественным образом (т. е. без промежуточной зоны) различались два класса интенсивности — примеры с резко нисходящей и слабо нисходящей интенсивностью в неконечной синтагме. В первом случае отношения между наиболее интенсивным начальным гласным и ударным гласным были (в мм) типа: 8/1; 9/1,5; 10/1; 7/0,5 и т. д. Во втором случае отношения были типа — 5/4; 5/5,5; 6/4; 5/4,5 и т. д.

2. Однако наблюдались случаи, когда движение интенсивности в первой синтагме было восходящим⁶², т. е. интенсивность ударного слога была большей, чем интенсивность наиболее интенсивного из предшествующих слогов — отношения типа 6/7; 5/6; 4,5/6 и т. д. В этих случаях резко восходящего движения интенсивности, т. е. отношений типа 1/10; 2/10; 3/11 и т. п., аналогичного резко нисходящему движению интенсивности, ни у одного из дикторов не наблюдалось.

3. Особо отличались случаи нулевого движения интенсивности в неконечной синтагме — 5,5/5,5; 4/4 и т. д.

Соотносительные данные по трем типам движения указывались в % выше (стр. 92).

Наиболее сложным было определить ту степень информации, которую несет интенсивность, рассматриваемая как отдельный параметр. Затруднение вызывала при этом и возможность подачи материала, так как в распоря-

⁶² Движение интенсивности конечной синтагмы всегда было нисходящим (см. начало главы) и потому не учитывалось.

жении автора не было синтезирующего устройства. Что же касается слухового анализа, то восприятие одних и тех же примеров с разной интенсивностью не дало никакой гипотезы о смысловой функции интенсивности как таковой ⁶³.

Говоря о смысловой функции интенсивности, мы различаем две разные вещи: с одной стороны, увеличение интенсивности слова (или ударного гласного слова), несущее функцию выделения этого слова, так называемого логического ударения ⁶⁴, и, с другой стороны, изменение интенсивности на протяжении всей фразы или синтагмы. По известным автору данным, попытка интерпретировать смысловую функцию этого движения во фразе была предпринята лишь В. К. Чичаговым ⁶⁵. В. К. Чичагов, показывая различные случаи совпадения и несовпадения движения мелодики и интенсивности во фразе, называет это движение интенсивности динамической структурой фразы и считает случаи этого совпадения/несовпадения результатом сознательной установки говорящего. Так, убывающую структуру с понижающейся интенсивностью В. К. Чичагов считает громкой, структуру усиливающейся — тихой. В соответствии с этим определяются стили громкого и тихого говорения. В конце работы приводятся примеры отрезков текста, читаемых в громком или тихом стиле. К сожалению, эта опубликованная посмертно работа не передает полностью предполагаемую концепцию автора о том, каковы соотношения между выделенными типами динамической структуры предложения и другими характеристиками текста.

Иная попытка интерпретировать движение динамической структуры на протяжении всей фразы была предпринята для английского языка ⁶⁶. Автором изучалось соотношение динамических центров и членов предложения.

⁶³ Сложность интерпретации интенсивности подчеркивалась и в самое последнее время (см.: Л. К. Ц е п л и т с. Указ. соч.).

⁶⁴ Об этой функции усиления интенсивности писалось неоднократно. См., в частности: D. L. B o l i n g e r. Contrastive accent and contrastive stress. «Language», 1961, v. 37, № 1.— Упоминание о том, что во в фразе есть динамические центры, равно и независимо к мелодическим, есть и в статье Ш. Балли (указ. соч.).

⁶⁵ В. К. Ч и ч а г о в. О динамической структуре русского предложения.— ВЯ, 1959, № 3.

⁶⁶ H. W o d e. Englische Satzintonation. «Phonetica», 1966, v. 15, № 3—4.

Соотношение мелодики и интенсивности

1

При сопоставлении полученных данных по анализу мелодики и интенсивности одних и тех же предложений, отличающихся по наличию / отсутствию союза, позиции во всем предложении или по знаку препинания, стоящему в письменной форме, существенным было определить, имеется ли зависимость между этими величинами, а именно:

1) Имеет ли место взаимокомпенсация этих характеристик?

2) Служат ли каждый из этих показателей, взятых отдельно, достаточным средством отличия в смысле?

По первому пункту существенно выяснить, не находятся ли данные интенсивности и мелодики в отношении компенсации. Примеры такого рода, как представляется, могут быть приведены (если в данном случае также абстрагироваться от сложной проблемы тождества смысла, а именно — считать, что отрезок, прочитанный два раза, тождествен самому себе по смысловому наполнению). Приведем пример, где уменьшение высотного интервала сопровождается повышением интенсивности:

		Мелодика	Интенсивность
<i>Что ты ошибся/</i>	,	110—200	6—4
<i>То же</i>	—	93—100	6,5—4
<i>Все уже пришли/</i>	,	100—200	7—5
<i>То же</i>	—	87—200	9—5
<i>И это все-таки был его командир/</i>	—	193—66	10—1
<i>То же</i>	:	200—60	8—1,5
<i>Стоило ему войти/</i>	,	90—200	9—4
<i>То же</i>	—	108—200	7—4

При общем действии этого компенсативного отношения, казалось бы, во всех случаях можно было бы ожидать, что при увеличении частотного интервала уменьшится интенсивность и наоборот. Однако столь же распространенны и случаи противоположной тенденции — интен-

сивность совпадает с увеличением частотного интервала, пропорционально этому увеличению. Приведем примеры действия этой тенденции:

		Мелодика	Интенсивность
<i>Я верю/</i>	,	200—87	10—5
<i>То же</i>	—	161—80	6—4
<i>Он покраснел/</i>	,	143—75	6—3
<i>То же</i>	—	131—100	5—4,5
<i>Когда я вернулся/</i>	,	90—200	6—5
<i>То же</i>	—	100—200	6,5—5
<i>Пока жена готовила/</i>	,	103—200	6,5—7
<i>То же</i>	—	97—215	6—7,5
<i>Им предстояло самое трудное/</i>	:	153—60	6—4
<i>То же</i>	()	193—60	7,5—5
<i>Он вышел открыто/</i>	—	197—81	8—3
<i>То же</i>	()	153—87	5,5—4

Таким образом, приведенные ряды примеров как будто бы дают возможность сделать следующие выводы:

1) между движением основного тона и интенсивностью существуют отношения компенсации — при уменьшении частотного интервала интенсивность данного гласного возрастает и наоборот;

2) между интенсивностью и движением основного тона существуют отношения прямопропорциональной зависимости — чем больше частотный интервал, тем больше интенсивность и наоборот.

Наличие этих двух взаимопротиворечащих тенденций как будто бы вполне допустимо в рамках функционирования одной языковой нормы. Существенным было бы выяснение важного и вытекающего из этих позиций вопроса: когда, при каких обстоятельствах имеет место каждая из этих тенденций. К сожалению, попытки разнообразного подхода не помогли автору решить проблему — определяется ли выбор той или иной тенденции смысловыми решениями, диктуется ли данными плана выражения и не являются ли эти различия случайными?

По второму пункту (отличие в смысле) интересно было узнать, какие совпадения по мелодике и интенсивности

были возможны при прочтении одних отрезков текста, но с разными ЗП. При этом выявились следующие отношения.

1. Случаи полного совпадения мелодики и интенсивности, например: отрезок — *Что касается меня* — из фразы — *Что касается меня / я согласен* (в произношении диктора Х) произносился с движением основного тона на участке от 108 до 200 гц и с движением интенсивности от 7,5 мм для наиболее интенсивного гласного в предударной для данной синтагмы позиции до 7 мм в ударном гласном — носителе синтагматического ударения, как в примере с запятой, так и в примере с тире. Другой пример — на произношение конечной синтагмы — *Он все понимал* из фразы — *Они считали его ребенком / он все понимал* (в произношении диктора М) — также в примерах с запятой и тире движение основного тона наблюдалось на участке от 125 до 73 гц, а интенсивность наиболее интенсивного гласного синтагмы ([o] в слове *всё*) равнялась 3,5 мм.

2. Случаи совпадения в движении основного тона, но расхождения в интенсивности, причем под расхождением имеется в виду как чисто количественное расхождение при соблюдении общего направления в движении интенсивности от наиболее интенсивного гласного в предударной позиции к ударному слогу — носителю синтагматического ударения, так и изменение этого направления.

		Мелодика	Интенсивность
<i>Почему жена смеется /</i>	,	100—200	5—5
<i>То же</i>	—	100—200	6—8
<i>Я вернулся /</i>	,	97—187	7—5
<i>То же</i>	—	97—187	6—4
<i>Стало душно /</i>	,	77—181	7—3
<i>То же</i>	—	77—187	3,5—3
<i>Он подошел ко мне /</i>	,	150—66	7—1,5
<i>То же</i>	—	150—66	5—1,5
<i>Он не военный /</i>	,	171—60	6,5—4
<i>То же</i>	—	171—60	5,5—6,5

3. Случаи обратного соотношения — разной частоты при единстве движения интенсивности:

		Мелодика	Интенсивность
<i>По земле ползет уж/</i>	,	187—80	8—1,5
<i>То же</i>	:	163—81	8—1,5
<i>Лягушки прыгают под ногами/</i>	:	173—66	6—2,5
<i>То же</i>	()	200—63	6—2,5
<i>Он с ужасом увидел/</i>	,	163—75	6,2—2,5
<i>То же</i>	—	209—75	6,5—2,5

По этим примерам можно сказать лишь только, что движение и количественные показатели интенсивности не совпадают полностью с движением основного тона в том же отрезке, а находятся между собой в некоторых отношениях. При этом однако (см. стр. 97), возможны и отношения усиления и отношения компенсации. Каковы же могут быть эти отношения, вероятно, должен подсказывать анализ рядов примеров.

2

Наиболее интересными при сопоставительном анализе движения интенсивности и мелодики одного предложения оказались различия в движении интенсивности в неконечной синтагме (в конечной синтагме интенсивность всегда была нисходящей). А именно — как указывалось выше, различались случаи нисхождения движения интенсивности — слабонисходящее и резконисходящее и восходящее (с небольшим разрывом), а также нулевое. Сравнение интенсивности с движением мелодики в тех же примерах показывает, что здесь с определенностью можно говорить лишь о следующей закономерности: если мелодика в данной неконечной синтагме нисходящая, то движение интенсивности в этой синтагме будет резконисходящим (т. е. следование за мелодикой, а не компенсация, хотя компенсация внутри этого исхода в принципе возможна); если же мелодика в данной неконечной синтагме восходящая, то в данном случае равновероятно как нисходящее, так и восходящее движение интенсивности. Различные попытки понять механизм распределения этих

типов не имели положительного результата ⁶⁷. Постепенно отбрасывались одна за другой следующие гипотезы:

1. Поскольку интенсивность связана с тем, что принято называть динамическим ударением, возможно, восходящая линия интенсивности имеет место тогда, когда в начале неконечной синтагмы стоит служебное слово (союз) и динамическая «энергия» как бы остается неизрасходованной.

2. Напротив, повышение линии интенсивности происходит перед союзом (т. е. речь идет о постпозитивном придаточном), при этом как бы связываются обе синтагмы в единую линию с угасанием интенсивности в абсолютном конце (т. е. в конечной синтагме).

3. Понижение интенсивности при повышающейся мелодике происходит, если ударный слог — носитель синтагматического ударения является конечным в синтагме, т. е. имеет место завершение артикулярной программы. Последней попыткой понять принцип этих двух исходов интенсивности было сопоставление данного явления по обоим дикторам, при предположении, что если у обоих дикторов одни и те же примеры будут произноситься с восходящей или нисходящей линией интенсивности, то это может служить хотя бы первоначальным ключом к решению проблемы. Однако, хотя это явление и наблюдалось у обоих дикторов, распределение типов движения интенсивности по примерам не совпало.

Приведем несколько примеров несовпадения в движении интенсивности для примеров с одним смыслом (мелодика всюду восходящая), указывая на тип движения в выделенном отрезке (произношение диктора X): *Отец горячился, мать стояла на своем* (восходящее), *Мать стояла на своем, отец горячился* (нисходящее); *Почему жена смеется, он не понимал* (нулевое), *Он не понимал, почему жена смеется* (нисходящее); *Чтобы гости были довольны, нужно вести себя хорошо* (восходящее), *Нужно вести себя хорошо, чтобы гости были довольны* (нисходящее); *Все ушли на площадь, дома не было никого* (восходящее), *Дома не*

⁶⁷ Говоря о типах ударения в неконечной синтагме в польских текстах, В. Яссем приводит столь же различные по совпадению в общем движении соотношения мелодики и интенсивности. Однако автор лишь констатирует эти различия, не интерпретируя их (W. J a s s e m. Akcent języka polskiego. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1962, стр. 17—20).

было никого, все ушли на площадь (нисходящее), Где он поселился — стало известно (нисходящее), Где он поселился, стало известно (восходящее), Стало известно, где он поселился (нисходящее) и т. п.

Восприятие примеров с разной паузой, разного типа разрывом в темпе первой и второй частей и разного типа мелодикой (восходящей или нисходящей) говорит о наличии определенной, пусть не всегда определенной, смысловой функции этих величин. Разумеется, в случае акцентирования (эмфатического или логического ударения) усиление интенсивности как один из способов выполнения этой задачи вполне ощутимо и может быть определено (*д а й мне книгу, дай м н е книгу, дай мне к н и г у*), но в исследованных примерах осуществлялось так называемое нейтральное чтение и отсутствие эмфатического подчеркивания и логического выделения было единственным условием, предложенным дикторам. Поэтому сформулировать хотя бы в общем плане ту нагрузку, которую несет во фразе интенсивность как самостоятельная величина (если она является таковой) в данной работе не удалось.

Приведенные данные по различию в движении интенсивности и мелодики при восходящем движении тона достаточно убедительно говорят о несправедливости ранее распространенного и господствовавшего тезиса о том, что самый высокий гласный является ударным и наоборот⁶⁸. В последние годы исследования, проводимые в самых разных странах, показали тот парадоксальный факт, что при создании эффекта ударности, наименьшая роль принадлежит интенсивности⁶⁹. При этом разные авторы в ка-

⁶⁸ См.: В. А. Богородицкий. Русские гласные в свете экспериментальных данных. Казань, 1930; S. K a r s e v s k i j. Указ. соч.; см. также: И. Лысков. Интонация простого предложения. — РЯШ, 1931, № 2—3; А. Веліч. Указ. соч.; А. Мартин. Принцип экономии в фонетических изменениях. М., 1960, стр. 209. — Л. В. Златоустовой убедительно показано, что регулярное совпадение динамического ударения и повышение тона имеет место обычно при мелодике определенного типа — так называемой назывной мелодике (Л. В. Златоустова. Фонетическая структура слова в потоке речи, стр. 72), сложные концепции взаимодействия этих факторов будут анализироваться во второй главе настоящей книги. К сожалению, упомянутый выше архаический тезис упорно переходит из книги в книгу и в настоящее время.

⁶⁹ См., в частности: J. M a h n k e n, M. В г а и n. Zum «ex-

честве доминирующего фактора при создании ударения предполагали либо длительность⁷⁰, либо тоновые изменения, причем сторонников последнего тезиса становится все больше⁷¹. Особым фактором при создании ударения Д. Болинджер и Л. Герстман считают также и disjuncture (т. е. отделение слогов на протяжении речи, spacing по Х. Л. Смигу)⁷².

ОБЩИЙ АНАЛИЗ ПРИМЕРОВ

1

Интересно и существенно выяснить общее соотношение в одном тексте всех просодических величин, рассматривавшихся до сих пор в отдельности или попарно (пауза и темп, мелодика и интенсивность). Важно знать, образуют

piratorischen Akzent» im Russischen.— Zp и AS, 1952, Bd. 6, Hf. 3—4.

⁷⁰ См.: Л. В. Златоустова. Фонетическая природа русского словесного ударения; D. Fгу. Duration and intensity as physical correlates of linguistic stress.— JASA, v. 27, № 4.

⁷¹ См., например: E. G ä r d i n g, L. G e r s t m a n. The effect of changes in the location of an intonation peak on sentence stress. «Studia linguistica», 1960, v. XIV, № 1.— В соотношении мелодики и интенсивности (в основном определенном экспериментальным путем) ряд авторов вообще отрицает роль интенсивности как фактора, способствующего восприятию ударения (см.: D. L. B o l i n g e r. On intensity as a qualitative improvement of pitch accent. «Lingua», 1958, v. VII, № 2; H. M o l, E. U h l e n b e s k. The linguistic relevance of intensity in stress. «Lingua», 1956, v. V, № 2). Авторы последней статьи критикуют работу Д. Фрая (см. сн. 69) за то, что при рассмотрении показателей ударения им не исследовались тоновые показатели; другие более осторожно говорят о примате тонических факторов (W. L. H ö f f e. Über Beziehungen von Sprachmelodie und Lautstärke. «Phonetica», 1960, 5; A. V. I s a њ e n k o — H. J. S c h ä d l i c h. Указ. соч., стр. 17—19). В данном случае речь шла о данных английского и отчасти немецкого языков, в то время как данные Л. В. Златоустовой относятся к русскому языку). Однако в работах, посвященных самым различным по лингвогенезу языкам, говорится о ведущей роли тонических средств (см.: С. М. Ж г е н т и. О ритмической структуре фразы грузинского языка. «Phonetica», 1965, v. 12, № 3—4; М. П е т е р. О некоторых вопросах интонации. «Annales Universitatis scientiarum Budapestinensis de Rolando Eötvös nominatae. Sectio philologica», 1961, t. 3).

⁷² D. L. B o l i n g e r, L. J. G e r s t m a n. Disjuncture as a cue to contracts. «Word», 1957, v. 13, № 2.

ли параметры просодии некоторые связанные и обычно предполагающие друг друга пучки значений⁷³, как соотносятся эти пучки значений и реальные тексты (именно в этом случае будет возможно более подробно рассмотреть вопрос о разных типах сложного предложения, выделенных в синтаксисе, с одной стороны, и типах «интонации», с другой стороны). Важно также сопоставить полученные данные по результатам обоих дикторов. В этом смысле все результаты, описанные в предыдущих главах, являются как бы предварительными в том смысле, что их следствием было разграничение существенного и несущественного в описании просодии, а также проверка гипотезы о самостоятельном функционировании отдельных просодических величин. В этом случае лингвистический материал как бы отвечал на некоторую предложенную ему анкету, причем, как показало предложенное выше описание, данные собственно лингвистические самым различным образом координировались с данными звукового потока. Этот метод чисто экспериментального подхода к материалу без предварительной гипотезы о возможных результатах соотносится с аналогичными работами по анализу сегментных единиц языка, получившему название трансформационного анализа. Следующим этапом является в данной работе как бы противоположный подход к данным, когда лингвистические данные являются сопоставляемым материалом, а исходным — набор просодических величин.

Для того чтобы иметь возможность сопоставлять как отдельные тексты, так и результаты обоих дикторов, необходимо перейти от абсолютных данных (мсек, гц, мм), рассматривавшихся в предыдущих главах, к относительным. Некоторая попытка перейти от абсолютных данных к относительным была сделана и описана выше, в разделе,

⁷³ Так, делались попытки сопоставить паузы разного типа и предвещающее их движение мелодики. При этом однозначно отмечается совпадение повышающейся мелодики и маленькой паузы, с одной стороны, и длительной паузы и понижающейся мелодики — с другой (см.: Н. R i c h t e r. Auditive Erfassung der Intonation. «Phonetica», 1965, v. 12, № 1—2; К. L. P i k e. The intonation of American English). А. М. Пешковский («Русский синтаксис в научном освещении») также говорил о том, что в понятие синтаксической паузы необходимо включить и связанную с данной паузой интонацию. Связь паузы и тональной высоты отмечал и И. Лысков (указ. соч.).

посвященном анализу мелодических данных. Однако, как уже говорилось, не всегда оказывается целесообразным считать различие в наборе уровней различием в типе интонационной фигуры, необходимо ввести более гибкие показатели. При сопоставлении просодических данных в работе был принят метод некоторой анкеты, заполнявшейся для каждого примера в соответствии с абсолютными данными, полученными при обработке осциллограмм. Предварительный анализ этих абсолютных данных, как представляется, оказался полезным для различения существенного и несущественного. На каждой карточке с записью рабочего примера записывались в отдельных графах следующие данные: величина паузы, тип разрыва в темпе между средней продолжительностью, тип мелодики и данные по интенсивности. Эти величины измерялись следующими показателями: 1) выделялось три типа пауз: а) минимальная, б) средняя и в) большая, соответственно обозначаемые цифрами 1, 2, 3; 2) выделялось три типа соотносительности средних продолжительностей звуков первой и второй синтагм (разрыв в темпе): а) темп ровный, б) вторая часть произносится медленнее, в) вторая часть произносится быстрее первой; эти относительные величины соответственно обозначались цифрами 1, 2, 3; 3) три типа мелодики: а) мелодика первой синтагмы восходящая; в случае нисходящей мелодики первой синтагмы выделялось два типа — б) вторая синтагма начинается на одном уровне с первой и в) вторая синтагма начинается на значительно более низком частотном уровне, чем первая. В случае восходящей мелодики в первой синтагме не было необходимости различать эти два типа, поскольку в этом случае вторая синтагма, по нашим данным, всегда начиналась на более низком уровне (см., например, мелодические фигуры типа 100—200 гц в первой синтагме и 150—66 гц во второй — для диктора X и 108—143 гц в первой синтагме и 136—75 гц — для диктора M). Разумеется, речь идет о соотношениях в движении основного тона на релевантных участках мелодического изменения (выше, стр. 90, указывалось, что заударная часть в первой синтагме может располагаться на низких частотах). Эти типы мелодики соответственно также обозначались цифрами 1, 2, 3. Для возможности более подробного анализа вводились более дробные показатели — так, на карточке с записанным рабочим примером обозначались «подклассы» при-

веденных показателей — например, является ли темп обоих синтагм абсолютно равновесным или есть небольшие расхождения, не является ли пауза в данном произношении особенно большой (т. е. не занимает ли крайней точки на графике статистического распределения случаев) и т. д. Особо фиксировались данные по интенсивности, которая, как видно из вышеизложенного, не вошла в обиход основных относительных показателей. Наиболее существенным в данном случае было фиксирование соответствия / несоответствия интенсивности и мелодики по движению на данном участке текста.

Как уже упоминалось, тип мелодики — восходящая/нисходящая, вторая синтагма ниже первой или нет — не требует пересчета от количественных показателей к относительным, поскольку направление мелодики и расположение синтагм есть в каждом случае факт абсолютный. Что касается данных паузы и темпа, то были введены следующие соответствия относительных и абсолютных данных:

	Относительная величина (тип)	Абсолютная величина	Диктор
Пауза	I	от 0 до 100 мсек	X
		от 0 до 500 мсек	M
	II	от 100 до 500 мсек	X
		от 500 до 700 мсек	M
	III	от 500 мсек	X
		от 700 мсек	M
Темп	I	0, разрыв ± 15 мсек	X
		0, разрыв ± 15 мсек	M
	II	2-я синтагма с темпом до +15 мсек больше	X
		2-я синтагма от +10 мсек	M
	III	2-я синтагма от -15 мсек	X
		2-я синтагма от -10 мсек	M

В соответствии с описанной системой обозначений каждый пример обозначался в троичной системе следующим образом — вначале тип паузы, затем тип темпа, за-

тем — тип мелодика; тип 111 — интерпретируется как «пауза минимальная, темп ровный, мелодика в первой синтагме восходящая», тип 212 — «пауза средняя, обе части равновесны по темпу, мелодика первой синтагмы и мелодика второй синтагмы — равные по частотному интервалу, нисходящие», тип 131 — «пауза минимальная, вторая синтагма произносится в более быстром темпе, мелодика первой синтагмы восходящая» и т. д.

По введенным троичным признакам всегда может быть 27 (3³) различающихся между собой типов или групп примеров: 111, 112, 113, 121, 122, 123, 131, 132, 133, 211, 212, 213, 221, 222, 223, 231, 232, 233, 311, 312, 313, 321, 322, 323, 331, 332, 333.

При описании распределения примеров согласно введенным относительным показателям крайне важно числовое распределение примеров согласно полученным троичным типам: распределяются ли они свободно и более или менее равномерно или образуют некоторые зоны сгущения. Эти данные показывает рис. 7.

2

По распределению примеров в соответствии с типами, как это показывает рис. 7, очевидно, что 1) разница в числовом составе групп очень велика — одни типы вбирают в себя значительное число примеров, другие, напротив, оказываются чисто гипотетическими, 2) распределение примеров по типам у обоих дикторов совпадает (в том приближении, согласно которому самые большие по числу примеров типы у одного диктора оказываются таковыми и у другого).

Постараемся по возможности кратко охарактеризовать состав некоторых полученных групп.

Тип 111 — пауза минимальная, темп равновесный, мелодика неконечной синтагмы восходящая. Как видно из рис. 7, эта группа наиболее многочисленна. В эту группу входит большинство союзных предложений с запятой между главным и придаточным, а также значительное число бессоюзных предложений с запятой. В качестве примера могут быть приведены такие фразы, как ⁷⁴: *Что касается меня, я согласен; Чтобы сестра могла отдохнуть, я взял девочку к себе; Он не понимал, почему жена смеется; Они*

⁷⁴ Приводятся примеры с однотипным чтением обоих дикторов.

Рис. 7. Совпадение в распределении примеров по дикторам

считали его ребенком, тогда как он все понимал; Силы ему изменили, как только он отъехал; Я буду очень рад, если вы меня навестите; Мы пошли домой, потому что пошел дождь; Река еще не растаяла, несмотря на то, что был уже апрель; Он работал в саду, пока жена готовила; Все уже пришли, когда я вернулся; Завод получил новые заказы, после того как началась война; Мы увидели двор, куда вошла сестра; Он подошел ко мне, я отвернулся; Мне говорили, отец ее уже умер; Ей стало грустно, разговор не получился и т. д.

Так же было прочитано несколько примеров с иными знаками препинания: *Не знаю: приехал ли ты; Настанет время (когда вы вернетесь); Потому что пошел дождь — мы пошли домой; Я буду очень рад: если вы навестите меня.* В приведенных примерах знак препинания (если он требует особого чтения) «перечеркивается» наличием союза.

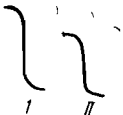
Итак, эту группу, наиболее многочисленную и пеструю по своему составу (союзы с самым разным синтаксическим значением) удобнее считать исходной, немаркированной, все интонационные показатели при этом минимальны. Синтаксические отношения показывает союз.

Тип 112 — пауза минимальная, темп ровный, мелодика обеих синтагм понижающаяся, синтагмы расположены на одном уровне.

В эту очень маленькую группу вошли следующие примеры: *Он отъехал — силы ему изменили; Мне стало очень грустно, чего он и добивался.*

Отметим в данной группе выделение придаточного со значением присоединения. В целом, как видно, данная группа не соотносится с какими-либо синтаксическими или пунктуационными объединениями. Очевидно, в каждой из фраз содержание обеих синтагм представляется в виде двух параллельных и равноправных событий.

Тип 113 — пауза минимальная, темп ровный, мелодика неконечной синтагмы понижающаяся, соотношение

синтагм Группа немногочисленная, представлена

примерами с разными знаками препинания как с союзами, так и без союзов: *Я вышел, стало душно; Человек со стороны был бы поражен, если мог быть такой человек; Не*

знаю, приехал ли ты; Он так покраснел, словно его уличили во лжи; Ей стало грустно, так как разговор не получился.

Тип 121 — т. е. отличается от типа 111 более медленным произношением второй части. Например — *Прежде чем он увидел меня, я постучал; Он отъехал, силы ему изменили; Мы пошли домой, пошел дождь.*

Тип 122 — отсутствует (!), т. е. для обоих дикторов минимальная пауза оказалась несовместимой с равновесной мелодикой и более важной второй частью сообщаемого.

Тип 123 — у обоих дикторов представлен одной фразой: *Вы не хотели его обидеть, я верю* — т. е. произнесенное на более низком уровне содержание второй части существенно.

Тип 131 — как бы обратный по темпу типу 121 (более важна первая часть): *Я здесь, он в роскоши; По земле ползет уж, лягушки прыгают под ногами; Отец горячился, мать стояла на своем; Пошел дождь, мы пошли домой* типа: *Лицо его покраснело, и глаза вспыхнули; Вся жизнь города изменилась, в город приехал отряд.*

Тип 132 — более быстрый темп второй части, пауза минимальна, фигуры равновесны. Примеры: *Я верю, вы не хотели его обидеть; Ясно — ты ошибся; Она не успела собрать вещи, хотя времени было много; Он учитель, он не военный; Меньше деревьев, ближе к городу.*

Тип 133 — *Я здесь: он в роскоши; Я закричал, испуг был таким сильным; Он был любезен, насколько требовали обстоятельства.*

Тип 211 — пауза средняя, темп ровный, мелодика неконечной синтагмы повышающаяся. Это вторая по величине (после 111) группа. В основном это примеры с тире (эти же примеры с запятой входят в группу 111). Например: *Они считали его ребенком — он все понимал; Я не понимал этого — теперь я понял; Где он поселился — стало известно; Она обернулась — я толкнул ее; Лицо его покраснело — глаза вспыхнули; Если вы навестите меня — я буду очень рад; Насколько требовали обстоятельства — он был любезен; Хотя времени было много — она не успела собрать вещи.*

Однако при этом так был прочитан ряд примеров с другими знаками препинания: *Он подошел ко мне, но я отвернулся; Завод получил новые заказы, началась война; Я*

толкнул ее, она обернулась; Ближе к городу: меньше деревьев.

Тип 212 — незначительное число примеров: Ясно — ты ошибся; Я взял девочку к себе (чтобы сестра могла отдохнуть).

Тип 213 — более характерен для диктора Х, чем для диктора М (см. рис. 7).

Это — примеры в основном с тире и двоеточием: Он подошел ко мне: я отвернулся; Ясно: ты ошибся; В город приехал отряд: вся жизнь города изменилась; Это объяснение имело смысл — остальные не годились; Я вышел — стало душно; Дома не было никого — все ушли на площадь; Он не военный — он учитель; Он учитель — он не военный; Он вышел открыто, уйти незаметно было нельзя; Он вышел открыто — уйти незаметно было нельзя т. д.

Тип 221 — у диктора Х представлен одной фразой Он в роскоши — я здесь, у диктора М не представлен.

Тип 222. Примеры: Он покраснел: его уличили во лжи; Я вернулся: все уже пришли; Вы не хотели его обидеть — я верю.

Тип 223. Примеры: Требовали обстоятельства — он был любезен; Мы пошли домой — пошел дождь; Силы ему изменили — он отъехал.

Тип 231. Примеры: Я увидел девушку, фамилия которой была мне знакома; Почему жена смеется — он не понимал; Я постучал (прежде чем он увидел меня) и т. д.

Тип 232 представлен одной совпадающей фразой: Я вышел — стало душно.

Прекращая эту неполную иллюстрацию полученных типов, полное описание которых имело бы смысл лишь в случае публикации всех примеров с соответствующими индексами без интерпретации, либо при возможности точной интерпретации, при которой каждому типу интонации однозначно соответствовал тот или иной синтаксический или пунктуационный тип, необходимо сказать следующее:

На нашем материале выявилось четыре группы примеров, значительно превышающих остальные группы, а именно:

1. Тип 111 — в основном союзные предложения всех типов, с запятой между предложениями. Такая интонация (темп ровный, пауза минимальная, мелодика неконечной синтагмы восходящая) представляется нейтральной, немаркированной.

2. Тип 211— (пауза средняя, темп ровный, мелодика неконечной синтагмы восходящая). Представлен союзными и бессоюзными предложениями, в основном со знаком тире. Предполагаемое дополнительное значение — противопоставление, сопоставление.

3. Тип 313 (пауза большая; темп ровный, мелодика неконечной синтагмы нисходящая, уровень второй синтагмы ниже). Представлен в основном бессоюзными предложениями с двоеточием, тире, скобками. Дополнительное значение — важное пояснение.

4. Тип 333 (пауза большая, темп второй части быстрый, мелодика нисходящая, уровень второй синтагмы ниже) — представлен в основном примерами с двоеточием и скобками. Дополнительное значение — несущественного, «вводного», пояснения.

Что касается остальных типов, их состав крайне пестр и разнообразен.

3

При сопоставлении результатов чтения обоих дикторов представлялось интересным не только выяснить, чтение каких примеров совпало, но и то, в чем состояло различие. При этом были возможны следующие данные: 1) чтение полностью не совпадает (а именно — и темп, и пауза, и мелодика различаются); 2) совпадает все, кроме одной из этих величин, 3) совпадает только одна из этих величин. В связи с такими гипотетически возможными исходами представилось интересным выяснить, какие из величин, составляющих интонацию, «устойчивы», а какие — более «свободны». Приводим полученные данные ⁷⁵.

Число примеров, совпавших в чтении по всем параметрам	Число примеров с несовпадающим чтением	Число примеров, различающихся в чтении по одному параметру			Число примеров, совпавших в чтении по одному параметру		
		пауза	темп	мелодика	пауза	темп	мелодика
95	34	26	42	19	18	13	37

⁷⁵ Остальные примеры не могли сопоставляться из-за разного рода дефектов осциллографической записи.

Таким образом, можно говорить о большей «предсказуемости» для мелодики, менее точной — для паузы, и еще меньшей — для темпа.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ⁷⁶

Выведение основной просодической единицы — интонемы

Рассмотренные примеры — с анализом как отдельных параметров, так и всей совокупности признаков в целом — дают возможность перейти к некоторым выводам общего характера:

1. Разные параметры интонации по-разному передают смысловые отношения между членами сложного предложения; при этом возможны разные комбинации просодических признаков внутри одного и того же предложения, т. е. разное его прочтение.

2. Нет однозначного соответствия между совокупностями интонационных признаков и типами синтаксических единиц или типом пунктуации.

3. Нет строгих указаний на различение союзных и бессоюзных предложений как таковых на основе интонационных данных.

4. Отсутствие связи интонации и других языковых показателей, однако, не абсолютно — в ряде случаев по типу предложения можно предсказать соответствующую интонацию.

Прежде чем попытаться определить, каковы же именно эти случаи, необходимо определить единицы интонации как они представляются автору данной работы, т. е. описать лингвистический статус интонационных единиц. Слово «лингвистический» употреблено здесь, так как фразовая интонация включается в совокупность фактов языковой структуры постольку, поскольку интонационные средства передают всегда (а в ряде случаев только они и передают) тип отношений между отрезками текста, т. е. они служат средством передачи иерархических отношений лингвистических единиц, показывая отношения элементов

⁷⁶ Излагаемое в значительной мере отражено в ст.: Т. М. Николаева. О соотношении сегментных указателей текста и суперсегментных языковых средств (ВЯ, 1968, № 6).

системы. Из того, что интонационные факты признаются фактами лингвистическими, не следует, что при этом отрицается возможность интонации передавать экстралингвистические явления — интонационными средствами они передаются так же, как это имеет место и на других языковых уровнях.

Существующее разнообразие в определении сущности просодических единиц связано с самой спецификой звукового функционирования интонации. Наиболее ранняя точка зрения на этот вопрос покоится на следующем силлогизме: фонология есть наука о смыслоразличительной функции звуков, единицы интонации есть звучащие смыслоразличители, следовательно, единицы интонации есть фонемы⁷⁷. При этом принято называть их надлинейными, или суперсегментными, фонемами⁷⁸.

Если же принимать во внимание знаковый характер просодических единиц, т. е. то, что они не только различают, но и сами несут значение (что разделяется отнюдь не всеми лингвистами)⁷⁹, оказывается логичным вывести интонацию из фонологии и считать интонационные единицы морфемами, т. е. наименьшими значащими языковыми еди-

⁷⁷ Традиция эта восходит к Л. Блумфильду, назвавшему интонационные единицы вторичными (secondary) фонемами; см.: Л. Блумфильд. Язык. М., 1968, стр. 89; см. также: В. Блосх и Г. Л. Трагер. Outline of linguistic analysis. Baltimore, 1942, стр. 42—52; В. Мальберг. Structural linguistics and human communication. Berlin, 1963, стр. 110.

⁷⁸ Иной подход см. у З. Харриса, предложившего различать два способа деления звукового потока — сукцессивный, при котором выделяются сегментные и суперсегментные элементы, и симультанный, при котором звучащая речь как бы «разрезается» и все просодические явления — тон, тембр, сила, длительность приписываются тому звуку, в течение фонации которого они осуществляются (Z. H a r r i s. Simultaneous components on phonology. «Language», 1953, v. XXIX, № 4). В последнее время против идеи «суперсегментности» выступили также А. В. Исаченко и Х. И. Шадлих, указывая, что все просодические явления осуществляются на конкретном участке звуковой цепи (указ. соч., стр. 35—36). Характерны в этом отношении разногласия американской школы и лондонской школы Д. Р. Ферфа. Пункты разногласий подробно анализирует А. Хилл в специальной статье (отклике на работу Д. Р. Ферфа) «Sounds and prosodies» (см.: «Transactions of philological society», 1948, № 1). Так, например, стык (junction) школа Трейгера считает фонемой, Ферф — морфемой; что Ферф относит к просодии, американская школа относит к фонотактике и т. д.

⁷⁹ Так, например, Б. Сиртсема полагает, что интонационные единицы самостоятельного значения не имеют (указ. соч.).

ницами⁸⁰. Тогда фонемами — единицами просодии будут минимальные единицы, формирующие интонационную морфему, но сами значения не имеющие⁸¹. Однако и на этом пути — объявлении интонационных единиц морфемами есть немало терминологических трудностей. Так, сами понятия — «морф», «морфема» часто (особенно в русской традиции) связываются только с определенным языковым уровнем со своим специфическим набором содержательных категорий. Тогда очевидно, что интонационные единицы, будучи значимыми сами по себе, никак не соотносятся с языковыми категориями, закрепляемыми за морфологией. Так возникает мысль об отнесении интонационных единиц к специфически функционирующему уровню — просодематики⁸².

Говоря о просодематики, необходимо четко осознавать, что в настоящее время и ранее известны два принципиально различных подхода к интонации (см. «Введение»). При комплексном понимании интонация есть пересечение (комбинация) гетерогенных просодических явлений — движения основного тона, темпа, типа стыка и т. д. Каждый из этих параметров обладает своими специфическими единицами — носителями значения: тонемами, хронемами, акцентемами⁸³. При более узком понимании интонация —

⁸⁰ См., например: D. L. B o l i n g e r. Interrogative structures of American English. Indiana, 1957, стр. 14; K. L. P i k e. The hierarchical and social matrix of suprasegmentals. «Prace filologiczne». Warszawa, 1965; R. S. W e l l s. The pitch phonemes of English. «Language», 1945, v. XXI, № 1; P. R o b e r t s. Intonation. «Essays on language and usage». N. Y., 1963; Z. H a r r i s. Указ. соч.; Г. Г л и с о н. Введение в дескриптивную лингвистику. М., 1959, стр. 88.

⁸¹ Однако при разграничении фонем и морфем в просодии возникает ряд трудностей. Так, ударение — фонема или морфема? В слове, очевидно, фонема, т. е. компонент морфемы, но если это слово несет фразовое ударение, то морфема. К. Пайк предлагает употреблять эти термины более осторожно или не употреблять совсем (K. P i k e. The intonation of American English). Т. В. Тводл считает, что противоречивость суперсегментной терминологии обусловлена принципиальной противоречивостью самого явления (W. F. T w a d e l l. Stetson's model and the «suprasegmental» phonemes. «Language», 1953, v. 29, № 4).

⁸² A. R i g a u l t. Réflexions sur le statut phonologique de l'intonation. «Proceedings of the ninth international congress of linguists». The Hague, 1964, стр. 856.

⁸³ D. J o n e s. Chronemes and tonemes. «Acta linguistica», 1944, v. IV, fasc. 1; E. H a u g e n. Phoneme or prosodeme. «Language», 1949, V. 25, № 3.

Это только мелодика и, таким образом, существуют только тоны ⁸⁴.

В настоящей работе единица интонации — интонома понимается как связанный пучок просодических значений (как это было очевидно из представленного описания эксперимента). Такое определение интономы — обусловленного и несвободного сочетания просодических единиц не является, разумеется, новым ⁸⁵. Однако в нашей работе такой подход не был предварительным, но результатом описанной выше экспериментальной работы, данные которой показали:

1) величины, формирующие интонацию, есть носители самостоятельного значения: связанности / несвязанности (мелодика); важного / неважного (темп) и т. д. ⁸⁶ Разумеется, приводимые названия значений абсолютно условны и приводятся с чисто иллюстративной целью — автор считает, что слишком распространенное стремление называть просодические категории терминами иного уровня во многом вредило ряду исследований по интонации. Единицы этих величин образуют, таким образом, парадигматические ряды;

2) эти единицы не сочетаются в любых произвольных комбинациях, а образуют связанные пучки — интономы; без этой связанности интонома не имела бы права на существование как самостоятельная языковая единица. Таким образом, предлагаемое понимание интономы аналогично предложенному некоторыми авторами пониманию

⁸⁴ Так, оперируя только тонами, описывает интонационную систему немецкого языка О. А. Норк (О. А. Н о р к. Основные интонационные модели немецкого языка. «Иностр. язык в школе», 1964, № 3).

⁸⁵ См.: С. М. Г а й д у ч и к. Интонационные модели немецкого языка. «Питання мовознаўства і методыкі выкладання моў». Мінск, 1965; В. А. В а с и л ь е в. Синтаксическая роль интонации. «Phonetica», 1965, v. 12, № 3—4; М. R o m p r o t l. Указ. соч.; С. И. Б е р н ш т е й н. Основные понятия фонологии.— ВЯ, 1962, № 5.

⁸⁶ Неясной, как уже говорилось, осталась роль интенсивности как самостоятельного просодического параметра — носителя языкового значения. Интересно, что Д. Джоунс (указ. соч.) писал, что ударение (сила) не может быть организовано в ряды, поскольку здесь важно лишь место, но не количество. Однако введение / невведение акцента принципиально ничего не изменит в предлагаемой трактовке интонационных единиц.

морфемы ⁸⁷ или элементарной грамматической категории ⁸⁸. Признаки, составляющие интонема, таким образом, совместимы и неоднородны ⁸⁹.

Итак, интонема — это различаемая в языковом употреблении единица, передающая тип отношений между звуковыми единицами — синтагмами и представляющая собой связанный пучок значений отдельных просодических величин. Реализуется и определяется интонема лишь в контрастном сопоставлении синтагм в потоке речи.

За акцентемами, тонемами, хронемами, диэремами целесообразно сохранить общее название просодем.

Существенным в приведенном выше определении является оговорка о необходимости контрастного сопоставления синтагм при реализации интонема. А именно — при разного рода идентификациях и описаниях интонационных единиц и «интонационных фигур», как представляется, камнем преткновения было одно обстоятельство, не лежащее на поверхности, но ведущее к пестроте интонационных определений. Речь шла по существу о несопоставимых явлениях. Так, при комплексном понимании интонации оказываются несопоставимыми односинтагменные и многосинтагменные высказывания. Действительно, при описании интонационных свойств односинтагменного высказывания (или конца многосинтагменного высказывания, которое в этом смысле аналогично односинтагменному) ряд перечисленных просодических параметров практически не имеет смысла. А именно — показатели темпа становятся нерелевантными (разумеется, речь идет об изолированном высказывании), так как эти показатели относительны — медленное чтение есть медленное по отношению к быстрому, т. е. исчезает контрастное сопоставление. Понятие паузы теряет смысл, так как, произнося отдельное высказывание, мы как бы вырываем его из «вечного молчания», разумеется, неизмеряемого в относительных единицах. И только один просодический параметр — мелодика ведет себя одинаково в односинтагменных и многосинтагменных высказываниях, от-

⁸⁷ См.: Вяч. Вс. Иванов и В. Н. Топоров. Санскрит. М., 1960, стр. 80; З. М. Волоцкая, Т. Н. Молошная, Т. М. Николаева. Опыт описания русского языка в его письменной форме. М., 1965, стр. 39.

⁸⁸ И. И. Ревзин. Модели языка. М., 1962, стр. 74.

⁸⁹ Там же, стр. 75—76.

личаясь лишь интерпретацией (незавершенность приравнивается к вопросу и т. д.).

Таким образом, в единичных односитагменных высказываниях реализуются только тонемы. Недаром при узкомелодическом понимании интонации изучение любого корпуса синтаксических данных оказывалось теоретически более ясным и предоставляло возможность единообразно описать и приравнять друг другу большое число интонационных фактов.

Интонема и смысл

Задача типологического исследования — определить, универсален ли набор интонем или своеобразен для каждого языка или языковой группы. С самого начала изучения интонации большинство исследователей (особенно русской школы) старались перечислить типы интонаций, понимая под типом примерно то, что здесь понимается под интонемой и, что самое сложное, — непременно старались дать имя этим типам.

Так, В. Всеволодский-Гернгросс перечисляет 16 типов интонаций (вопросительная, восклицательная, удивления, звательная, утвердительная, убеждения или поучения, положительная, просительная, повелительная, пригласительная, увещательная, сопоставления, перерыва или связи, перечисления, повествования, индифферентная ⁹⁰). С. Волконский — 5 типов при понижающейся мелодике (желания, намерения, рассказа о прошлом, разъединения, дополнения) и 9 типов — при повышающейся (вопроса, беспокойства, ожидания, справки, речи о будущем, условный, уступительный, неоконченной мысли, переносного смысла) ⁹¹. А. М. Пешковский («Русский синтаксис в научном освещении») перечисляет 22 интонации (перечисления, условная, повеления, интонация придаточного предложения, уравнивательная, способ выражения сказуемости, повествовательная, вопросительная, восклицательная, пригласительная, возбуждения, просьбы, мольбы, позволения, увещания, предостережения, приказания, ироническая, побуждения, «особая» вопросительная, объяснитель-

⁹⁰ В. Всеволодский-Гернгросс. Указ. соч., стр. 50.

⁹¹ С. Волконский. Указ. соч.

ная, предупредительная). С. И. Карцевский — указывает 4 типа: а) равенства (идентичность или контраст), б) неравенства (градация или контраст)⁹²; Н. С. Трубецкой — 3 вида (завершающая, предупредительная, перечислительная)⁹³. А. Н. Гвоздев — 5 у незаконченных синтагм (перечислительная, подчинительная, изъяснения, противопоставления, вводности) и 4 у законченных (утвердительная, вопросительная, повелительная, восклицательная)⁹⁴. Л. Ревтова — 6 типов интонаций повествовательного предложения (собственно повествовательная, повествовательная в перечислении, повествовательная в наименовании, в сообщении, интонация ответа, интонация объявления)⁹⁵ и т. д. Из этого перечня вполне очевидно, как разнообразны были подходы к выявлению интонационных типов и насколько разными были те логические основания, по которым выделялись эти типы. Так, например, предупредительная интонация действует в пределах одной (незаконченной) синтагмы, а противопоставительная возможна, если (и только если) произносятся две синтагмы и т. д. При этом перечислены были лишь типы интонации в одной функции, лингвистической, т. е. не упоминаются те работы, где анализируются все функции речевой интонации (психологическая оценка сообщаемого, эмфаза, коммуникативная нагрузка и т. д.)⁹⁶.

Если продолжать аналогию с морфологическим уровнем, то уместно вспомнить, что морфемы обычно не имеют названий, хотя их множество в каждом языке разрешимо. В самом деле, если сказать, что русская именная флексия *-ами* есть алломорф морфемы творительного падежа единственного числа, это значит не назвать морфему, а лишь описать ее.

⁹² С. Карцевский. Указ. соч.

⁹³ Н. С. Трубецкой. Указ. соч.

⁹⁴ А. Н. Гвоздев. Указ. соч.

⁹⁵ Л. Д. Ревтова. Интонация видов повествования в современном русском и английском языках. «Phonetica», 1965, v. 12, № 3—4.

⁹⁶ См., например: Т. А. Канышева. К вопросу об интонации и грамматике. «Законы семантического развития в языке». М., 1961; В. А. Артемов. Об интоне. «Phonetica», 1965, v. 12, № 3—4; О. А. Норк. К вопросу о синтаксической функции интонации. «Phonetica», 1965, v. 12, № 3—4.

Три типа сегментных указателей. Их иерархия

При речевой длительности произносимые фразы неизбежно сопровождаются той или иной интонацией. Существенно определить сначала те общие факторы, согласно которым происходит выбор и реализация интонации. По данным примеров, анализировавшихся выше, можно говорить о следующих трех факторах (указаниях): 1) указания лексического характера, 2) указания в виде союзов, 3) указания пунктуационные⁹⁷. При этом комбинируемые факторы-указания могут «действовать» в одном направлении, в разных или быть нейтральными.

Поясним сказанное. Фраза *Уйти незаметно было нельзя, он вышел открыто* реализуется с одной и той же интонацией с запятой, тире, двоеточием и скобками. В этой фразе лексические указания достаточно выражены⁹⁸. То же относится к фразе *Мне говорили, отец ее уже умер*, произносимой одинаково при всех знаках препинания, а также с союзом и без союза.

Во фразе *Лягушки прыгают под ногами / по земле ползет уж* — лексический состав предложения не сообщает о типах отношения между синтагмами, союз отсутствует, знаки препинания остаются единственным показанием этих отношений; в соответствии с этим выбираемые интонации различны.

Внутри показателей, характеризующих перечисленные три фактора, выделяется дополнительное членение — на маркированные и немаркированные показатели (более подробно об этом будет сказано ниже, укажем лишь для

⁹⁷ При подготовке к печати настоящей книги автор с удовлетворением обнаружил элементы сходного подхода у М. Бирвиша (см. M. Bierwisch. Regeln für die Intonation deutscher Sätze. «Studia grammatica», Hf. VII. Berlin, 1966). М. Бирвиш сопоставляет синтаксическую структуру предложения (как глубинную, так и поверхностную) с соответствующей интонацией, а также членением фразы (phrasierung); при этом он приходит к общей идее о существовании в тексте синтаксических интонационных показателей (SIM — Syntaktische Intonation Marker), определяющих интонацию «на выходе».

⁹⁸ О роли лексического фактора при выборе писал С. Карцевский: «Nous appelons lexicologique le plan où regne la phrase» (указ. соч.); см. также: L. S. H u l t z e n. Information points in intonation. «Phonetica», 1959, v. 4, № 2—3; О н ж е. Grammatical intonation.

пояснения, что мы считаем запятую немаркированным знаком, а двоеточие — маркированным; союзы дополнительные и определительные — немаркированными, а соединительные — маркированными и т. д.).

Таким образом, в предложении могут быть ряды указателей:

	С	Л	ЗП		С	Л	ЗП
1	+	+	+	7	—	—	—
2	+	+	—	8	0	—	—
3	—	+	+	9	0	—	+
4	+	—	—	10	0	+	—
5	—	+	—	11	0	+	+
6	—	—	+				

(Л — лексика, С — союз, ЗП — знак препинания, + маркирован, — немаркирован; 0 в графе С — означает, что союза нет, так как бессоюзные предложения не есть предложения с немаркированным союзом).

Однако сами факторы-указания, насколько можно судить по нашим данным, не равны между собой. Так, самыми сильными являются указания союза, затем — лексический, затем — пунктуационный фактор (союзный фактор важнее; так, почти всегда совпадали интонаемы союзных предложений с любыми знаками препинания).

Если в предложении более одного маркированного показателя (случаи 1—3 включительно), они могут находиться в следующих соотношениях:

1. Указатели действуют в «разных направлениях», тогда один фактор побеждает (по принципу $C > Л > ЗП$). Так, в предложении *Он с ужасом увидел, они заехали в лес* $Л > ЗП$ (произносится диктором X с интонаемой 323 — пауза большая, темп второй части более медленный, мелодика понижающаяся). Однако при введении союза (или, иначе, восстановлении его) оказывается, что чтение примера меняется. Так, пример *Он с ужасом увидел, что они заехали в лес* читается с исходной интонаемой, т. е. $C > Л$.

2. Указатели действуют в «одном направлении», тогда выбирается интонаема, указанная этим «направлением», но не ее, если можно сказать «удвоенная порция», точно

так же, как в сегментном отрезке *маленькие девочки...* смеются слову *девочки* будет приписана одна флексия *-и*, так же, как в отрезках *маленькие девочки...* и *девочки...* смеются, т. е. независимо от того, что она одновременно диктуется как адъективной, так и глагольной флексией.

Этим объясняется тождественное чтение фраз типа *Он в роскоши — я здесь* и фраз *Стоило ему войти, все притихли*, где в первой фразе маркирован ЗП, во второй фразе — Л. Приведенным выше выводам о типах указателей, диктующих выбор интонации в предложении, и об их соотношении по маркированности предшествовали наблюдения над эмпирическими данными, в основном предложенными выше (см. стр. 106). Так, выявилась наиболее распространенная интонация 111 (пауза минимальная, темп ровный, мелодика неконечной синтагмы повышающаяся), реализующаяся в большинстве сложных союзных предложений с запятой при отсутствии маркированных лексических показателей.

Эту интонацию будем называть и с х о д н о й интонацией сложного предложения (или более точно — исходной интонацией двусинтагменной фразы). Маркированными считаются такие указатели (лексика, союзы, знаки препинания), которые требуют выбора неисходной (т. е. иной) интонации.

Необходимо сказать еще об одном обстоятельстве, существенном при проблеме выбора интонации. Так как интонация — комплексная просодическая единица, формируемая показателями величин, каждая из которых образует свои парадигматические ряды знаков (аналогичным в морфологии рядом граммем падежа, числа, рода и т. д.), интересно было бы посмотреть, на какие параметры по отдельности влияют типы указателей (т. е. что они маркируют), для чего необходимо обратиться к более конкретному материалу.

Типы сегментных указателей и отдельные компоненты интонации

К сожалению, исследованный материал не дал возможности сделать какие-либо точные выводы о лексическом указателе. Представляется, что подготовить примеры для анализа такого рода очень сложно — для этого нужно большое предварительное исследова-

ние о типах отношений между частями сложного предложения, диктуемых лексическим составом этих частей⁹⁹.

Выбор интонымы для предложений с союзом исследовался в тех случаях, где представлен тождественный знак (в нашем случае запятая). Результаты были следующими:

1. Подавляющее большинство союзных предложений выбирает исходную интоному сложного предложения (фигура , темп ровный).

2. В ряде случаев выбиралась интонома 121 или 131 (т. е. одна часть произносится медленнее другой). Более быстро произносится союзная часть, носящая в произношении дикторов как бы пояснительно-сопровождающий характер: *Ясно, что ты ошибся; Он посмотрел туда, куда полетела птица; Он уважал его, и это все-таки был его командир; Он был любезен, насколько требовали обстоятельства; Как мне говорили, отец ее уже умер.*

3. При союзах присоединительных и присоединительно-пояснительных происходит выбор интонымы с понижающейся мелодикой и паузой (интонымы типа 2...3, т. е. 213, 223, 233), например: *В город приехал отряд, отчего вся жизнь города изменилась; Мне стало очень грустно, чего он и добивался; Человек со стороны был бы поражен, если мог быть такой человек; Не знаю, приехали ты; Ей стало грустно, так как разговор не получился.*

Итак, наши данные не подтверждают тезиса о том, что каждому типу предложения должен соответствовать свой тип интонации. Различия в типах интонации могут определяться в таких исследованиях и лексическим составом фраз (Л). Неразличение лексики и интонации ведет к проецированию лексических значений на интонационные. Так, Б. Сиртсема¹⁰⁰ говорит об интонационном тождестве сочетаний *yóú swíne!* и *yóú dár!ing!*

К чему могут привести попытки такого навязывания синтаксических и ситуативных конструкций просодиче-

⁹⁹ Некоторый анализ таких особенностей сделан в академической грамматике русского языка (ч. II, Синтаксис, стр. 353—359). Однако там говорится лишь о фразеологизированных сочетаниях типа *He успел..., как...; Только и..., что; Не прошло и..., как и т. п.*

¹⁰⁰ B. Siertsema. Указ. соч.

ским данным, показывают А. В. Исаченко и Х. И. Шэд-
лих¹⁰¹, цитируя Г. Хоккета, который, приводя вопрос
«Where you going?» и ответ *Home* ³⁻¹ ↓ (цифры показывают
мелодические уровни. — Т. Н.) считает, что *home* имеет зна-
чение «констатации факта, который и не был бы сообщен,
если бы о нем не спросили», а *Home* ³⁻² ↓ — значение «Мне не
особенно хочется домой, ну, а что ж еще делать?».

Проникновенная филиппика против такого подхода
звучит также и в книге К. Пайка¹⁰².

Экспериментальная работа М. А. Виллер, сведшей
к четырем типам интонации соотношения основных член-
нов в нераспространенном предложении 8 типов, выдвиг-
нутых Л. В. Щербой, показывает, сколь велико может
быть различие между подходом «изнутри» и «извне» к
одному и тому же явлению¹⁰³.

Изучение распределения просодиче-
ских данных, т. е. выбора интоном, остав-
ленного в соответствие четырем (как максимум) вариан-
там одного и того же примера, различающимся только
по знаку препинания (запятая, тире, двоеточие или скоб-
ки), проделанное по всем параметрам и всем примерам
(см. гл. 1), позволило сделать следующие общие вы-
воды о влиянии знаков препинания на просодические
показатели:

1) знаки препинания по-разному функционируют в
союзном и бессоюзном предложении, что соответствует
приводимому ряду $C > Л > ЗП$, т. е. $C... > ЗП$;

2) в союзном предложении маркированным является
тире — всегда диктуя выбор интономы, начинающейся
с 2... (211, 221, 231; 212, 213, 223, 233, 222, 232), величина
паузы — средняя (ср.: *Если вы навестите меня, я
буду рад* и *Если вы навестите меня — я буду рад* и т. п.).
Двоеточие и скобки для союзного предложения в целом
можно считать немаркированными. Так, фразы типа *Мы*

¹⁰¹ А. В. Исаченко, Н.-J. Schädlich. Указ. соч.,
стр. 39—40.

¹⁰² К. Л. Пайке. The intonation of American English, стр. 23—
25.

¹⁰³ М. А. Виллер. Об интонации простого повествователь-
ного предложения в современном русском языке. «Уч. зап. ЛГУ»,
1960, № 237, вып. 40.

пошли домой (потому что пошел дождь) обычно читают с исходной интоновой;

3) в бессоюзном предложении маркированы тире, двоеточие и скобки. Необходимо напомнить, что эта закономерность выводится лишь для фраз с немаркированным лексическим составом, ибо $Л > ЗП$; в соответствии с этим фразы *Я верю, вы не хотели его обидеть*; *Я верю — вы не хотели его обидеть*; *Я верю: вы не хотели его обидеть* по нашим данным читаются одинаково;

4) все знаки препинания в предложениях бессоюзных с немаркированным лексическим составом оказывают выбор на тип паузы, а именно, запятая определяет выбор типа интоном, начинающихся на 1, тире — на 2, двоеточие — интономы на 3..., скобки — интономы на 3...

Кроме того, двоеточие определяет не только паузу, но и тип мелодики. Для двоеточия, таким образом, выбор интоном суживается: 3...2, 3...3 (т. е. неясным остается только темп).

Что касается темпа, то он определяется только скобками (более быстрый темп в скобках)¹⁰⁴, т. е. скобки являются единственным знаком препинания, определяющим всю интоному — 333 (т. е. пауза большая, темп скобочной части более быстрый, мелодика неконечной синтагмы понижающаяся, мелодический уровень скобочной части более низкий).

Итак, в бессоюзном предложении (при прочих равных условиях) скобки определяют паузу, мелодику и темп; двоеточие — паузу и мелодику; тире — паузу, запятая — паузу (напоминаем, что отсутствие паузы в данной работе считалось нулевой паузой).

В союзных предложениях тире и запятая также определяют паузу; чтение двоеточия и скобок либо приравнивается к чтению запятой, либо к типу чтения этих знаков в бессоюзном предложении.

Таким образом, полученные данные (кроме чтения скобок) не подтверждают тезиса о непременном соответствии пунктуационного знака и интонационной фигуры, как, например, считал А. Пешковский, хотя, утверждая это, он сам говорил о множественном чтении каждого

¹⁰⁴ Кроме редких случаев подчеркнутого интонирования скобок, о котором говорилось в соответствующем разделе.

знака ¹⁰⁶. Так, запятая может соответствовать и повышающейся и понижающейся мелодике неконечной синтагмы ¹⁰⁶, для двоеточия характерна понижающаяся мелодика неконечной синтагмы ¹⁰⁷. Совпадает с полученными данными лишь тезис А. М. Пешковского, что тире (черта) =, запятая + пауза (необходимо добавить — при прочих равных условиях), так как все остальные параметры для запятой и тире равным образом необусловлены.

Компенсационный принцип А. М. Пешковского

Сопоставление союзных и бессоюзных предложений в соотношении с компенсационным принципом Пешковского по отдельным параметрам показывает, что этот принцип по нашим данным оказывается полностью справедливым лишь в случае паузы — в большинстве случаев пауза в бессоюзном предложении больше (включая в это понятие и нулевое выражение), чем в союзном варианте того же предложения. Хотя в первоначальном чтении принцип, предложенный Пешковским, кажется очень простым, однако при эксперименте видна принципиальная сложность этого подхода при распространении его на все виды союзных предложений.

Так, неслучайно Пешковский, говоря о принципе замены как общем принципе, обычно приводил примеры с ярко выраженным значением связи, остающимся и после ликвидации союза. Очевидно, что на соблюдение или несоблюдение принципа замены оказывает влияние не только служебное слово (С) — основное синтаксическое средство по Пешковскому, но и лексический состав всего предложения (Л). Так, если сравнить, с одной стороны,

¹⁰⁵ А. М. Пешковский. Роль выразительного чтения в обучении знакам препинания. — Избр. труды. М., 1959.

¹⁰⁶ У Г. П. Фирсова запятая характеризуется только повышающейся мелодикой неконечной синтагмы (см.: Г. П. Фирсов. Об изучении синтаксиса и пунктуации в школе. М., 1961), хотя понижающая мелодика весьма распространена. Так, Е. А. Брызгунова отмечает как последовательность действий *Закончите работу, поедете в Крым* (указ. соч.).

¹⁰⁷ А. М. Пешковский говорит о повышающейся и понижающейся мелодике при двоеточии, о первой — как редкой. Н. Сентюрина отмечает только повышение при двоеточии (А. М. Пешковский. Роль выразительного чтения); Н. Сентюрина. О знаках препинания. «Голос и речь», 1914, № 1.

предложения *Как мне говорили, отец ее уже умер* и *Если требовали обстоятельства — он был любезен* и, с другой стороны, предложения *Мы пошли домой, потому что пошел дождь* и *Он так покраснел, словно его уличили во лжи*, то очевидно, что опущение союза во второй группе коренным образом меняет смысл предложения, тогда как в первой группе этого не происходит. Из этого следует, что возможно по-новому поставить вопрос о проверке закона Пешковского, пойдя далее, т. е. выявив сначала эти укрупненные смыслы, остающиеся инвариантными при опущении союза или другого формального показателя, и затем проверить интонацию полученных пар. Настоящая работа есть в этом смысле исследование принципа замены в первом приближении, т. е. воспринятого буквально, так как это непосредственно формулируется в работах А. М. Пешковского.

Однако и читая непосредственный текст А. М. Пешковского, можно прийти к выводу, что в некоторых случаях он сам бессознательно имел в виду разные вещи говоря то об усилении, то о большей яркости интонационных средств. А именно, в настоящей работе усиление понималось буквально, т. е. как изменение некоторых свойств в том же направлении, считая, что все просодемы должны оказаться как бы подчеркнутыми.

Итак, выбор интонымы может диктоваться разными причинами: 1) типом союза, 2) лексическим составом, 3) знаком препинания, 4) бессоюзностью как таковой. Таким образом, одна и та же интоныма (211 — пауза средняя, темп ровный, мелодика неконечной синтагмы повышающаяся), выбранная во фразах — *Стоило ему войти, все притихли*, *Если вы навестите меня — я буду рад* и *Жена готовила, он работал в саду* (диктор X) диктуется в первой фразе — лексическим составом, во второй — тире, в третьей — отсутствием союза. Сложностью комбинаций всех перечисленных факторов объясняется пестрота состава групп примеров, описанных выше (см. стр. 106—111).

Задачи второй главы

Проделанная экспериментальная работа послужила основанием для изложенных выше выводов, нуждающихся в подтверждении на ином языковом материале,

а также на материале других языков с целью выявления универсального, национального и индивидуального в интонационном воплощении фразы.

При этом наибольший интерес представляют следующие данные:

С и с т е м н ы е показатели, а именно — проверка соотношения и иерархии трех указанных факторов (С, Л, ЗП), определяющих выбор интонаемы сложного предложения. При этом важно, какие фразы будут прочтены с одной интонацией, какие по-разному, причем существенным является и определение степени совпадения не только интоном, но и отдельных параметров, составляющих интонацию.

К о н к р е т н ы е показатели интоном, их типологическое сопоставление, по которому желательно описать национальную специфику субстанции плана выражения при реализации интоном. При этом важны как качественные, так и количественные характеристики отдельных параметров, в частности:

- 1) способ выражения синтагматического ударения;
- 2) отношение мелодического движения ударного гласного синтагмы и предударной, и заударной части;
- 3) сила модуляции внутри ударного гласного;
- 4) соотношение мелодического движения и движения интенсивности в одной синтагме;
- 5) соотносительная величина паузы;
- 6) соотносительные показатели различия в темпе.

С этой целью были специально подобраны примеры, которые были прочтены на русском, украинском, чешском и польском языках.

Описание работы по проверке предложенных выше выводов и сравнительно-типологическому описанию интонации сложного предложения в перечисленных языках составляет вторую часть настоящей книги.

ДАНИЕ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

ВВЕДЕНИЕ

1

При сопоставлении данных славянских языков основное внимание уделялось комплексу проблем, объединенных общим понятием «интонации предложения» (Satzphonetik или Satzintonation). Вопрос этот сам по себе сложен и многопланов, как мы старались показать в предыдущей главе. Поэтому по сознательному желанию не углубляться в смежные проблемы, не менее сложные по существу, были оставлены в стороне такие связанные с данным вопросом вещи, как интонация слова, тип ударения в слове в данном языке, специфика эволюции интонационной системы в данном языке и др. Необходимые сведения для исходного сопоставления заимствовались у исследователей, специально занимавшихся этими вопросами.

Специально интонации славянских языков посвящено в общей сумме большое число работ. Однако пропорциональное распределение их крайне неравномерно. Подавляющее большинство из них сделано на чешском материале как чешскими, так и не чешскими языковедами¹. В этом смысле чешский язык, по выражению К. Эбелинга, оказался наиболее привлекательным (the most favourable²) для интонационных экспериментов как в силу своей мелодической структуры, так и из-за чисто синтаксической специфики, а также и по многолетней лингви-

¹ Основное число работ по чешской интонации написано за тридцатилетие между 20-ми годами (работы Й. Хлумского) и 50-ми (книги Ф. Данеша и М. Ромпортла). См. чешские работы в библиографии.

² C. E b e l i n g. [Рец.]. Romportl. K tonovému průběhu v mluvené češtině. Prague, 1951. «Lingua», 1954, v. IV, fasc. 2.

стической традиции. Наименее всего изучена интонация болгарского, украинского и в особенности белорусского языков³. Значительное увеличение интереса к интонации польского языка характерно лишь для последних десятилетий⁴.

Однако обобщающей схемы, позволившей бы сопоставить интонацию славянских языков как генетически единой группы, не появилось со времени знаменитой книги О. Брока⁵, где, к сожалению, слишком мало говорится о русской интонации⁶.

Программный характер носит в этом смысле статья Н. В. Водарца⁷. Из сопоставлений для пары языков наиболее значительны сопоставительные работы русской и чешской интонации, проведенные М. Ромпортлом⁸.

В целом же сопоставление интонации предложений славянских языков представлено гораздо скромнее, чем, скажем, сопоставление языков других генетических общностей, в особенности неиндоевропейских, часто сравниваемых с английским⁹.

В современном языкознании так называемые типологические исследования становятся по существу централь-

³ См. также: I. Mahnken. Studien zur Serbokroatischen Satzmelodie. Göttingen, 1964; R. Ivić. Die Hierarchie der prosodischen Phänomene im serbokroatischen Sprachraum. «Phonetica», 1959, v. 3, № 1.

⁴ См.: Н.-В. Wodarz. Zur Satzintonation des Polnischen. «Phonetica», 1962, v. 8, № 1—3; Он же. Ist der polnische Akzent «melodisch»? «Phonetica», 1961, v. 6; W. Jasssem. The phonology of Polish stress. «Word», 1959, v. 15, № 2; Он же. Akcent języka polskiego. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1962.

⁵ О. Брок. Очерк физиологии славянской речи. СПб., 1910.

⁶ Общую постановку вопроса о сопоставлении интонации славянских языков см.: А. И. Багмут. К характеристике повествовательного предложения в современных славянских языках. Тезисы VI Международного конгресса фонетических знаний. Прага, 1967.

⁷ Н.-В. Wodarz. Über vergleichende satzmelodische Untersuchungen. «Phonetica», 1960, v. 5, № 2; см. также: М. Ромпортл. Zum vergleichenden Studium der Satzphonetik.— ZPuAS, 1957, v. 10 H.4.

⁸ М. Ромпортл. Stručná fonetika češtiny. Praha, 1962; Он же. Melodie ruské a české věty. «Sovětská Jazykověda», 1954, v. 4, № 3.

⁹ Д. Л. Болингер. Intonation as a universal. «Proceedings of IX International congress of linguists (Cambr. Mass. Aug. 27—31, 1962). The Hague, 1964.

ными, поскольку понимаемое широко сравнительно-историческое языкознание также входит в комплекс типологических идей¹⁰ и даже описания, как будто не выходящие за пределы фактов одного языка, часто строятся имплицитно, как часть общетипологического исследования.

Став одним из самых существенных понятий языкознания, понятие «типология», как всякое центральное понятие любой науки, утратило свою первоначальную терминологическую ясность и стало расплывчатым, как и связанное с ним понятие универсалия¹¹.

Настоящее исследование, основанное на сопоставлении данных разных языков (в данном случае — славянских), является также типологическим. Однако автор затрудняется в своем праве добавить к этому слово «структурный», поскольку исследование не претендует на сопоставление систем просодии анализированных языков¹². Более того, данное сопоставление относится не только к интонации, но и к синтаксису, а более точно — к содержательной стороне синтаксиса: области, не имеющей пока традиции. Не случайно сопоставительные работы по интонации представлены в настоящее время в двух планах. Во-первых, сопоставляются крайне широкие явления (три так называемых основных коммуникативных типа — повествовательное, вопросительное и незаконченное высказывание¹³), в результате чего обычно получаются сходные данные — повышение тона в вопросительном, понижение — в повествовательном предло-

¹⁰ См.: Вяч. Вс. И в а н о в, Ю. К. Л е к о м ц е в. Проблема структурной типологии. «Лингвистическая типология и восточные языки». М., 1965, стр. 27—29.

¹¹ Так, понятие «универсалия» в недавно прошедшей специальной конференции практически понималось очень широко — от общих языковых фактов, обусловленных единством действительности, до отдельных общностей структуры генетически связанных языков.

¹² Именно таким может считаться типологический подход, предложенный И. Г. Торсуевой, см.: И. Г. Т о р с у е в а. Определение языковых функций компонентов интонации. «Уч. зап. МГПИИЯ», 1967, т. XXXVII.—И. Г. Торсуева предлагает осуществлять типологическое исследование интонационных структур: а) установлением перечня максимумов по компонентам, б) определением количества групп максимумов во фразе, в) определением частоты групп по языкам, г) характером употребления групп в пределах фразы, д) комбинаторикой групп, е) соотношением с восприятием функций.

¹³ См. об этом: J. A b e. Intonation patterns of English and

жениях; это послужило основанием для объявления интонационных типов такого рода универсально-физиологическими¹⁴ (а именно — при законченном высказывании голосовые связки расслабляются, голос понижается, при незаконченном — голосовые связки к концу напряжены, голос повышен).

Во-вторых, сопоставляются явления узкой сферы (например, интонация дополнительного предложения в немецком и русском языках, интонация переспроса в английском и русском языках и т. д.). В обоих случаях нельзя говорить о существовании некоторой внесистемной совокупности универсальных признаков, пригодных для сопоставительного изучения интонаций как систем. При наличии таких признаков, предложенных в настоящее время для других языковых уровней, обычно или предполагается, что в данном языке должны быть представлены все перечисленные отношения и цель исследования — определить, как выражаются эти отношения в отдельных языках¹⁵, или выяснить, какие из предложенных отношений оппозиций в данном языке реализованы, а какие нет (фонологические дифференциальные признаки Р. Якобсона).

В нашем случае сопоставительные задачи несколько иные, а именно — в каждом случае сопоставляются три разнородных совокупности фактов: 1) перечень интоном (в понимании этого термина, предложенном выше, см. стр. 116), 2) перечень типов сложных предложений, воплощенный в виде конкретных примеров, 3) система интонационных средств данного языка. Две из перечисленных совокупностей постоянны (предполагается, что при переводе синтаксическая структура и самое главное — смысловое соотношение частей предложения сохраняется, хотя, возможно, это и не всегда так); третья — переменная, менялась от языка к языку. Цель сопоставительного изучения, таким образом, двойная, а именно:

1. Проверить, имеет ли место универсальное соответствие выбранных типов и соответствующих интоном

Japanese. «Word», 1955, v. XI, № 3; H.-W. W o d a r z. Satzphonetik des Westlachsichen. Köln, 1963.

¹⁴ См.: D. L. B o l i n g e r. Указ. соч.

¹⁵ Такой подход предлагает Ромпортл в статье, посвященной сопоставительному анализу вопросительной интонации (M. R o m p o r t l. Zur Problem der Fragemelodie. «Lingua», 1955, v. V, № 1).

(при каких типах отношений между синтагмами всегда выбираются одни и те же интонаемы; какие типы отношений между синтагмами дают наибольшее разнообразие в выборе интоном).

2. Определить и описать те специфические просодические способы выражения одних и тех же структурных единиц, которые характерны именно для данного языка, т. е. описать алломорфизм языков¹⁶.

Таким образом, если первую задачу можно сопоставить с проблемами «внутренней» морфологии, то вторая задача аналогична задачам «внешней» морфологии.

Более конкретные проблемы, перечислявшиеся в общем введении (проверка закона Пешковского, соотношение интонации и пунктуации, а также интонации и конкретных синтаксических типов) входят в сферу первой задачи.

Итак, данное сопоставление имеет целью не только описание плана выражения исследуемых языков, но и проверку на данном материале некоторой гипотезы о структуре плана содержания¹⁷.

2

Для сопоставления были выбраны четыре языка — чешский, польский, украинский и русский. Русский язык является родным языком исследователя, послужившим отправной точкой для формулирования гипотез о соотношении сегментных и суперсегментных элементов языка. Украинский язык представлялся крайне интересным для сопоставления как язык генетически ближайший к русскому, но с несомненно специфичной интонационной системой, которая часто является единственным средством мгновенного и безошибочного определения украинца, говорящего на русском литературном языке.

Польский язык был выбран как язык с фиксированным ударением; чешский — так же, как язык с фиксиро-

¹⁶ Об алломорфизме в комплексе проблем структурной типологии см.: Б. А. Успенский. Структурная типология языков. М., 1965, стр. 17.

¹⁷ Таковы идеи, вытекающие из работ Р. Якобсона по славянскому склонению (Р. Якобсон. Из наблюдений над славянским склонением. «American Contributions to the IV Congress of slavists». The Hague, 1958). На гипотезе такого рода, хотя и на другом в сравнении с нашим материалом, строится книга Т. В. Цивьян «Имя существительное в балканских языках» (М., 1965).

ванным ударением и со словоразличительной функцией долготы/краткости гласных (для определения интонационных алломорфов это обстоятельство крайне существенно, поскольку длительность для ряда языков считается основным фактором словесного ударения).

Перечисленные языки казались автору наиболее яркими просодически. Несомненно, чрезвычайно важными были бы факты сербского языка. Об общности системы фразовых ударений для тоновых и нетоновых языков писал еще Р. Якобсон¹⁸, однако сербский язык казался слишком сложным для первого этапа сопоставления, и его данные должны представить специальные результаты.

По замечанию К. Эбелинга, интонационные наблюдения доступны во всей полноте лишь для носителя данного языка¹⁹. Это весьма чувствовалось в настоящей работе, поскольку автор мог заниматься разного типа слуховыми и имитационными экспериментами, воспроизводя или корректируя диктора или предлагая разного типа звучащие конструкции лишь на русском языке; для других языков опорой служили экспериментальные данные, полученные от дикторов — коренных носителей данного языка, прослушивание и обсуждение фактов проходило с помощью информантов — носителей языка.

Существенным было также, что для каждого из изучавшихся языков был выбран один (или два) фундаментальных исследования, казавшихся автору авторитетными; полученные данные сопоставлялись с данными этих авторов (разумеется, наблюдения этих авторов не были единственными результатами для сопоставления). Такими трудами считались: по украинскому языку — книги Я. Зилинского и П. Кострубы²⁰, по польскому языку — книги В. Яссема и М. Длуски²¹, по чешскому языку — книга Фр. Данеша и работы М. Ромпортла²².

¹⁸ См.: R. J a k o b s o n. Die Betonung und ihre Rolle in der Wort- und Syntagma-Phonologie.—TCLP, 1931, IV.

¹⁹ C. E b e l i n g. Указ. соч.

²⁰ J. Z i l y ŋ s k i. Opis fonetyczny języka ukraińskiego. Kraków, 1932; П. К о с т р у б а. Фонетика сучасної української літературної мови, ч. I. Львов, 1963.

²¹ W. J a s s e m. Aczent języka polskiego; M. D ł u s k a. Pró-zodia języka polskiego. Kraków, 1947.

²² Fr. D a n e š. Intonace a věta ve spisovné češtině; M. R o m p o r t l. K tonovému průběhu v mluvené češtině. Praha, 1951.

Поскольку анализ предложений, прочитанных чешскими, польскими и украинскими дикторами, предполагался в качестве ответа на гипотетические выводы первой части, необходимо было соответственным образом подобрать примеры для прочтения. Будучи по существу экспериментальными, эти примеры не должны были быть многочисленными. В основе выбора примеров лежала гипотеза о соотношении (иерархии) сегментных средств, введенная для русского языка, а именно: 1) $C > Л > ЗП$; 2) внутри для каждого из этих трех возможных рядов указателей С, Л, ЗП существуют маркированные и немаркированные члены. Таким образом, задача состояла в том, чтобы предложить примеры с разным соотношением маркированных и немаркированных С, Л и ЗП. Поскольку, как представлялось по результатам первой части, иерархии указателей должны быть соблюдены, то примеры должны представлять собой сложные предложения с маркированными и немаркированными союзами. Далее, чтобы могли сыграть свою роль остальные два фактора, предлагались предложения с союзами и без союзов. Для этого избранные предложения должны быть как с маркированным лексическим составом, так и с немаркированным. В последнем случае решающим фактором при выборе соответствующей интонации должны стать знаки препинания.

Как уже говорилось выше, сформулировать понятие «маркированного лексического состава» оказалось крайне трудно, хотя интуитивно это различие ощущается вполне отчетливо. В настоящей работе считалось, что лексический состав предложения маркирован, если при опущении союза все равно остается осознанным тип связи между предложениями. Например, *Раз начали говорить, обсудим этот вопрос до конца* → *Начали говорить — обсудим этот вопрос до конца*, но не *Едва стемнело, грянула гроза*. В последнем случае при опущении союза могут быть «примыслены» самые разные соотношения между этими событиями. Таким образом, предложенные примеры состояли из двух комплексов. В первом комплексе было представлено 12 союзных предложений,

Эти 12 предложений были подобраны с таким расчетом, чтобы были охвачены самые основные типы сложных предложений, а именно: сложносочиненные противопоставления, сложносочиненные последовательности действий, сложные предложения с присоединением (по нашей гипотезе — маркированный союз), а также сложноподчиненные предложения с придаточными условия, причины, уступительными, цели, места и дополнительными. Перечислим эти исходные примеры (в скобках указан случай маркированного союза — СМ и маркированного лексического состав — ЛМ), а также переводы этих предложений, сделанные соответственно чехами, поляками и украинцами.

1. *Я читаю, а он пишет.*
Já čtu, a on piše.
Ja czytam, a on pisze.
Я читаю, а він пише.
2. *Прошло немного времени, и сон овладел им.*
Úteklo několik okamžiků, a tvrdě usnul.
Przeszło trochę czasu, i ogarnął go sen.
Минуло трохи часу, і сон заволодів ним.
3. *Она промолчала, и в этом был упрек (СМ).*
Mlčela, i v tom byla výčitka.
Nie odpowiedziała nic, i w tym była nagana.
Вона промовчала, і в цьому був докір.
4. *Едва стемнело, грянула гроза.*
Sotva se setmělo, hrozila bouřka.
Ledwie się ściemniło, rozszalała się burza.
Ледве стемніло, вдарила гроза.
5. *Мы пошли домой, потому что пошел дождь.*
Šli jsme domů, protože začalo pršet.
Poszliśmy do domu, ponieważ zaczął padać deszcz.
Ми пішли додому, бо пішов дощ.
6. *Хотя уже стемнело, я все равно еду (ЛМ).*
Ačkoliv je tma, přesto pojedu.
Chociaż już ciemno, ja i tak pojedę.
Хоч уже темно, я однаково поїду.

7. *Все будет хорошо, если он придет.*
Všechno bude v pořádku, jestliže přijde.
Wszystko będzie dobrze, jeśli on przyjdzie.
Усе буде добре, якщо він прийде.
8. *Ему показалось, словно собака воем (ЛМ).*
Zdálo se mu, že pes vuje.
Wydało mu się, że pies wuje.
Йому здалось, ніби собака вие.
9. *Для того, чтобы дочь училась, мы поселились в городе.*
Proto aby dcera mohla studovat, přestěhovali jsme se do města.
Zeby córka uczyła się, zamieszkaliśmy w mieście.
Для того щоб дочка навчалась, ми оселилися в місті.
10. *Раз мы начали говорить, обсудим этот вопрос до конца (ЛМ).*
Když už jsme začali mluvit, projednáme tuto otázku až do konce.
Skoro już zaczęliśmy mówić, omówimy tą sprawę do końca.
Раз ми почали розмову, обговоримо це питання до кінця.
11. *Куда они направились, непонятно.*
Kam odešli, nikdo neví.
Dokąd poszli, niewiadomo.
Куди вони попрямували, незрозуміло.
12. *Стоило ему войти, все притихли²³.*
Jakmile vešel, všichni zmlkli.
Wystarczyło, żeby wszedł, wszyscy ucichli.
Варто було йому зайти, усі притихли.

Данные «исходные» (примеры были подвергнуты трансформациям опущения союза и замены знаков препинания (где это было возможно). Таким образом, из перечисленных 12 исходных примеров было получено 55 «рабочих» примеров.

Второй комплекс примеров представлял собой пять «рабочих» примеров, составленных для решения допол-

²³ Данный пример оказался выбранным неудачно и оправданным по существу лишь для русского языка (грамматикализованно-промежуточное положение лексической группы со *стоило...* при переводе на чешский и польский языки утратило свою специфику).

нительным путем проблемы о «наличии у каждого синтаксического типа своей интонационной структуры». Для этого были взяты примеры с неизменяемой главной частью, но с переменным придаточным (в одном случае — с присоединительным маркированным союзом *что*):

1. *Он уехал, чтобы получить работу.*
Odejel, aby dostal práci.
On wujechał, żeby dostać pracę.
Vin vїїхав, щоб дістати роботу.
2. *Он уехал, потому что здесь нет работы.*
Odejel, protože tady není práci.
On wujechał, bo tutaj nie ma pracy.
Vin vїїхав, бо тут нема роботи.
3. *Его сильно ударили, когда он вошел.*
Silně ho uhodili, jakmile vstoupil.
Мосно го удерзыли, кiedу wszedł.
Його дуже вдарили, коли він зайшов.
4. *Его сильно ударили, так что он упал (СМ — ?)²⁴.*
Silně ho uhodili, takže upadl.
Мосно го удерзыли, так же upadł.
Його дуже вдарили, так що він упав.
5. *Его сильно ударили, что было несправедливо (СМ).*
Silně ho uhodili, což bylo neoprávněné.
Мосно го удерзыли, со було niesprawiedliwe.
Його дуже вдарили, що було несправедливо.

Эти пять примеров не подвергались трансформациям.

Таким образом, описанные 60 «рабочих» примеров читались дикторами — носителями литературной нормы данного языка. Запись была произведена на магнитофонную пленку в Фонетической лаборатории ИРЯ АН СССР, в Фонетической лаборатории КГУ им. Т. Г. Шевченко и в Фонетической лаборатории *Ustav pro jazyk český SAN*. Запись переводилась из магнитофонной в осциллографическую в лаборатории экспериментальной

²⁴ В данном примере союз *так что* может быть, по показаниям первой части, как маркированным, так и немаркированным. С этой целью он выбран.

фонетики ЛГУ им. А. А. Жданова. Полученные осциллограммы обрабатывались в виде графиков движения основного тона и интенсивности, фиксировалась средняя продолжительность звуков (темп) и величина паузы. Запись осуществлялась в 1965 и 1966 гг. Для чешского языка записывалось чтение двух дикторов (мужской и женский голос), для польского — двух дикторов (мужской и женский голос), для украинского — четырех дикторов (два мужских и два женских голоса), для русского — один голос (женский). Такое разнообразие в числе дикторов определилось максимальной изученностью интонации русского языка и минимальной — украинского. Данные русского языка были записаны лишь в сопоставительных целях, т. к. в первой части анализировались показатели мужских голосов, а прочитанные тексты были лексически не тождественны избранным 60 примерам.

Описание полученных результатов, как и в первой части, будет производиться сначала по отдельным параметрам (пауза, темп, мелодика, интенсивность). Затем описание соотношения заданных (см. выше) отрезков текста — предложений и выбранных при чтении интоном. Именно эта последовательность описания обусловлена следующими соображениями. Интономы являются пучком значений отдельных просодических показателей, каждый из которых соотносится в парадигматическом плане с гомогенными ему показателями, но также выраженными в относительных, а не абсолютных единицах. Проще говоря, прежде чем утверждать, что в данном случае есть выбор той или иной интономы (с большой или малой паузой, ровным или соответственно разным темпом), надо определить, что же такое большая пауза, что считается восходящей мелодикой и т. д.

В принципе возможно и такое сопоставление, когда будут даны списки примеров с указанием, какая интонома выбрана. Но в этом случае проблема языкового алломорфизма останется незатронутой, т. е. такое описание можно сравнить с сопоставлением, например, парадигм имени существительного в разных языках, при котором изучаются сходства/несходства в числе членов парадигмы и в распределении дифференциальных признаков, но сами флексии не приводятся. В данном случае первая часть описания данных каждого языка будет как бы аналогом «внешне морфологического» описания.

ЧЕШСКИЙ ЯЗЫК

Пауза

1

Подсчет первый.

Определение общего соотношения величины паузы и знака препинания²⁵. Данные средних показателей.

	Диктор В	Диктор N.
,	129	570,9
—	400,6	938,9
:	190,7	1004,6
()	307,9	982,2

Таким образом, для диктора В величина пауз распределяется следующим образом: $\langle : \langle () \langle -$, для диктора N — $\langle - \langle - () \langle :$ ²⁶.

Общее для обоих — наличие минимального знака для запятой.

Рассмотрим далее те ограничения, которые налагаются на выбор паузы другими двумя показателями — союзом и лексическим составом²⁷.

С этой целью рассмотрим соотношение пауз при союзных и бессоюзных вариантах одного и того же предложения. Эти же подсчеты проверяют справедливость

²⁵ Функции знаков препинания в общих чертах соответствовали русским знакам (см.: «Pravidla českého pravopisu». Praha, 1958, стр. 71—87).

²⁶ Р. Зима отмечал среднюю величину пауз от 470 до 620 мсек (P. Z i m a. K otázce klasifikace mluvního tempa. — SOS, 1959, с. 2).

²⁷ Роль паузы в чешском языке неоднократно изучалась как в психолого-семантическом аспекте (St. P e t ř í k. Pausa v novočeských slovních skupinách. «Naše řeč», 1933, № 2—3), так и в собственно-синтаксическом (F. T r á v n i č e k. Příspěvky k pauce o českém přízvuku. Brno, 1924; St. P e t ř í k. Poznámky k pravopisné stránce paus. «Naše řeč», 1933, № 4).

выведенного выше положения о том, что пауза есть основной показатель «принципа Пешковского».

Подсчет второй.

	Диктор В		Диктор N	
	с союзом	без союза	с союзом	без союза
,	98,5	172	524,1	712,5
—	434,3	374,5	860,5	1043,3
()	369	383	1007,6	951,2

У обоих дикторов резко возрастает пауза в бессоюзном предложении при запятой²⁸. В остальных случаях — у диктора В тире в союзном предложении имеет большую паузу, чем в бессоюзном; у диктора N — пауза в союзном предложении со скобками больше паузы в скобочном бессоюзном предложении.

П о с л е д н и й п о д с ч е т, проведенный для союзных предложений с запятой и тире, имел своей задачей определить, существуют ли какие-нибудь закономерности между величиной паузы и позицией в предложении союза — начальной или заканчивающей. Приведем полученные цифры:

	Диктор В		Диктор N	
	препозиция союзной части	постпозиция союзной части	препозиция союзной части	постпозиция союзной части
,	101	97,3	488,2	540,5
—	420	470	976	1178

Данные не интерпретируются определенным образом. Именно этого следовало ожидать, поскольку в данном случае мы имели дело с заранее неоднородным текстом, состоящим из специально подобранных предложений.

²⁸ О частом появлении паузы в бессоюзном предложении при запятой см.: Р. Z i m a. Указ. соч.

Теперь рассмотрим более конкретно величину паузы в прочтенных примерах. Напоминаем, что исходной интонемой считалась та, в которую входила как составляющая пауза минимальной величины. Показатели, диктующие выбор иной интонаемы, считались маркированными.

Гипотеза состояла в том, что наиболее сильным показателем является союз. Согласно этому величина паузы должна проявляться в трех аспектах:

1) пауза во фразе с маркированным союзом должна быть иной, чем пауза во фразах с немаркированными союзами, а так как немаркированные союзы диктуют выбор минимальной интонаемы, то, естественно, пауза во фразе с маркированным союзом не должна быть минимальной, т. е. должна быть значительно больше;

2) пауза в бессоюзном варианте того же предложения (при условии, что лексический состав не маркирован), взятого с тем же знаком препинания, не должна существенно увеличиться или даже может стать меньше, т. е. принцип Пешковского должен нарушаться;

3) в предложении с маркированным союзом не должно быть резкого изменения величин паузы при изменении знака препинания.

Предложения с маркированными союзами:

*Mlčela, i v tom byla výčitka*²⁹;
Silně ho udeřili, což bylo neoprávněné.

Предложения с возможно-маркированными союзами:

Jakmile vešel, všichni zmlkli;
Silně ho udeřili, takže upadl.

Полученные результаты:

1. Диктор В:

Паузы в перечисленных предложениях были следующими: *Mlčela, i v tom byla výčitka* (310 мсек); *Silně ho udeřili, což bylo neoprávněné* (170 мсек); *Jakmile vešel, všichni zmlkli* (400 мсек); *Silně ho udeřili, takže upadl* (170 мсек).

Для сравнения приведем паузы в других предложениях с немаркированными союзами. Во фразах *Šli jsme domů, protože začalo pršet*; *Uteklo několik okamžiků, a tvrdě*

²⁹ Существенно также, что при переводе был в данной фразе выбран стилистически маркированный союз *i* вместо обычного *a*.

usnul; Kam odešli, nikdo neví; Odejel, aby dostal práci; Odejel, protože tady neměl práci; Silně ho udeřili, jakmile vstoupil — пауза нулевая; в предложении *Když už jsme začali mluvit, projednáme tuto otázku až do konce* — 85 мсек, в предложении *Všechno bude v pořádku, jestliže přijde* — 90 мсек и т. д. (Напоминаем, что средняя величина паузы при запятой в союзном знаке равна 98,5 мсек).

Диктор N:

Mlčela, i v tom byla výčitka — пауза 888 мсек; *Silně ho udeřili, což bylo neoprávněné* — 760 мсек; *Jakmile vešel, všichni zmlkli* — 628 мсек, *Silně ho udeřili, takže upadl* — 380 мсек³⁰.

Но *Šli jsme domů, protože začalo pršet* — 380 мсек; *Kam odešli, nikdo neví* — 399 мсек; *Silně ho udeřili, jakmile vstoupil* — 380 мсек; *Proto, aby dcera mohla studovat, přestěhovali jsme se do města* — 398 мсек и т. д. (средняя величина паузы в союзных предложениях с запятой у диктора В равна 524,1 мсек, см. данные 1-го подсчета).

2. Проверяем принцип Пешковского на маркированных союзах.

Диктор В:

Mlčela, i v tom byla výčitka — 310 мсек; *Mlčela, v tom byla výčitka* — 320 мсек (в остальных предложениях маркированные союзы нельзя было опустить, не меняя знака, или нельзя опустить вообще сож).

Ср., например:

Šli jsme domů, protože začalo pršet — нулевая;

Šli jsme domů, začalo pršet — 180 мсек;

Proto aby dcera mohla studovat, přestěhovali jsme se do města — 90 мсек;

Dcera mohla studovat, přestěhovali jsme se do města — 210 мсек и т. д. (средняя величина паузы в союзных и бессоюзных предложениях с запятой у диктора В равна соответственно 98,5 и 172 мсек).

Диктор N:

Mlčela, i v tom byla výčitka — 888 мсек);

Mlčela, v tom byla výčitka — 1054 мсек (т. е. увеличение — 20%).

Но:

Šli jsme domů, protože začalo pršet — 380 мсек;

Šli jsme domů, začalo pršet — 712 мсек (увеличение на 87%);

Proto aby dcera mohla studovat, přestěhovali jsme se do města — 398 мсек;

³⁰ В данном случае союз был воспринят как немаркированный.

Dcera mohla studovat, přestěhovali jsme se do města—715 msec (увеличение на 80%).

Средняя величина паузы в союзных и бессоюзных предложениях с запятой у диктора N равна соответственно 524 и 712,5 msec.

3. Проверяем изменение величины паузы по знакам препинания в предложениях с маркированными союзами (в msec):

Диктор В:

	.	—
<i>Mlčela/i v tom byla výčitka</i>	310	370
<i>Jakmile vešel/všichni zmlkli</i>	400	280
Но:		
<i>Ačkoliv je tma/přesto pojedu</i>	220	420
<i>Kam odešli/nikdo neví</i>	—	375
<i>Proto aby dcera mohla studovat/přestěhovali jsme se do města</i>	90	430
<i>Uteklo několik okamžiků/a tvrdě usnul</i>	—	570
<i>Když už jsme začali mluvit/projednáme tuto otázku až do konce</i>	85	340

Диктор N:

	.	—
<i>Mlčela/i v tom byla výčitka</i>	888	896
<i>Jakmile vešel/všichni zmlkli</i>	628	522
Но:		
<i>Kam odešli/nikdo neví</i>	399	778
<i>Proto aby dcera mohla studovat/přestěhovali jsme se do města</i>	398	992
<i>Sotva se setmělo/hrosila bouřka</i>	678	1030
<i>Ačkoliv je tma/přesto pojedu</i>	476	1104
<i>Uteklo několik okamžiků/a tvrdě usnul и т. д.</i>	505	1230

Таким образом, гипотеза о поведении паузы в предложении с маркированным союзом подтверждается во всех трех аспектах.

Рассмотрим величину паузы в предложениях бессоюзных с маркированным лексическим составом (при запятой).

Гипотеза о величине паузы при этом будет следующей:

1. Пауза в бессоюзных предложениях с маркированным лексическим составом должна быть больше паузы в бессоюзных предложениях с немаркированным лексическим составом.

2. Величина паузы в бессоюзных предложениях с маркированным лексическим составом не должна значительно увеличиваться при изменении знака препинания.

Соответствующие данные посмотрим на предложениях с маркированным лексическим составом, которыми (интуитивно) считались следующие три фразы:

Už je tma, přesto pojedu.

Zdálo se mu, pes vyje.

Začali jsme mluvit, projednáme tuto otázku až do konce.

Величина паузы в этих предложениях была следующей:

Диктор В:

	Пауза
<i>Už je tma, přesto pojedu</i>	396
<i>Zdálo se mu, pes vyje</i>	190
<i>Začali jsme mluvit, projednáme tuto otázku až do konce</i>	375
Но:	
<i>Zšechno bude v pořádku, v přijde</i>	55
<i>Setmělo se, hřosila bouřka</i>	85

(средняя величина по всем примерам в бессоюзном предложении у диктора В — 172 мсек).

Диктор N:

	Пауза
<i>Už je tma, přesto pojedu</i>	826
<i>Zdálo se mu, pes vyje</i>	778
<i>Začali jsme mluvit, projednáme tuto otázku až do konce</i>	590
Но:	
<i>Všechno bude v pořádku, přijde</i>	440
<i>Setmělo se, hrosila bouřka</i>	490

(средняя величина паузы в бессоюзном предложении по всем примерам у диктора N — 712,5 мсек).

2. Рассмотрим величину паузы в бессоюзных предложениях с маркированным союзом при изменении знака препинания.

Диктор В:

	Величина паузы		
	,	—	:
<i>Už je tma/přesto pojedu</i>	190	220	
<i>Zdálo se mu/pes vyje</i>	335		275
<i>Začali jsme mluvit/projednáme tuto otázku až do konce</i>	375	440	
Но:			
<i>Já ětu/on piše</i>	280	580	
<i>Všechno bude v pořádku/přijde</i>	55	390	
<i>Setmělo se/hrosila bouřka</i>	155	355	
и т. д.			

Диктор N:

	Величина паузы		
	,	—	:
<i>Už je tma/přesto pojedu</i>	826	1104	950
<i>Zdálo se mu/pes vyje</i>	778		
<i>Začali jsme mluvit/pro- jednáme tuto otázku až do konce</i>	590	522	
Но:			
<i>Všechno bude v pořád- ku/přijde</i>	440	712	
<i>Setmělo se/hrosila bouřka</i>	764	1124	

Таким образом, гипотеза о поведении паузы в предложениях с маркированным лексическим составом подтверждается на взятом материале. Меньшая убедительность цифровых данных в данном случае может объясняться или меньшей, по сравнению с союзом, «силой» лексики, или неудачно (неубедительно) подобранными примерами.

Таким образом, в оставшихся предложениях должна четко различаться пауза в соответствии со знаками препинания. Такие примеры, действительно, имеют место, как это (косвенно) демонстрировалось выше.

3

Однако не все примеры уложились в предлагаемую схему; полученные результаты представили ряд исключений, необъясненных закономерностей:

1. Прежде всего это относится к иерархии пауз по знакам препинания. Так, у диктора N величина паузы в случае скобок всегда обычно уступала величине паузы во фразах с двоеточием; величина паузы во фразах с тире была очень велика — от 1000—1100 мсек (средняя величина 938,9 была выведена за счет нескольких исключений).

У диктора B с абсолютной регулярностью наибольшая величина паузы наблюдалась в предложениях с тире. Таким образом, получается, что для чешского произношения наибольшая величина паузы—во фразах с тире³¹.

В «Pravidla českého pravopisu» одной из основных функций

2. Некоторые предложения с предполагаемым немаркированным лексическим составом «ведут себя» как фразы с маркированным лексическим составом, в частности, не меняют существенно величину паузы при изменении пунктуационного знака.

	,	—	:	()	Диктор
<i>Mlčela/v tom byla výčitka</i>	1056		1054	1054	N
<i>Mlčela/v tom byla výčitka</i>	220		190	210	B
<i>Dcera studovala/přestěhovali jsme se do města</i>	210	270	260	200	B
<i>Já čtu/on píše</i>	830	1004	1096	988	N

Возможно, что в данных фразах лексический состав маркирован.

Темп

1

Подсчет первый. Определялась средняя величина темпа в соотношении со знаками препинания. Результаты подсчета:

	Диктор В	Диктор N
,	83,5/78,3	90,8/85,9
—	85,3/83,6	85,5/76,3
:	85,4/83,2	87,1/82,7
()	87,7/77,7	82,3/75,1

За исключением несомненно более быстрого произнесения второй синтагмы, заключенной в скобки, как видно по подсчетам³², нет явно выраженной тенденции связывания (promlčka) считается остановка перед сообщением чего-то важного.

³² Об изменении темпа отрезка, заключенного в скобки (vsuvku) говорит Ф. Данеш («Intonace a věta ve spisovné češtině», стр. 114)

вать темп речи в обеих синтагмах и знак препинания, стоящий на письме в предложении.

Подсчет второй. Зависимость темпа каждой синтагмы от наличия союза в предложении. Цель подсчета — проверить, нет ли тенденции произносить союзное предложение быстрее.

	Диктор В		Диктор N	
	с союзом	без союза	с союзом	без союза
,	80,8/77,3	91/81,3	90,7/82,2	91,2/87,6
—	77,2/78,2	91,5/87,8	81,3/77,6	90,4/86,3
()	84,2/73,5	91,2/87,2	75,4/67,9	90,5/73,8

Подсчет третий. Изменение темпа в союзных предложениях в зависимости от позиции союзной части. Цель этого подсчета — проверить, какая позиция «важнее»: начало/конец или главное/придаточное.

	Диктор В		Диктор N	
	препозиция союзной части	постпозиция союзной части	препозиция союзной части	постпозиция союзной части
,	74,8/71,1	84,1/80,6	80,2/78,4	97,6/84,6
—	75,5/74,7	81,3/87,2	79/61,9	86,7/81,9

Таким образом, анализ усредненных данных по распределению темпа показывает (для обоих дикторов) следующее:

1) не наблюдается определенной зависимости между распределением темпа и знаком препинания (кроме скобок);

2) отчетлива тенденция произносить первую синтагму медленнее;

3) также определена тенденция произносить союзную часть быстрее.

Однако, судя по данным, первая тенденция побеждает вторую; поэтому — во всех показателях первая часть произносится медленнее, но если это союзная часть, то разрыв в темпе меньше (см. данные таблиц).

Соотношение темпа союзного и бессоюзного вариантов одного предложения (т. е. принцип Пешковского) проверялось по двум критериям, предложенным в первой части:

1. Не проявляется ли в бессоюзном варианте большее направление в разрыве темпа первой и второй синтагм?

2. Имеет ли место в бессоюзном варианте общее увеличение длительности звуков в первой части?

Первая тенденция наблюдалась у диктора В в 50% примерах, у диктора N в 25% примеров.

Вторая тенденция у диктора В не наблюдалась только в одном примере:

Mlčela, i v tom byla výčitka (средний темп 78,5 мсек);

Mlčela, v tom byla výčitka (средний темп 76 мсек).

Как будет подробнее сказано ниже, именно в этом случае исключение из общего принципа является закономерным. У второго диктора также не соблюдается удлинение звуков бессоюзной части в этом примере; кроме того, также и в примерах: *Já čtu, a on piše* (средний темп во 2-й синтагме 120 мсек) и *já čtu, on piše* (средний темп во 2-й синтагме 112,3 мсек) и *Sotva se setmělo, hrosila bouřka* (темп в 1-й синтагме — 86,1 мсек) и *Setmělo se, hrosila bouřka* (темп в 1-й синтагме 83 мсек).

Таким образом, данные темпа говорят о вероятном предпочтении второго истолкования принципа Пешковского (см. гл. 1).

3

Тенденция к изохронности осуществилась в прочитанных чешских фразах в полном соответствии с данными Й. Фонадя и К. Магдич (основная сфера действия — трехсложные конструкции). Так, значительное увеличение средней длительности звука по сравнению с другими примерами наблюдалось в отрезках типа *on piše* (темп 130 мсек, диктор В), *přijde* (темп 112 мсек, диктор В), *pes vύje* (103,1 мсек, диктор N). Ср. например, среднюю продолжительность звуков в отрезках *projednáme tuto otázku až do konce* (68,1 мсек, диктор В), *přestěhovali jsme se do města* (67,4 мсек, диктор N) и т. д.

Наиболее неожиданным в анализированном материале была та часть его, которая относилась не собственно к темпу, а скорее к проблеме «длительности». Автором исследовалась длительность последнего ударного гласного в первой и второй синтагмах в сопоставлении с длительностью примыкающих к нему гласных. В результате этих сопоставлений по обоим дикторам подтвердился еще раз тот общеизвестный факт, что в чешском языке ударный слог не выделяется длительностью. Замечалось также некоторое удлинение кратких гласных как ударных, так и неударных в абсолютном конце и на стыке синтагм). Средняя соотносительность кратких и долгих гласных соответствует в основном еще данным Хлумского, приблизительно от 2,3 : 1 до 1,3 : 1³³.

Самым ярким фактом длительности явилось не время продолжительности ударного гласного, а стабильность модели соотношения слогов в слове по длительности (имеется в виду не относительная, как можно было бы ожидать, а абсолютная длительность), т. е. полученные количественные показатели как бы говорят о том, что чешские фразы, точнее отрезки текста, очень мало меняют свою структуру длительности, в какие бы смысловые ситуации они не попадали. Это качество, если оно справедливо, резко отличает чешский язык, в частности, от русского или немецкого языков³⁴. Еще более неожиданным (с сильной оговоркой на случайность) оказалось в некоторых случаях абсолютное совпадение длительности отдельных звуков у обоих дикторов. Приведенные выше табличные показатели соотношения темпа обеих синтагм и знаков препинания, как было сказано, свидетельствуют лишь о более быстром произношении отрезка, находящегося в скобках. Однако этот разрыв темпа обеих синтагм в случае скобок по существу ничтожен (5—6 мсек), тогда как данные русского языка, описанные

³³ См.: J. Chlumský. Česká kvantita, melodie a přízvuk Praha, 1928, стр. 170.— Первым обратил на это внимание О. Брок. (см.: О. Брок. Очерк физиологии славянской речи. СПб., 1910).

³⁴ См.: М. Г. Кравченко. Соотношение длительности различных компонентов предложения и его роль в определении синтаксических и логических связей «Уч. зап. ЛГУ», 1964, вып. 325,

в первой части, говорят о разрыве темпа в случае скобок от 20 (и выше!) мсек³⁵.

Совпадение абсолютной и относительной длительности звуков в отрезках у обоих дикторов при любых трансформациях текста, устойчивая тенденция к более медленному произнесению первой синтагмы, отсутствие связи между пунктуацией и темпом приводят к гипотезе о некоторой «заданности» временной структуры чешских слов, подобной заданности отрывков музыкальных фраз³⁶, которые все поющие должны воспроизводить в одном темпе и с одним и тем же распределением длительности звуков.

Если это наблюдение неслучайно, то роль темпа как смыслоразличительного фактора в чешском языке не должна быть ведущей.

5

Предварительная гипотеза о соотношении темпа и маркированных показателей состояла в следующем:

1. Принцип Пешковского не должен соблюдаться для части с маркированным союзом.

2. Союзное предложение с маркированным союзом должно произноситься с одним и тем же разрывом в темпе обеих синтагм.

3. Поскольку темп определяет соотношение важного/неважного, нельзя заранее предсказать, каков конкретный темп союзной части, где союз маркирован.

Первый аспект гипотезы подтвердился для обоих дикторов. Так, средняя продолжительность звука отрезка *i v tom byla výčitka* была 77,5 мсек (диктор В), 80 и 71,5 мсек (диктор N), а средняя продолжительность звука отрезка *v tom byla výčitka* — 75,6 мсек (диктор N) и 75 мсек (диктор В).

³⁵ См. также работы Л. В. Златоустовой и чешские сопоставительные исследования по длительности (J. Chlumský. Указ. соч. (французское резюме); V. Hala. Josef Chlumský. Praha, 1940; M. Rothportl. Stručná fonetika ruštiny.

³⁶ См. об этом: C. Ebeling. Указ. соч.— Интересно, что И. Бунинг и К. Ван Схонефельд видят эту заданную музыкальность и в русской речи, считая, что в основе интонации русского предложения лежит русская народная музыка («The sentence intonation of contemporary standard Russian»). s'Gravenhage, 1960.

Что касается второго аспекта гипотезы, то она как будто подтвердилась: так, соотношение темпов 1-й и 2-й синтагмы при разных знаках препинания у обоих дикторов было следующим:

	,	—	:	()	Диктор
<i>Mlčela/i v tom byla vý- šitka</i>	77,5/77	77,7/76,2			N
<i>Mlčela/i v tom byla vý- šitka</i>	91/77,5	89,3/77,5			B

Но для подтверждения гипотезы необходимо установить не только сходство, но и различие, т. е. необходимо, как в случае паузы, сопоставить эти данные с данными других примеров. Так, это действительно имело место при проверке принципа Пешковского (см. выше). Между тем, можно привести примеры с теми же данными, что и вышеприведенный:

	,	—	:	()	Диктор
<i>Ačkoliv je tma/ přesto pojedú</i>	81,7/77,5	79,7/77,5			B
<i>Dcera studova- la/přestěhovali jsme se do města</i>	66,1/67,2		66,4/67,4	67,7/67,4	N

Таким образом, с полной уверенностью сказать о соблюдении данной гипотезы нельзя.

То же относится и к предложениям с маркированным лексическим составом.

Что касается знаков препинания, то маркированным знаком являются скобки.

В целом полученные данные затруднительны для выведения относительных характеристик. В некоторых случаях была тенденция изменять соотношения в темпе обеих синтагм подобно тому; как это имело место в рус-

ском языке при изменении знака препинания, например (диктор N):

	,	—	:	()
<i>Sli jsme domů/začalo pršet</i>	90,2/85,5	74,2/81,3	78,4/90	79,2/90,5

Предполагалось, что некоторый свет на соотношение темпа и смысла может пролить сопоставление средних продолжительностей звука в обеих синтагмах у предложений, отличающихся только порядком частей: (*Ačkoliv je tma, přesto pojedu — Přesto pojedu, ačkoliv je tma*). Приведем примеры такого типа (с запятой):

	Темп	Диктор
<i>Dcera studovala, přestěhovali jsme se do města</i>	71,4/60	B
	67,7/67,4	N
<i>Přestěhovali jsme se do města, dcera studovala</i>	70/68,6	B
	63,7/67,8	N
<i>Ačkoliv je tma, přesto pojedu</i>	81,7/77,5	B
	76,2/77,4	N
<i>Přesto pojedu, ačkoliv je tma</i>	75,8/62,1	B
	74,8/78,4	N
<i>Kam odešli, nikdo neví</i>	84,4/75,5	B
	88,9/83,6	N
<i>Nikdo neví, kam odešli</i>	85/79,4	B
	86,7/79,1	N

Судя по этим примерам, тенденция произносить первую часть медленнее — соблюдается.

Таким образом, для чешского языка при фиксировании интоном было принято за исходное и такое соотношение, когда первая часть произносится медленнее или равновесно.

Прежде чем анализировать распределение в прочтенных предложениях двух основных мелодик — восходящей и нисходящей, необходимо предварительное определение того, какими средствами выражается восходящая и нисходящая мелодика в данном (чешском) языке. Вопрос этот совсем не столь очевиден, как это представляется а priori³⁷. Хотя как будто бы легко определить, повышается или понижается мелодика в данной фразе, на самом деле, при восприятии неродного для носителя языка, возможны самые разнообразные смешения типов мелодики. Примеры такого рода приводит Е. А. Брызгунова в специальных разделах «Практической фонетики и интонации русского языка», посвященных характерным ошибкам иностранцев при обучении русской мелодике, а также М. Ромпортл, сопоставляя мелодику русского и чешского языков³⁸. Изучая мелодические структуры анализировавшихся языков, автор использовал три типа данных: мелодические рисунки прочтенных примеров, полученные в результате обработки осциллограмм; слуховые наблюдения как собственные³⁹, так и мнение носителя языков (или специалиста), литературные данные, а также устные утверждения специалистов по интонации — носителей данного языков. При определении типа мелодики учитывались три фактора: 1) движение тона в слоге, 2) положение ударного слога по отношению к окружающим слогам, 3) движение тона в заударных слогах. Для первого фактора различаются две оппозиции: 1) движение восходящее или нисходящее; 2) движение резковосходящее (или соответственно резконисходящее) или имеет место незначительное движение тона.

В соответствии с этим использовались три типа обозначений:

³⁷ Так, на различие принципиальных типов мелодики указывает М. Ромпортл, упрекая С. Карцевского в известном упрощении (M: R o m p o r t l. Zum Problem der Fragemelodie; О н ж е, Zum vergleichenden Studium der Satzphonetik).

³⁸ M. R o m p o r t l. Melodie ruské a české věty.

³⁹ Наблюдения над чешской речью в Праге.

1) слог с резковосходящим движением тона;

2) слог с резконисходящим движением тона;

3) — слог со слабым движением тона.

По второму фактору (положение ударного слога) различаются три тональных уровня — высокий, средний и низкий⁴⁰. В соответствии с этим изображается схема распределения слогов:

Высокий	—	—	
Средний	↓	—	—
Низкий	—		— и т. д.

↓ уд. слог.

Положение заударных слогов (и движение тона в них) также фиксируется на вышеприведенной шкале с соответственным различием графически слабого и резкого движения тона (см. выше). Рассмотрим типы движения мелодики в неконечной синтагме (полукаденции) и конечной синтагме (каденции), как они описываются исследователями чешского языка. О. Брок, говоря о движении тона при восходящей мелодике, указывает на более низкое положение ударного слога с обязательным повышением заударных слогов⁴¹: *Je ta práce hotová?*

Й. Хлумский отмечает два типа восходящей полукаденции⁴²: 1) с низким и 2) средним положением ударного слога:

1) — ↓ — 2) — ↓ —

Особый тип восходящей мелодики (мелодики вопроса — антикаденции) описан М. Ромпортлом — а именно

⁴⁰ Эти три центра выделяют Ф. Данеш (см.: Fr. D a n e š. Studie o větne intonaci. — SaS, 1950, 12, č. 1.

⁴¹ О. Б р о к. Указ. соч., стр. 247.

⁴² J. C h l u m s k ý. Указ. соч., стр. 170.

такой, когда повышение тона происходит на ударном слоге, а на заударных слогах — тон понижается⁴³. Этот тип принято считать разговорным (напомним, что именно этот тип характеризует современную русскую мелодику). Но для литературного языка Ромпортл также говорит о подъеме на первом посттоническом слоге при более низком положении ударного⁴⁴. При этом заударные слоги могут либо равномерно повышаться, либо оставаться на одной высоте.

Наиболее подробно типы полукаденций описаны Ф. Данешем⁴⁵. Говоря о мелодике неконечной синтагмы, Данеш обращает внимание на то, что в конечной синтагме возможно и понижение тона (в его терминологии — конклюдивная каденция признаковая). Еще ранее о понижении тона в неконечной синтагме писал П. Трост⁴⁶. Внутри собственно полукаденций (восходящей мелодики) Данеш выделяет три типа: 1) восходящая беспризнаковая, 2) восходящая признаковая, 3) нисходящая признаковая (тип, описанный Ромпортлом; с нашей точки зрения — восходящая мелодика, но с понижением на заударных слогах — «русский тип»). Первые два типа различают в свою очередь два варианта, согласно распределению ударных и соседних слогов по уровням.

Приводим схемы Ф. Данеша для более наглядного пояснения различий⁴⁷:

1) Полукаденция беспризнаковая восходящая:

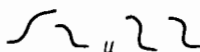

⁴³ M. R o m p o r t l. Melodie (tonový průběh) otázky zjišťovací v hovorové střední češtině. «Listy filologické», 1951, r. 75, № 5—6. (пример Ромпортла: Užjsi mluvila s králem?).

⁴⁴ M. R o m p o r t l. Tonový průběh v dnešní češtině. Praha, 1951.

⁴⁵ Fr. D a n e š. Intonace a věta ve spisovné češtině. Praha, 1957.

⁴⁶ P. T r o s t. Česká práce o větné intonaci.—SaS, 1939, r. V, č. 2.— П. Трост приводит пример *Nej'du tam, protože nemám peněz* с двумя возможными мелодическими рисунками:

⁴⁷ Fr. D a n e š. Intonace a věta, стр. 46.

2) Полукаденция признаковая восходящая П — особое усиленное ударение (*důraz*)

а) — — — П б) — — — П — — —

3) Полукаденция нисходящая признаковая:

— — — П ↑ — — —
(—)

4) Конклюдивная каденция признаковая:

П
— — — — — — — — — —

Что касается силы движения тона в ударном слоге, то принято считать, что она очень незначительна по сравнению, например, с русским языком. Й. Хлумский говорил даже о том, что в ударных слогах мелодия остается на одной ноте⁴⁸. М. Ромпортл, подчеркивая это различие, обычно обозначает графически движение тона в чешском языке как / или \, а в русском языке как

∪ или ∩ .

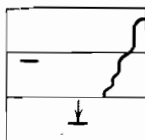
Движение тона в конечной синтагме (конклюдивную каденцию) О. Брок описывал для чешского языка как понижение тона в заударной части при высоком положении ударного гласного⁴⁹. Фр. Данеш отмечает случаи, когда понижение тона в каденции отмечается уже на предударном слоге⁵⁰.

⁴⁸ J. Chlumský. Указ. соч., стр. 209.

⁴⁹ О. Брок. Указ. соч., стр. 248.

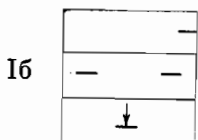
⁵⁰ Fr. Daneš. Intonace a věta, стр. 46 и русское резюме.

По данным анализировавшихся нами примеров были отмечены следующие возможности движения тона в полугакенции:

т. е. олукаденция восходящая беспознаковая, по Данешу.

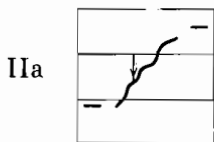
Примеры: *Všechno bude v pořádku — přijde* (диктор В); *Šli jsme domů — začalo pršet* (диктор N).

отличается от Ia движением тона в ударном.

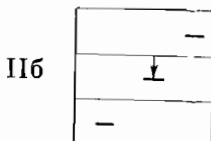
Пример: *Sotva se setmělo — hrotila bouřka* — диктор В.

Первый тип и второй различаются обычно по позиции ударного слога (тип Ia наблюдается перед слогом с долгой гласной).

также полугакенция восходящая беспознаковая, по Данешу.

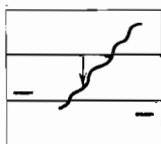
Примеры: *Iakmile vešel, všichni zmlkli* (диктор В); *Odejel, aby dostal práci* (диктор N).

Пример: *Silně ho udeřili, takže upadl* (диктор В).

Типы IIа и IIб, судя по имеющимся примерам, различаются также по позиции ударного слога.

IIIa

т. е. полукаденция нисходящая, по Данешу (и разговорный тип, по Ромпортлу).

Пример: *Když už jsme začali mluvit, projednáme t u to otázku až do konce* (диктор В).

Возможного варианта IIIб

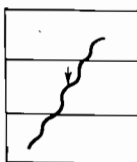
	↓
	—
—	(—)

в наших

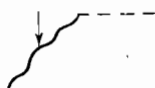
примерах не оказалось.

Особым случаем было абсолютно начальное положение ударного слога. В этих примерах обычно наблюдался тип (IV) с последующими вариациями заударных слогов:

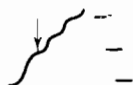
IV

IVa

IVб

В одном и том же примере, например: *Silně ho uhodili, jakmile vstoupil* диктор В выбрал вариант IVб, диктор N — вариант — IVa.

V. В абсолютном конце синтагмы (в односложных словах) обычно наблюдалось сильное движение тона):

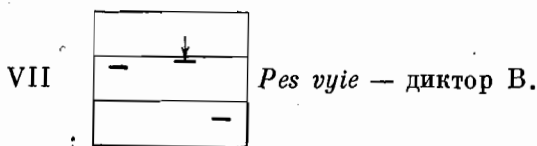
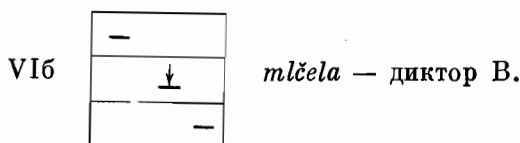
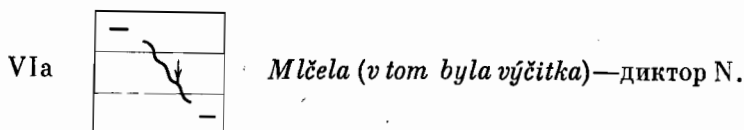

Já čtu; Už je tma и т. д.

Во всех перечисленных случаях считалось, что имеет место восходящая мелодика.

В неконечной синтагме возможна была нисходящая мелодика — конклюдивная каденция признаковая (по Данешу).

При этом возможны были следующие типы размещения слогов:

Заударные конечные слоги могли иметь вид: — —₃ или — — (последнее чаще в конечной синтагме).

3

Для определения специфики чешского звучания небезынтересно также выяснить не только относительное, но и абсолютное движение мелодики, т. е. реальный частотный диапазон. Но в данном случае необходимо быть осторожным из-за отсутствия подлинно статистических данных. Перечислим основные участки движения для дикторов (располагаются по частоте встречаемости).

На основании этих данных выделяются четыре мелодических уровня (при объединении частот $\pm 5-7$ гц):

Диктор В	Диктор N
1 до 93 гц	до 150 гц
2 от 93 до 120 гц	от 150 до 375 гц
3 от 120 до 150 гц	от 275 до 375 гц
4 от 150 гц	от 375 гц ⁵¹

⁵¹ Как видно, мелодическое движение осуществлялось на участке не более, чем в сексту (или даже кварту). Сходные данные для английского языка см.: G. F a u r e. Aspects et fonctions linguisti-

Диктор В		Диктор N	
восходящая	нисходящая	восходящая	нисходящая
109—143	100—60	2300—300	300—176
93—143	150—75	200—300	273—150
85—143	120—60	250—375	273—136
80—150	143—60	230—333	333—176
80—120	136—60	250—429	230—166
75—120	93—55	214—330	214—125
93—143	73—60	214—375	250—136
93—150		176—300	303—150
100—120		166—300	333—176
75—150			250—150
120—143			300—125
93—120			
75—166			
109—166			
100—150			

4

Выделив типы движения основного тона и частотный интервал, на котором происходит это движение в чешском языке, рассмотрим распределение этих типов по прочтенным примерам.

Сначала было определено движение мелодики в неконечной синтагме в соответствии со знаками препинания. При этом соотношение восходящей и нисходящей мелодики было следующим (в %):

ques des variations mélodiques dans la chaîne parlée. Proceedings of IX Congress of linguists. The Hague, 1964.—Небольшой интервал звучания (по сравнению с русским) отмечает и М. Ромпортл. Характерно, что при анализе интонационной структуры русского языка (с точки зрения чеха) З. Ф. Оливернус призывает учащихся моделировать, говоря по-русски, как можно сильнее, «не боясь никаких преувеличений» (З. Ф. О л и в е р н у с. Речевые структуры русской разговорной речи и преподавание русского языка в чешской школе. «Československá rusistika». Praha, 1964, № 2; Z. F. O l i v e r n u s. Динамика, ритм и мелодия русского языка. «Ruský jazyk», 1966, гоđ. 17, № 3).

	.		—		:		()	
	восх.	нисх.	восх.	нисх.	восх.	нисх.	восх.	нисх.
Диктор В	91,5	8,5	100	—	8	92	7	93
Диктор N	71	39	57	43	—	100	7	93

Итак, в общих чертах можно говорить о тенденции к восходящей мелодике при запятой и тире, и к нисходящей мелодике — при скобках и двоеточии.

Если перейти от общей констатации типа движения мелодики (восходящая — нисходящая) к уровням (1—4), то при этом обнаруживаются следующие фигуры: 2~4; 1~4; 4~1; 2—3; 2~1; 3~4; 2~1; 3~1; 1~1. Определенной связи со знаком препинания, с союзом и позицией союзной части при этом не обнаруживалось, кроме фигуры 3~1; 1~1 (т. е., например, 136~80 и 75~60), характеризующей только скобки.

5

Рассмотрим соотношение мелодики и маркированных показателей.

Предполагалось, что предложения с маркированными союзами будут иметь нисходящую мелодику (т. е. отличную от мелодики исходной интонаемы). Это предположение подтвердилось, кроме варианта *Mlčela — i v tom byla výčitka* (с тире) в произношении диктора В, имевшего восходящую мелодику.

Мелодика предложений с тождественной главной частью и переменным придаточным (*odejel* и *silně ho udeřili*) в произношении обоих дикторов соответственно совпадает, кроме предложения *Silně ho udeřili, což bylo neoprávněné* с маркированным союзом *což* (нисходящая мелодика). Таким образом, предположение об особом типе мелодики в соответствии с типом придаточного не подтверждается⁵².

⁵² Эта тенденция (считать, что каждый тип придаточного имеет свою мелодику) распространена и в чешском языкознании. Так, этому вопросу посвящена специальная книга (см.: J. Y a n k o. *Yazyková melodie a její výšky a hloubky ve službách skladby a v významosloví*. Praha, 1948); в ранних работах этого мнения придержи-

Предложения с маркированным лексическим составом не имели особой мелодики по сравнению с предложениями с немаркированным лексическим составом.

Распределение типов мелодики и знаков препинания говорит о маркированности двоеточия и тире (оба диктора произносили в большинстве примеров мелодику нисходящую).

Существенным было сопоставление мелодических показателей и наличия/отсутствия союза и его позиции. Как было сказано выше, для каждого диктора по отдельности эти факторы не были показательными.

Но в целом более значительными оказались результаты сопоставления чтения примеров по дикторам. А именно — из 60 примеров не совпало (т. е. была разница в выборе нисходящей или восходящей мелодики в неконачной синтагме) чтение 15 примеров. Попытка понять, исходя из текста (это были примеры с немаркированными союзами, немаркированным лексическим составом и немаркированными знаками препинания) причины различия, не имела результата. Зато, судя по этим примерам, можно было сказать с определенностью следующее: все различаемые примеры были бессоюзными или с союзной частью в постпозиции. Предложения, начинавшиеся с придаточного, всегда читались единообразно.

Интенсивность

1

Своеобразное положение интенсивности, обсуждавшееся в первой главе данной книги, привело к мысли о нецелесообразности включения этого фактора в общий набор параметров, определяющих интонеми. Не осознавая специфического функционирования интенсивности внутри контекста, тем более контекста, сознательно лишённого эмоциональной нагрузки (*colorless patterns*⁵³),

живался и Ф. Данеш. Однако примеры Янко иногда заставляют считать, что автор не всегда различает индивидуальное и обобщенное. Примеры часто различаются не по типу мелодики, а по конкретному рисунку фразы, обусловленному ее лексико-фонетическим составом.

⁵³ R. S t o c k w e l l. A place of intonation in generative grammar. «Language», 1960, v. 36, № 3.

мы не имели никакой презумпции или гипотезы по поводу того, как должна проявляться интенсивность при наличии маркированных указателей.

Данные русского языка показали, как это было сказано в первой главе, следующее:

- 1) при понижающейся мелодике движение интенсивности в синтагме обычно совпадает с движением мелодики;
- 2) при повышающейся мелодике может наблюдаться как повышающееся, так и понижающееся движение интенсивности.

В данном случае существенно было фиксировать соотношение мелодики и интенсивности в прочитанных чешских фразах. Однако для этого нужно, как и при определении типов мелодики, сформулировать то, что в дальнейшем будем понимать под восходящим или нисходящим движением интенсивности. В русском языке носителем фразового ударения является последний ударный слог. Поэтому в русском языке заударная часть была несущественной для сопоставления, а было важно осуществление движения к ударному слогу. В чешском языке считалось, что имеет место совпадение этих параметров при совпадении **з а у д а р н ы х** частей (или движения в ударных слогах, если синтагма кончалась односложным словом).

При подсчете результатов оказалось, что, как и для русского языка, есть случаи как совпадения, так и расхождения движения мелодики и интенсивности. Был произведен следующий подсчет: отмечалось число несовпадений при восходящей и при нисходящей мелодике неконечной синтагмы (в конечной синтагме движение — понижающееся — совпадало).

Мелодика	Диктор В	Диктор N
восходящая	26	16
нисходящая	1	8

Цифры показывают число несовпадений (из общего числа 60 примеров).

Таким образом, предполагается, что интенсивность имеет тенденцию понижаться⁵⁴.

Однако имеет место и совпадение мелодики и интенсивности (восходящих). Кроме того, в одних и тех же примерах у дикторов движение интенсивности различно. Приведем примеры:

1. В чтении одного диктора (диктора В) случаи восходящей или нисходящей мелодики с разным типом интенсивности.

Мелодика восходящая	Интенсивность	Мелодика восходящая	Интенсивность
<i>Já čtu/</i>	нисх.	<i>Setmělo se/</i>	нисх.
<i>Všechno bude v pořádku/</i>	нисх.	<i>Už je tma/</i>	восх.
<i>Sli jsme domů/</i>	нисх.	<i>Uteklo několik okamžiků/</i>	нисх.
<i>Pvoto aby dcera mohla studovat/</i>	восх.	<i>Mlčela/</i>	нисх.
<i>Dcera studovala/</i>	восх.	<i>Kam odešli/</i>	нисх.
<i>Sotva se setmělo/</i>	восх.	<i>Silně ho udeřili/</i>	восх.

2. В чтении обоих дикторов — случаи совпадения движения интенсивности при разной мелодике (в одних и тех же примерах).

	Интенсивность	Мелодика	Диктор
<i>Mlčela/</i>	нисх.	восх.	В
		нисх.	Н
<i>Setmělo se/</i>	нисх.	восх.	В
		нисх.	Н
<i>Ačkoliv je tma/</i>	восх.	восх.	В
		нисх.	Н

3. В чтении обоих дикторов — несовпадения движения интенсивности при совпадении мелодики (в одних и тех же примерах).

⁵⁴ См. об этом: V. M a t h e s i u s. K dynamické linii české věty. «Čeština a obecný jazykozpyt». Praha, 1947.

	Интенсивность	Мелодика	Диктор
<i>Všechno bude v pořádku/</i>	восх. нисх.	восх. »	В N
<i>Přestěhovali jsme se do města/</i>	нисх. восх.	» »	В N
<i>Začali jsme mluvit/</i>	восх. нисх.	» »	В N

2

Во многих работах по чешской интонации отмечалось обязательное динамическое фиксирование ударного слога синтагмы как особенность чешского языка⁵⁵. Графики интенсивности, составлявшиеся для наших примеров, показывали иногда неотмеченную интенсивность для ударного слога⁵⁶. Для понимания механизма этого явления была составлена таблица, фиксирующая отмеченность /неотмеченность ударного гласного, в зависимости от следующих трех факторов: 1) качества гласного ([a], [o], [i], [e], [u]), 2) количества гласного (долгий или краткий) и 3) типа мелодики. Полученные данные не дали положительных результатов; кроме того, в одних и тех же примерах дикторы проявляли эту отмеченность по-разному при прочих равных условиях.

Наиболее постоянным было соотношение между мелодикой и интенсивностью в следующем случае: если в

⁵⁵ Однако количественно интенсивность даже выделенного слога в чешском языке небольшая (см.: Н. G a l t o n. On the supposed delimitative accent in West slav. «Archivum linguisticum», 1955, fasc. 2), поэтому носители языка с предпочтительным длительным ударным слогом (русские, например) обычно «слышат» ударение на долгом гласном.

⁵⁶ В последнее десятилетие взгляд на неперемнное и обязательное динамическое фиксирование ударения в чешском уже пересмотрен. Ф. Данеш предлагает избегать термина «динамическое ударение», считая фразовое ударение комплексным понятием. В этом отношении крайне интересна работа А. Скаличковой, менявшей место слова — носителя фразового ударения в магнитофонной записи одной и той же фразы. Результатом было убеждение, что «ударение не выражается интенсивностью, во всяком случае не одной только интенсивностью» (А. S k a l i č k o v a. K otázce vethiho přízvuku v češtině. «Acta universitatis Carolinae Pragensis». — «Philologica», 1956, 2).

данном примере мелодика восходящая с самым низким положением ударного слога (тип I — ↓ —), то ударный слог обычно бывает отмечен (см. рис. 8. Соотношение мелодики и интенсивности во фразе *Uteklo několik okamžiků, a tvrdě usnul* в произношении диктора В). При резко восходящем движении тона на ударном слоге он обычно экспираторно не отмечен. Однако все приведенные соотношения далеко не абсолютны.

Соотношение интоном

Каждому примеру, прочтенному обоими дикторами, был сопоставлен набор параметров в относительных величинах — пауза, темп и мелодика. В соответствии с этим примеры, как и примеры, описанные в русской части, распались на группы, согласно выбранной при чтении интономы, передающей отношения между синтагмами.

Число возможных интоном — 27 (3³).

Перечислим возможные интономы и число примеров, прочтенных с этой интономой у каждого диктора.

Интонома	Число примеров		Интонома	Число примеров	
	диктор В	диктор N		диктор В	диктор N
111	8	5	223	2	3
112	—	—	231	14	8
113	1	1	232	—	1
121	2	1	233	10	6
122	—	—	311	4	2
123	1	1	312	—	2
131	—	4	313	1	5
132	—	—	321	2	1
133	—	—	322	—	—
211	3	2	323	—	2
212	—	1	331	1	4
213	4	4	332	—	—
221	1	1	333	6	6
222	—	—			

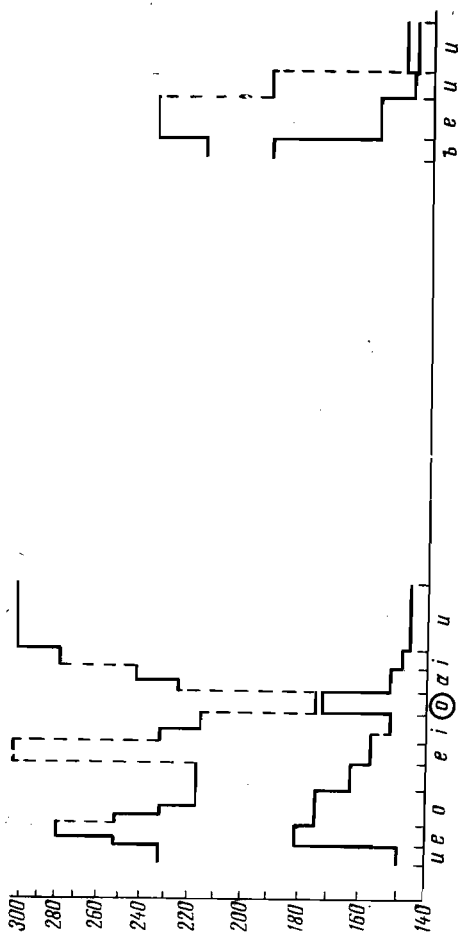

Рис. 8. Соотношение мелодики и интенсивности в ударном слоге неконечной синтагмы во фразе *Utéklo nékolik okamžiků, a tvrdě usnul*. Диктор N

Целью настоящего подсчета не было определение количественного веса каждой группы; анализу подвергался не случайно выбранный материал, статистическая однородность которого проверяется, а специально подобранные по возможности разнородные примеры. Более важно было разобраться в том, какие интонаемы оказались фиктивными. Нереальность интоном типа 112, 122, 132, 133 была очевидна, поскольку анализ показал, что минимальная пауза (1 ...) обычно не сочетается с нисходящей мелодикой неконечной синтагмы. Такая взаимосвязанность и взаимоопределяемость компонентов интонации еще раз говорит о том, что мы имеем дело со связанным пучком значений, а не со свободно комбинирующимися «морфами».

Однако внутри каждой из групп, как бы одинаково ни соотносились они по количественному составу у обоих дикторов, оказывались далеко не одни и те же примеры. Более полный анализ того, какие именно (по своим сегментным показателям) примеры совпадали по чтению, а какие — произносились различно, как говорилось во введении, представляет одну из основных целей настоящей работы. Но представляется целесообразным отложить рассмотрение этого вопроса до общетипологической части, рассмотрев все привлеченные данные.

В целом можно сказать лишь, что из 60 прочтенных примеров 27 примеров совпали по чтению по всем параметрам, 6 — не совпали полностью, 16 — различались по одному компоненту, 11 совпали по одному компоненту, различаясь по двум другим.

Более конкретно эти данные распределились следующим образом:

	Различаются по одному компоненту			Совпадают по одному компоненту		
	мелодика	темп	пауза	мелодика	темп	пауза
Число примеров	3	8	5	7	2	2

Эти данные, сколь скудны бы они ни были, подтверждают высказанную в первой части гипотезу о том, что наиболее «закрепленным» по чтению фактором является мелодика, более свободным — пауза и наиболее разнотолкуемым — темп.

ПОЛЬСКИЙ ЯЗЫК

Пауза

1

Подсчет первый. Определялось распределение величины паузы в соответствии со знаками препинания (в мсек). Результаты подсчетов:

Диктор	,	—	:	()
В	112,8	229,1	285	403,9
W	121,7	313,5	371	340,7

Подсчет второй. Соотношение союзных и бессоюзных предложений по величине паузы:

Диктор	,		—		()	
	с союзом	без союза	с союзом	без союза	с союзом	без союза
В	88,5	200	218,8	240,6	375	432,9
W	103,2	174,3	342,8	284,3	332	354

Подсчет третий. Соотношение величины паузы и союзной части предложения (препозиция, постпозиция):

Диктор	,		—	
	препозиция союзной части	постпозиция союзной части	препозиция союзной части	постпозиция союзной части
В	125,8	58,2	224,1	202,5
W	135,5	75,1	302,7	463

По результатам этих подсчетов данные диктора В (мужской голос), если так можно сказать, хрестоматийны: 1) пауза в бессоюзных предложениях больше, чем паузы в союзных предложениях, 2) пауза перед союзной частью (обычно несущей менее важную часть сообщения) меньше, чем пауза после союзной части, 3) паузы в соответствии со знаками препинания регулярно возрастают по принципу: , < — < : < (). Такой тип произношения напоминает чтение русского диктора Х, анализировавшегося в первой главе. Отличие диктора W (женский голос) — в трех пунктах: 1) перед союзной частью со знаком тире пауза больше; 2) перед тире в бессоюзных предложениях пауза меньше, чем в союзных; 3) общая величина паузы при скобках меньше, чем величина паузы при двоеточии.

Однако приведенные данные говорят лишь о наличии некоторой тенденции, но не закономерностей (из-за неоднородности — по заданности — материала).

Посмотрим более конкретные данные. У обоих дикторов наблюдались случаи нулевой паузы. Во всех случаях это были примеры одного типа — союзные с немаркированным союзом (как в препозиции, так и в постпозиции). Существенно определить, в каких именно случаях союзные предложения отмечались паузами. Все случаи, отмеченные паузами у диктора В, были отмечены и диктором W. Кроме того, диктором W было дополнительно отмечено паузой несколько примеров.

Из союзных предложений отмечены паузами предложения с сочинительными союзами (*Ja czytam, a on pisze; Przeszło trochę czasu, i ogarnął go sen; Nie odpowiedziała nic i w tym była nagana*), а также предложения с препозитивными союзными частями (*Ledwie się ściemniło, rozszalała się burza; Chociaż już ciemno, ja i tak pojedę; Skoro już zaczęliśmy mówić, omówimy tę sprawę do końca*). Из предложения с постпозитивной союзной частью с подчинительными союзами диктором В было отмечено только предложение *Mocno go uderzyli, co było niesprawiedliwie*, а диктором W сверх того еще и предложение *Mocno go uderzyli, kiedy wszedł*.

Как говорилось выше, гипотеза о величине паузы в соотношении с маркированными показателями трех сегментных средств была следующей:

1. Пауза в предложениях с маркированным союзом должна быть обязательно отмечена и иметь (приблизительно) ту же величину при всех трансформациях (перестановка частей, замена знака препинания). Принцип Пешковского не должен быть ярко выражен или может не соблюдаться совсем.

2. Пауза в предложениях бессоюзных с маркированным лексическим составом должна быть больше пауз в предложениях с немаркированным лексическим составом; величина ее не должна существенно меняться при трансформациях.

3. Пауза в предложениях с немаркированным союзом и немаркированным лексическим составом должна варьировать свою величину в соответствии со знаком препинания (допускается, что эта иерархия в каждом языке может быть различной с сохранением основного немаркированного знака — запятой).

Посмотрим, как подтверждаются выдвинутые гипотезы на данном материале.

Оба союзных предложения с маркированными союзами были отмечены (в позиции с немаркированным знаком препинания — запятой) паузами. Например, предложение *Mocno go uderzyli, co było niesprawiedliwie* имело паузу 102 мсек у диктора W и паузу 75 мсек у диктора B (ср. в произношении диктора B нулевые паузы во фразе *On wyjechał, żeby dostać pracy; On wyjechał, bo tutaj nie ma pracy; Mocno go uderzyli, tak że upadł; Mocno go uderzyli, kiedy wszedł; Wszystko będzie dobrze, jeśli on przyjdzie; Poszliśmy do domu, ponieważ zaczął padać deszcz; Dokąd poszli niewiadomo; Wydało mu się, że pies wyje; Żeby córka uczyła się, zamieszkaliśmy w mieście*, а также аналогичное чтение большинства приведенных примеров в чтении диктора W).

Предложение *Nie odpowiedziała nic, i w tym była naganą* отмечено паузой в 286 мсек в чтении диктора W (ср. паузу 126 мсек в чтении того же диктора в предложении *Przeszło trochę czasu i ogarnął go sen*) и паузой 80 мсек в чтении диктора B.

Тезис о некотором постоянстве в величине паузы при трансформациях не подтвердился. Так, пауза в приведенных примерах имеет следующее распределение величин:

	,	—	Диктор
<i>Nie odpowiedziała nic / i w tym była nagana</i>	80	120	В
То же	286	546	W
Ср. <i>Chociaż już ciemno / ja i tak pojedę</i>	245	265	В
То же	408	324	W

Не подтвердился также тезис о возможном несоблюдении принципа Пешковского. Так, в приведенном выше предложении при ликвидации союза пауза возросла у диктора В от 80 до 240 мсек, у диктора W — от 286 до 328 мсек (ср. гораздо меньшее увеличение паузы в примере *Ledwie się ściemniło, rozszalała się burza*: от 60 до 130 мсек у диктора В и от 102 до 146 мсек у диктора W).

Гипотеза о величине паузы и ее стабильности при замене знака препинания подтвердилась. Ср., например; *Wydało mi się/pies wyje* (запятая — пауза 220 мсек, тире — пауза 210 мсек, диктор В), но (в произношении того же диктора) — *Wszystko będzie dobrze, on przyjdzie* — запятая с нулевой паузой и тире — с паузой 175 мсек.

Распределение величины пауз в предложениях в соответствии со знаками препинания (несмотря на средние данные, приведенные выше) говорит о тенденции к возрастанию паузы не в ряду, $< - < : < ()$, как в русском языке, а в ряду, $< : < - \leq ()$ ⁵⁷. (Сходная тенденция — делать тире наиболее усиленным знаком — наблюдалась и по данным чешских дикторов). См. примеры:

⁵⁷ М. Длуска отмечает значительное возрастание паузы при двоеточии (dwukropiek), но это, правда, при сравнении с запятой (przecinek) (см.: М. Д л у с к а. Prozodia języka polskiego. Kraków, 1947, стр. 34 и сл.).

	,	—	:	()	Диктор
<i>Ja czytam / on pisze</i>	166	282	266	282	W
<i>Poszliśmy do domu / zaczął padać deszcz</i>	136	452	354	318	W
<i>Ściemniło.../rozszalała się burza</i>	146	364	256	258	W
<i>Poszliśmy do domu / zaczął padać deszcz</i>	265	330	250	385	B
<i>Ściemniło / rozszalała się burza</i>	130	280	270	385	B
<i>Ja czytam / on pisze</i>	180	400	400	410	B

3

Рассмотренные примеры, если подходить к ним с критериями маркированности/немаркированности, точнее соотношений в величине паузы при маркированных примерах, предлагают в некоторых случаях распределение пауз, полностью удовлетворяющее предложенным критериям. Таким образом, остается либо включить эти примеры в число примеров с маркированными показателями, либо, напротив, объявить предложенные критерии нерелевантными. Более подробно этот вопрос будет рассматриваться в заключительной части. Например, фразы *Ja czytam, on pisze*; *Ściemniło się rozszalała się burza*; *Poszliśmy do domu, zaczął padać deszcz* «претендуют» на маркированность лексического состава, а фраза *Choć już ciemno, ja i tak pojedę* — на маркированность союза. Величины пауз в перечисленных примерах (бессоюзных) приводились выше, в данном месте целесообразно сравнить со значительно более резким изменением величин пауз в других предложениях. Ср.:

	,	—	:	()	Диктор
<i>Wszystko będzie dobrze / on przyjdzie</i>	—	190	175	400	B
То же	132	406	226	414	W
<i>Córka uczyła się / zamieszkaliśmy w mieście</i>	165	400	375	600	B
То же	138	285	300	336	W

Относительные величины пауз были распределены по дикторам следующим образом:

I диктор В — от 0 до 100 мсек; диктор W — от 0 до 150 мсек
 II —“ от 100 до 350 мсек; „—“ от 150 до 300 мсек
 III —“ от 350 мсек; „—“ от 300 мсек

Темп

1

Темп польской речи также сначала рассматривается в трех подсчетах.

Подсчет первый. Соотношение темпа речи и пунктуации:

Диктор	,	—	:	()
W	76,2/76,1	81,3/77,8	88,9/94,4	84,2/79,1
B	71,2/77,3	73,5/79,1	72,4/68,2	74,2/64,3

Подсчет второй. Соотношение темпа в союзных и в бессоюзных предложениях:

Диктор	,		—		()	
	с союзом	без союза	с союзом	без союза	с союзом	без союза
B	74,9/76,6	80,1/74,6	71,9/77,7	83,9/79,9	77,8/75,7	89,9/82,2
W	70,5/75,8	73,2/81,4	70,1/73,2	77/85	71,6/61,8	76,7/66,8

Подсчет третий. Соотношение темпа в частях союзного предложения в зависимости от позиции союзной части:

Диктор				
	препозиция	постпозиция	препозиция	постпозиция
В	80,9/74,1	71,6/77,9	79,2/76,4	78,5/74,3
W	70,7/76,4	70,4/75,5	71,4/74,9	67,1/68,2

На основании этих данных можно заключить лишь следующее:

1. Очевидно, у диктора В наблюдается тенденция произносить первую часть предложения медленнее второй; у диктора W — напротив, наблюдается стремление более медленно произносить вторую часть.

2. Темп в бессоюзных предложениях (в обеих частях) медленнее по сравнению с темпом союзных предложений — см. данные второго подсчета (за исключением произношения частей союзного предложения при запятой у диктора В).

3. Маркированным знаком препинания являются скобки — у обоих дикторов вторая часть, заключенная в скобки, произносится быстрее. При этом, однако, необходимо учитывать следующее обстоятельство. Первое впечатление (по данным всех трех подсчетов) как будто бы говорит о небольшом различии между дикторами в этом смысле. Однако разрыв в темпе в среднем на 10 мсек у диктора W по сравнению с разрывом в темпе в 5 мсек для той же позиции у диктора В по существу означает гораздо большую маркированность скобок для диктора W, для которого характерна была обратная тенденция — произносить вторую часть медленнее, тогда как диктор В «и так» произносил вторую часть быстрее.

2

Гипотеза о распределении темпа в соответствии с маркированностью показателей в отдельных предложениях была следующей:

1. Темп (соотносительный) в предложениях с маркированными указателями не должен изменяться при трансформациях пунктуационных.

2. В бессоюзных предложениях с немаркированным лексическим составом при маркированном пунктуационном знаке (скобки) должно наблюдаться изменение в соотношении темпа. Эти данные подтвердились.

	Что маркировано	Темп				Диктор
		,	—	:	()	
<i>Wystarczyło żeby-wszedt / wszyscy ucichli</i>	С	64,3/72,3	64,4/72,7	—	—	W
<i>Wydało mu się/pies wyje</i>	Л	78,4/107,1		79,1/107,2		W
То же	Л	86/95,7		96,2/96,7		В
<i>Już ciemno / ja i tak pojedę</i>	Л	90,6/72,8		90,6/72,6		В
Но:						
<i>Wszystko będzie dobrze / on przy-jdzie</i>	—	68,1/66,3	70,9/72,8	66,6/91,4	68/102,4	В
<i>Poszliśmy do do-mu / zaczął pa-dać deszcz и т. д.</i>	—	80,7/86,1	70,7/71,7	61,8/84	65,7/55,7	W

Однако предложение *Nie odpowiedziała nic, i w tym była nagana* произносилось обоими дикторами с изменением темпа, тогда как его бессоюзный вариант *Nie odpowiedziała nic, w tym była nagana* произносился без изменений в темпе. Предложение *Ja czytam (on pisze)* в произношении обоих дикторов наблюдалось как предложение с маркированным лексическим составом.

Тенденция к изохронности наблюдалась отчетливо для немногосложных отрезков. Например, отрезок *pies wyje* как в препозиции, так и в постпозиции (и при любых знаках препинания) произносился диктором В со средней продолжительностью звука 95,7 мсек (выше среднего), а диктором W — со средней продолжительностью звука 107,5 мсек (также выше среднего).

Средняя продолжительность звука колебалась у диктора W в пределах от 56 до 127 мсек, у диктора В — в пределах от 60 до 133 мсек.

Справедливость принципа Пешковского для темпа проверялась также двояко: 1) увеличение направления в разрыве между средней продолжительностью звука обеих синтагм, 2) удлинение (увеличение продолжительности звука у части, утратившей союз).

Первая тенденция наблюдалась у диктора W — в 5% примеров, у диктора B — в 3% примеров.

Вторая тенденция проявлялась в 75% примеров (для диктора W) и в 70% (для диктора B).

Специально рассматривалось соотношение длительности и ударного гласного в польском языке. Эта проблема (является ли ударный слог самым длительным) рассматривалась для синтагмы, но не для слова. В польском языке носителем фразового и синтагматического ударения является предпоследний слог последнего слова (закон пенультимы), не считая энклитик. В анализированных примерах определялось, имеет ли место это соответствие в первой, неконечной синтагме и во второй синтагме, конечной⁵⁸.

Удлинением ударной гласной считалось ее увеличение по сравнению с безударными слогами в предударной позиции и с ударными гласными других слов той же синтагмы. Длительность последнего слога при этом не принималась во внимание, поскольку известен тот факт, что в польском языке последний слог сильно продлен (позиция обусловлена).

Таким образом, при соблюдении указанных условий были получены следующие результаты: для диктора B удлинение ударного гласного отмечалось по первой синтагме — в 70% случаев, по второй синтагме — в 78,3%; для диктора W по первой синтагме — в 80,1% случаев и по второй синтагме — в 87,3%.

Таким образом, можно говорить о тенденции к удлинению гласных в позиции синтагматического ударения

⁵⁸ Специально и детально степень длительности гласных разного качества и в разных позициях для польского языка описывал В. Яссем (W. J a s s e m. *Aczent języka polskiego*, Warszawa — Kraków, 1962, стр. 74—109). Данные Яссема будут в дальнейшем привлекаться для сопоставления.

в польском языке и о том, что эта тенденция наиболее отчетливо проявляется во второй синтагме, т. е. в абсолютном конце. Однако в некоторых предложениях у обоих дикторов в любых условиях конечный гласный остается кратким. Например, такова соотносительная величина ударных гласных в обеих синтагмах в предложении *Ja czytam, a on pisze* (или *Ja czytam, on pisze*), то же относится к первой синтагме предложения *Żeby córka uczyła się, zamieszkaliśmy w mieście*.

Кроме длительности ударного гласного в польском языке в общем виде, определялась также соотносительная длительность гласных в польском слоге. При этом учитывались три типа показателей (в мсек): величина предударного гласного — 1-я позиция; величина ударного гласного — 2-я позиция; величина последнего гласного в синтагме (заударного) — 3-я позиция. Эти три позиции определялись для польских гласных *i, y, a, o, u, e*⁵⁹.

Разумеется, при этих подсчетах не учитывались факторы, возможно, очень важные — тип соседнего гласного, тип слога (открытый или закрытый), а также (для ударного) то, является ли он предпоследним или расположен в абсолютном конце (в случае односложного слова). Итак, были получены следующие количественные данные по распределению длительности гласных в соответствии с позицией данного гласного (в мсек):

Гласный	Диктор В			Диктор W		
	позиция			позиция		
	1-я	2-я	3-я	1-я	2-я	3-я
<i>i</i>	63,2	80,3	76,1	57,4	111,4	98,1
<i>e</i>	58,4	85,8	93,2	59,2	108,4	110,1
<i>a</i>	81,7	104,6	94,7	68,1	138,4	118,7
<i>o</i>	73,3	97,4	112,1	67,9	122,7	129,4
<i>u</i>	73	108,8	85	80,0	121,2	125
<i>y</i>	56,3	85	62,8	68,7	103,5	104

⁵⁹ Назализованные гласные не рассматривались.

Приведенные данные в целом не совпадают по порциям в средней длительности гласных с данными В. Яссема⁶⁰, но в целом так же, как и в его цифрах, гласные делятся на две группы — долгие *a, o, e, u* и краткие — *i* и *y*. Продление последнего слога имело место регулярно, но по соотношению с ударным гласным длительность заударного гласного была то большей, то меньшей⁶¹, но всегда большей, чем длительность предударного гласного. У диктора W. наблюдалась тенденция произносить заударный гласный одинаково по длительности с ударным (например, три *a* в слове *pagana* имеют распределение длительности — 80—140—140 мсек. Таких примеров можно привести много).

Мелодика

1

Необходимо, как и для чешского языка, определить, что в польском языке является восходящей, и что — нисходящей мелодикой.

Восходящая мелодика (неконечной синтагмы). О. Брок, говоря о польском языке, отмечал в первую очередь основной релевантный фактор — положение тона в последнем слоге⁶². Ударный же слог может как повышаться по отношению к предударному слогу, так и, напротив, располагаться значительно ниже предударного⁶³.

Х. Водарц повторяет схему Брока, выводя основные типы неконечной синтагмы в польском языке (↓ — ударный слог)⁶⁴:

⁶⁰ W. J a s s e m. Akcent języka polskiego, стр. 97. — Гласные распределяются в следующей последовательности (по степени убывания длительности): ударные — *a* (101,3), *o* (98,2), *e* (91,6), *u* (90), *y* (73,3), *i* (72,9); безударные неконечные — *a* (93), *o* (79,1), *u* (72,5), *y* (71,1), *e* (68,6), *i* (65).

⁶¹ В конкретных примерах, приводимых В. Яссемом («Akcent języka polskiego», стр. 74—91), также крайне разнообразны соотношения ударных, предударных и конечных заударных гласных.

⁶² О. Брок. Очерки физиологии славянской речи. СПб., 1910, стр. 245—246.

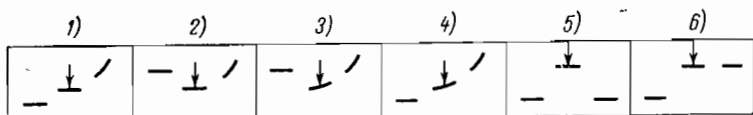
⁶³ Этот тип Брок считает наиболее характерным для польского языка.

⁶⁴ H.-W. W o d a r z. Zur Satzintonation des Polnischen. «Phonetica», 1962, v. 8, № 3.

- 1) — \downarrow /
 2) — \downarrow /

где обязательно, по сравнению, например с чешским, очень резкое восхождение тона на последнем гласном (особенно в вопросе).

Наиболее подробно движение тона в польской фразе описано в упоминавшейся книге В. Яссема⁶⁵. Какие именно типы (используя символику Водарца) он приводит? Судя по приводимым им детальным мелодическим рисункам, в неконечной синтагме различаются следующие типы⁶⁶:

Наиболее существенно введение пятого типа (с понижающейся заударной частью), не отмеченного ни Брокком, ни Водарцем.

Различая степень движения тона в слове (резкое или ровное), общее движение тона и тот относительный участок, на котором данное движение реализуется, В. Яссем выделяет 6 видов фразовых мелодических ударений (которые он называет интонемами):

1) восходящая низкая (т. е. начинающаяся на низком тоне);

2) восходящая высокая (начинающаяся на среднем тоне);

3) нисходящая низкая (т. е. конечная терминальная с резким падением тона на последнем ударном слове.— *Т. Н.*);

4) нисходящая высокая (кончающаяся на среднем тоне, т. е. с повышением на ударном и понижением на заударном.— *Т. Н.*);

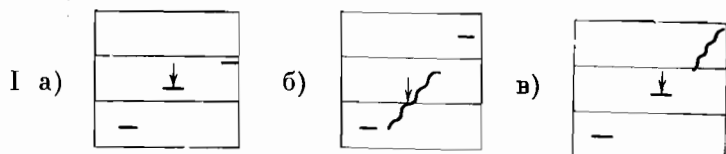
5) ровная низкая (терминальная, с ровным понижением тона);

⁶⁵ W. J a s s e m. *Aczent języka polskiego*, стр. 24—69.

⁶⁶ Разное чтение фраз *Kto rano wstaje, temu pan Bóg daje; Co ma wisieć, nie utonie.*

б) ровная высокая (т. е. неконечная, с ровным повышением тона) ⁶⁷.

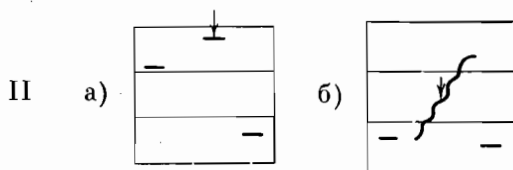
Анализовавшиеся примеры не дают, разумеется, ничего нового в смысле количества типов движения мелодики. Однако несколько неожиданным, судя по литературе, оказалось их количественное распределение. Сначала изобразим эти типы схематически, немного их перегруппировав.

Тип I характеризуется средним положением ударного гласного по отношению к предударному и заударному. Варианты (а, б, в) отличаются по степени резкости движения тона в гласных.

По нашим данным этот тип (I) наиболее распространен (например: *On wyjechał...* диктор В; *Poszliśmy do domu...* диктор W и т. д.).

(Принципиально возможен еще четвертый вариант — (1г), проявляющийся в тех случаях, когда конечный согласный и есть ударный (т. е. заударная часть «отрезана»).

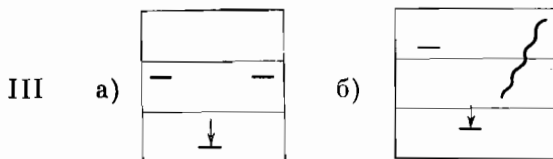
Тип II характеризуется падением заударной части и очень высоким положением ударной. Условно этот тип можно назвать «русским», так как для современного русского произношения (см. гл. 1) он наиболее характерен. Как указывалось выше, Брок и Водарц его не упоминают. Ясsem называет его нисходящим высоким ⁶⁸. В случае,

⁶⁷ W. J a s s e m. *Aczent języka polskiego*, стр. 62.

⁶⁸ Однако он указывает на то, что заударная часть кончается на среднем тоне; в наших примерах заударная часть заканчивалась как на среднем, так и на самом низком тоне, т. е. как в русском языке.

если конечный слог ударный, эта интонация совпадает с типом II, происходит нейтрализация).

Этот тип встречался у обоих дикторов, особенно у диктора W, например: *Wydało mu się...*; *Chociaż już ciemno... Ledwie się ściemniło...*; *On wyjechał...* и т. д.

Тип III, в первую очередь отмеченный Брокком и столь характерный для чешского языка (см. выше), в наших примерах был очень редок. Диктором W он использован в двух примерах (речь идет о «рабочих», а не об «исходных» примерах, т. е. это означает, что этот же отрезок в другом случае мог читаться иначе): *Ja czytam; Skoro już zaczęli mówić...* Диктором B этот тип чтения был использован в семи рабочих примерах (*Wszystko będzie dobrze, jeśli... Poszliśmy do domu, ponieważ: Skoro już zaczęli mówić — omówimy...*; *Ja czytam, on... Chociaż już ciemno, ja...; Dokąd poszli... Ledwie się ściemniło...* Особенностью этого типа является также обязательное понижение к ударному, так что фраза становится нисходяще-восходящей и имеет очень характерный рисунок.

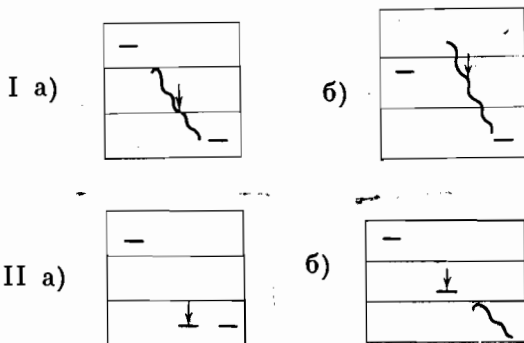
Для нисходящей мелодики O. Брок говорит о низком положении последнего слога, вводя (теперь уже совсем устаревшее) положение о том, что «все ударные слоги в предложении повышаются, а последний — нет»⁶⁹. X. Водарц говорит об обязательном резком понижении тона на последнем ударном слоге, последний безударный может оставаться на том же уровне⁷⁰.

Точка зрения Яссема, различающего два вида терминальной каденции — нисходящую низкую и ровную низкую, — изложена выше.

В наших примерах различалось также два основных варианта конклюдивной каденции:

⁶⁹ O. Б р о к. Указ. соч., стр. 245.

⁷⁰ H.-W. W o d a r z. Zur Satzintonation des Polnischen.

Оба варианта могут осуществляться в абсолютном конце (в конечной синтагме); первый же вариант (особенно «а») характерен для неконечной синтагмы. Для типа II возможно еще дополнительное проявление — первый предударный бывает значительно выше второго предударного, т. е. получается некий «столбик», заканчивающийся ударным.

Например: *Zamieskaliśm^v w mieście..., I w tym była n^a gana,.... Wystarczyło żeb^v wszedł...* и т. д. Это явление свойственно обоим дикторам и характерно для многосложных синтагм.

Если последний слог ударный, разница типов сохраняется.

Перечисленные типы восходящих и нисходящих мелодик показывают, насколько существенно фиксировать не только положение слога (ударного и заударного), но и тип движения мелодики в слоге. Так, например, рисунок

— ↓ —, взятый сам по себе, по существу ничего не говорит о том, какова мелодика этой синтагмы, если рассматривают только усредненные положения слогов, но если

раскрыть более точно движение мелодики в слогѣ, то может быть

, т. е. нисходящая мелодика,

или

, т. е. восходящая мелодика («русский тип»).

2

Гипотеза о распределении мелодического рисунка была следующей:

1. Мелодика предложений с маркированными союзами должна отличаться от мелодики исходной интонации, т. е. быть нисходящей в неконечной синтагме.

2. Мелодика этих предложений и предложений с лексически маркированным составом не должна изменяться при замене знака препинания (кроме скобок).

3. Мелодика союзных предложений с немаркированным союзом должна изменяться при введении маркированного знака препинания — скобок.

4. Мелодика бессоюзных предложений с немаркированным лексическим составом должна изменяться в соответствии с моделью, требуемой данным знаком препинания.

В наших примерах первая часть гипотезы подтвердилась. Так, предложение *Mocno go uderzyli, co bylo niesprawiedliwi* произнесено обоими дикторами с нисходящей мелодикой неконечной синтагмы. Так же произнесена фраза *Nie odpowiedziała nic, i w tym była nagana*. Предложения с предполагаемым (потенциальным) маркированным союзом *Mocno go uderzyli, tak że upadł* и *Przeszło trochę czasu, i ogarnął go sen* произносили: первое — обоими дикторами с нисходящей интонацией, второе — диктором W с нисходящей интонацией и диктором B — с восходящей.

Предложение с маркированным лексическим составом (или союзом — случай, по существу промежуточный, был выбран сознательно): *Wystarczyło żeby wszedł, wszyscy ucichli* — произнесено с восходящей интонацией обоими дикторами и при всех трансформациях.

Предложение *Sciemniło się, rozszalała się burza* произнесено обоими дикторами с нисходящей интонацией, одинаковой при трансформациях (у диктора В от 150 до 86 и от 111 до 75 гц, у диктора W от 333 до 188 и от 300 до 176 гц).

Группа предложений с тождественной главной частью и переменной придаточной произносилась одинаково по частотному диапазону каждым диктором (диктором W первая часть — от 280 до 429 гц; диктором В — от 143 до 200 гц). Так же произносились ($\pm 5-10$ гц) варианты предложений с перемещенными частями (*Dokąd poszli, niewiadomo — Niewiadomo, dokąd poszli*).

3

Бессоюзный и союзный варианты одного и того же предложения произносились следующим образом (в пределах того же знака):

1. При запятой и тире мелодика неконечной синтагмы чаще была повышающейся *Wszystko będzie dobrze, on przyjdzie; Nie odpowiedziała nic, w tym była nagana*; и т. д.). В некоторых случаях (в случае тире) мелодика понижалась, в случае запятой — нет; кроме того, именно в этих случаях наиболее часты были разночтения у обоих дикторов (диктор W «предпочитал» понижающуюся мелодику, диктор В — повышающуюся).

2. Бессоюзные предложения в случае скобок по сравнению с аналогичным союзным вариантом не меняют свою мелодику.

Таким образом, принцип Пешковского (более яркое выражение) не подтверждается мелодическими средствами. Не подтверждается он и в том случае, если считать принцип замены как изменение чего-то, поскольку те бессоюзные предложения, мелодика которых принципиально иная, чем в аналогичных союзных, явно не передают те же синтаксические отношения.

4

Пунктуационно-мелодические модели распределяются, судя по полученным данным, следующим образом:

1. Предложения со скобками имеют понижающуюся мелодику в первой части и более низкий уровень мело-

дики во второй части ⁷¹. Данное положение справедливо как для союзных, так и бессоюзных предложений.

2. Для двоеточия характерна понижающаяся мелодика неконечной части ⁷². Уровень второй части может быть как высоким, так и низким.

3. Мелодика запятой и тире не различается по рисунку; мелодика неконечной синтагмы может быть как повышающейся, так и понижающейся (последнее чаще в бессоюзных предложениях).

5

Абсолютные показатели мелодического движения у диктора укладывались в максимальный размах от 250 до 429 гц при восходящей мелодике (наиболее частым было движение от 250 до 373 гц) и от 330 до 136 гц при нисходящей мелодике (наиболее часто от 330 до 157 гц). У диктора В максимальный размах был от 111 до 187 гц (наиболее частое движение от 111 до 160 гц) при восходящей мелодике и от 182 до 111 (наиболее частое от 143 до 75 гц) при нисходящей мелодике.

Мелодические рисунки диктора В почти полностью совпадали с частотным диапазоном, характерным для русского диктора М (таким образом, о национальном своеобразии мелодического рисунка, приводя конкретные указания типа «характерно для данного языка повышение на сексту, на квинту» и т. д., необходимо говорить с большой осторожностью).

Для дикторов выделялись следующие уровни (в гц):

Диктор В	Диктор W
I до 97	до 136
II от 97 до 120	от 136 до 250
III от 120 до 166	от 250 до 375
IV от 166	от 375

⁷¹ Это понижение голоса отмечено М. Длуской (М. D ł u s k a. Указ. соч., стр. 34).

⁷² М. Длуска (указ. соч.), с одной стороны, говорит, что двоеточие есть показатель голоса («trochę spuszczonego»), с другой стороны, приводит пример влияния пунктуации на интонацию, цитирует две фразы: *Nauczyciel powiedział: inspektor jest ostem; Nauczyciel — powiedział inspektor — jest ostem* и утверждает, что антикаденция (т. е. восходящая мелодика.— Т. Н.) в первом случае размещается на слове *powiedział*, а во втором — на словах *nauczyciel* и *inspektor*,

Интенсивность

При определении интенсивности главным образом учитывался тип ее соотношения с мелодикой. Польский язык по возможности определения движения интенсивности в направлении ударного слога ближе к русскому, чем чешский, где выделенным является первый слог.

При исследовании соотношения интенсивности и мелодики изучались два типа отношений:

1. Каково общее движение интенсивности в данной синтагме? Как оно соотносится с движением мелодики в той же синтагме?

2. Выделены или нет ударные слоги в данной синтагме? Как соотносится это выделение/невыделение и движение мелодики на этом участке?

Оба выделенных фактора принципиально различны. Поясним сказанное. Первый фактор учитывает общее движение интенсивности в данной синтагме. Так, следующий

тип движения динамики будет нисходящим

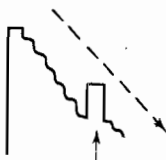

а восходящим будет считаться как просто восходящий

так и нисходяще-восходящий (т. е. тот тип, когда в конце начинается повышение интенсивности).

Второй пункт отвечает на другой вопрос — выделен или нет ударный слог по сравнению с окружающими слогами, при этом общее движение интенсивности может быть как восходящим, так и нисходящим, например:

По поводу динамического ударения в польском языке в настоящее время существуют разногласия, по существу выходящие за рамки только польской проблематики. В статье «Фонология польского ударения» В. Яссем отмечает многие случаи несовпадения ударного слога и динамически выделенного и приходит к выводу о том, что ударение в польском языке выделяется мелодически, но не экспираторно⁷³. Позднее эти данные повторены в книге «Akzent języka polskiego». Эта гипотеза о приоритете мелодического фактора (или длительности) над экспирацией подтверждалась данными ряда языков (см. литературу по этому поводу, указанную в первой главе). Однако Х.-В. Водарц в специальной статье, разбирая примеры Яссема и его основную концепцию, считает, что польское ударение всегда экспираторно, но поскольку разные по качеству гласные принципиально обладают разной по максимальной интенсивностью, заударный гласный в принципе может (при восходящей мелодике) иметь большую интенсивность, чем ударный⁷⁴. Более подробно эти случаи будут разобраны в заключительной части; сейчас приведем лишь полученные данные:

1. В приведенных синтагмах рассматривалось движение интенсивности как в первой, так и во второй синтагмах. Во второй синтагме у обоих дикторов всегда было нисходящее движение.

В первой синтагме движение интенсивности было как восходящим, так и нисходящим. В сопоставлении с мелодикой наблюдались следующие показатели:

Диктор *W*: общее число примеров с восходящей мелодикой в первой синтагме 24, из них в 12 движение мелодики не совпадает с движением интенсивности; число примеров с нисходящей мелодикой в первой синтагме — 36, из них не совпадает движение мелодики и интенсивности в 4.

Диктор *B*: общее число примеров с восходящей мелодикой в первой синтагме — 31, из них не совпадает движение мелодики и интенсивности в 22; число примеров с нисходящей мелодикой 29, из них не совпадает движение мелодики и интенсивности — в 9.

⁷³ W. J a s s e m. The phonology of Polish stress. «Word», 1959, v. 15, № 2.

⁷⁴ H.-W. W o d a r z. Ist der polnische Akzent melodisch? «Phonetica», 1961, v. 6.

Таким образом, грубо усредняя, можно сказать, что в случае нисходящей мелодики движение интенсивности и мелодики обычно совпадает, в случае восходящей мелодики — нет; или иными словами: движение интенсивности в польском языке обычно нисходящее. Однако число отклонений от этого тезиса достаточно велико (у диктора W—16 примеров в первой синтагме, у диктора B — 19 таких случаев).

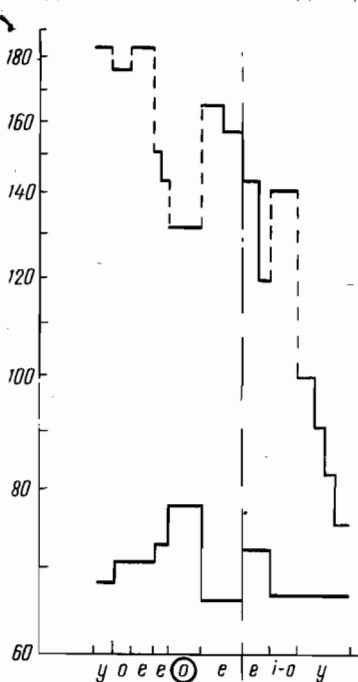
2. По второму пункту приводим данные диктора B. Подсчитывались случаи, когда ударный слог выделен (как в первой, так и во второй синтагме). Результаты подсчета:

Во второй синтагме ударный слог отмечен в 30 случаях (мелодика всегда нисходящая).

В первой синтагме при восходящей мелодике (31 случай) не был выделен ударный слог в 6 случаях; при нисходящей мелодике (29 случаев) ударный слог не был выделен в 20.

Если ответы на первый вопрос (об общем движении) как будто бы согласуются с данными Яссема, то эти результаты оказались неожиданными и не совпадающими ни с данными Яссема, ни с данными Водарца. Однако оба этих автора рассматривали интенсивность слов, а не фраз.

Рис. 9. Соотношение мелодики и интенсивности. *Wszystko będzie dobrze, jeśli on przyjdzie* (диктор B)

Возможен вопрос, насколько связана выделенность ударного слога и тип восходящей мелодики (поскольку, как указано выше, восходящая мелодика в польском языке по существу есть общее имя для разных по положению ударного слога мелодических рисунков). Оказалось, что ударный слог бывает экспираторно отмечен в тех случаях,

когда выбран тип восходящей мелодики с самым низким положением ударного слога (см. рис. 9).

Таким образом, можно высказать предположение, что а) в польском предложении носитель фразового ударения обычно динамически не выделяется (гипотеза Яссема); б) если ударный слог мелодически расположен ниже окружающих, он выделяется экспираторно (т. е. имеет место некоторая компенсация просодических средств).

Однако поскольку (даже судя по нашим ничтожным для таких общих выводов данным) отношения мелодики и интенсивности кажутся крайне сложными, гипотеза высказывается лишь как одна из принципиально возможных.

Интонымы

В польском языке также были сопоставлены группы примеров с выбранными интонами. При этом получились следующие варианты:

Интонома	Число примеров		Интонома	Число примеров	
	диктор В	диктор W		диктор В	диктор W
111			223	3	3
112	—	—	231	14	4
113	—	—	232	—	—
121	5	4	233	8	9
131	—	2	311	—	—
122	—	—	312	—	—
123	—	—	313	2	4
132	—	—	321	—	—
133	—	—	322	1	—
211	5	4	323	3	4
212	2	3	331	—	—
213	1	2	332	—	—
221	4	11	333	11	6
222	1	4			

Данные этого распределения еще раз говорят о том, что некоторые показатели параметров не сочетаются —

минимальная пауза и нисходящая мелодика и, наоборот, максимальная пауза и восходящая мелодика. Цифровые данные групп с интонаемами 231 и 221 показывают отчетливую тенденцию у диктора W выделять более медленным чтением вторую часть фразы, у диктора В — первую.

Были также произведены подсчеты количественного совпадения и несовпадения по параметрам:

Количество примеров, полностью совпавших	Количество примеров, не совпавших полностью	Примеры, различающиеся по параметру			Примеры, совпавшие по параметру		
		пауза	темп	мелодика	пауза	темп	мелодика
16	3	7	14	5	4	2	9

Таким образом, наиболее «непредсказуемым» является темп, затем — пауза и, наконец, мелодика.

УКРАИНСКИЙ ЯЗЫК

Пауза

1

Подсчет первый. Определение общего соотношения величины паузы и знака препинания. Данные средних показателей:

	Диктор Б	Диктор Т	Диктор О	Диктор Г
,	131,3	282,1	207,9	267,3
—	425	323,1	252,1	356,8
:	327,9	364,3	188,9	403,6
()	450	391	379	431,1

Таким образом, для трех дикторов минимальная величина паузы обнаруживалась в примерах с запятой, максимальная — в примерах со скобками (для всех). Что же касается общего распределения величины пауз, то в данном случае движение $\cdot < - < : < ()$ отмечено у дикторов Т и Г; дикторы Б и О произносили примеры с двоеточием с незначительной паузой на границе между синтагмами.

П о д с ч е т в т о р о й. Определение роли союза как общего показателя величины паузы. Как указывалось выше, данные русского, чешского и польского языков свидетельствовали об общей тенденции к увеличению паузы в бессоюзном предложении.

Полученные данные:

Диктор	,		—		()	
	с союзом	без союза	с союзом	без союза	с союзом	без союза
Б	153,5	187,5	438,8	416,4	437,1	465
Т	278,9	291	290	355,1	448	389,7
О	199,8	230,7	244	250,3	376,9	381,1
Г	248,2	313,6	316,7	386,9	404,3	472,1

Таким образом, общая тенденция — увеличивать паузу в бессоюзных предложениях (кроме произношения примеров с тире у диктора Б и примеров со скобками — у диктора Т).

Последний общий подсчет показывал соотношение величины паузы и позиции союзной части (препозиция—постпозиция союза):

Диктор	,		—	
	препозиция союзной части	постпозиция союзной части	препозиция союзной части	постпозиция союзной части
Б	219,1	117,7	449,1	407,5
Т	276	280,6	290	360
О	114,7	246,4	259,3	238
Г	300	220	370,8	435

Проверим соотношение величины паузы в текстах, подобранных соответственно с указанной выше иерархией трех сегментных указателей — союза, лексического состава и пунктуационного знака. В соответствии с выведенной иерархией указателей предполагалось (в отношении паузы) следующее соотношение в союзных предложениях:

1) пауза во фразе с маркированными союзами должна быть больше паузы во фразе с немаркированным союзом;

2) пауза в бессоюзном варианте того же предложения (с маркированным союзом) не должна существенно увеличиваться, т. е. принцип Пешковского не должен соблюдаться;

3) в предложениях с маркированным союзом не должно быть резкого изменения величины паузы при замене знака препинания.

Предложения с маркированными союзами: *Його дуже вдарили, що було несправедливо; Вона промовчала, і в цьому був докір.*

Предложения с возможно-маркированными союзами:

Варто було йому зайти, усі притихли; Його дуже вдарили, так що він упав.

Полученные результаты:

Диктор Б:

Пауза

<i>Його дуже вдарили, що було несправедливо</i>	185
<i>Вона промовчала, і в цьому був докір</i>	520
<i>Варто було йому зайти, усі притихли</i>	310
Но:	
<i>Його дуже вдарили, так що він упав</i>	0
Ср.:	
<i>Ми пішли додому, бо пішов дощ</i>	0
<i>Він виїхав, щоб дістати роботу</i>	0
<i>Усе буде добре, якщо він прийде</i>	0
<i>Він виїхав, бо тут нема роботи</i>	0
<i>Хоч уже темно, я однаково поїду</i>	90 и т. д.

Диктор Т:

	Пауза
<i>Його дуже вдарили, що було несправедливо</i>	240
<i>Вона промовчала, і в цьому був докір</i>	500
<i>Варто було йому зайти, усі при-тихли</i>	308
Но:	
<i>Його дуже вдарили, так що він упав</i>	140
Ср.:	
<i>Він виїхав, щоб дістати роботу</i>	62
<i>Я читаю, а він пише</i>	118
<i>Хоч уже темно, я однаково поїду</i>	160

Диктор О:

	Пауза
<i>Його дуже вдарили, що було несправедливо</i>	202
<i>Вона промовчала, і в цьому був докір</i>	316
<i>Варто було йому зайти, усі при-тихли</i>	160
<i>Його дуже вдарили, так що він упав</i>	202
Но:	
<i>Куди вони попрямували, незрозуміло</i>	0
<i>Хоч уже темно, я однаково поїду</i>	104
<i>Він виїхав, щоб дістати роботу</i>	88

Диктор Г:

	Пауза
<i>Його дуже вдарили, що було несправедливо</i>	250
<i>Вона промовчала, і в цьому був докір</i>	385
<i>Варто було йому зайти, усі при-тихли</i>	360
Но:	
<i>Його дуже вдарили, так що він упав</i>	120
Ср.:	
<i>Усе буде добре, якщо він прийде</i>	0
<i>Він виїхав, щоб дістати роботу</i>	185
<i>Його дуже вдарили, коли він заїшов</i>	190
<i>Він виїхав, бо тут нема роботи</i>	200

Таким образом, очевидная разница в произношении предложений с маркированными и немаркированными союзами отмечается по данным всех дикторов.

Предложение *Його дуже вдарили, так що він упав* воспринималось дикторами как предложение с немаркированным союзом.

Второй пункт гипотезы о величине паузы в предложениях с союзом — положение о несоблюдении принципа Пешковского — проверялся на предложении *Вона промовчала, і в цьому був докір*.

Диктор Б:

	Пауза
<i>Вона промовчала, і в цьому був докір</i>	520
<i>Вона промовчала, в цьому був докір</i> (увеличение на 19%)	620
Но:	
<i>Усе буде добре, якщо він прийде</i>	0
<i>Усе буде добре, він прийде</i>	145
<i>Раз ми почали розмову, обговоримо</i> <i>це питання до кінця</i>	360
<i>Почали розмову, обговоримо це пи-</i> <i>тання до кінця</i> (увеличение на 40%)	500

Диктор Т:

	Пауза
<i>Вона промовчала, і в цьому був докір</i>	500
<i>Вона промовчала, в цьому був докір</i> (т. е. уменьшение паузы)	210
Но:	
<i>Ледве стемніло, вдарила гроза</i>	370
<i>Стемніло, вдарила гроза</i> (увеличение на 72%)	636

Диктор О:

	Пауза
<i>Вона промовчала, і в цьому був докір</i>	316
<i>Вона промовчала, в цьому був докір</i> (уменьшение!)	308
Но:	
<i>Ледве стемніло, вдарила гроза</i>	164
<i>Стемніло, вдарила гроза</i> (увеличение на 51%)	256

Диктор Г:

	Пауза
<i>Вона промовчала, і в цьому був докір</i>	385
<i>Вона промовчала, в цьому був докір</i> (увеличение на 1,5%)	390
Но:	
<i>Я читаю, а він пише</i>	230
<i>Я читаю, він пише</i> (увеличение на 74%)	385

Таким образом, этот пункт гипотезы подтверждается чтением всех четырех дикторов.

Проверяем последний пункт гипотезы об изменении величины паузы в предложениях с союзами (при замене знака препинания величина паузы меняется несущественно):

Диктор Б:

	Пауза	
	.	—
<i>Вона промовчала / і в цьому був докір</i>	520	500
<i>Варто було йому зайти / усі при- тихли</i>	310	510(!)
Но:		
<i>Хоч уже темно / я однаково поїду</i>	90	360
<i>Для того щоб дочка навчалась / ми оселилися в місті</i>	160	355
<i>Ледве стемніло / вдарила гроза</i>	345	680

Диктор Т:

	Пауза	
	.	—
<i>Вона промовчала / і в цьому був докір</i>	500	540
<i>Варто було йому зайти / усі при- тихли</i>	308	342
Но:		
<i>Хоч уже темно / я однаково поїду</i>	160	374
<i>Куди вони попрямували / незрозуми- ло</i>	312	484

Диктор О:

	Пауза	
	.	—
<i>Вона промовчала / і в цьому був докір</i>	316	360
<i>Варто було йому зайти / усі при- тихли</i>	160	372(!)
Но:		
<i>Раз ми почали розмову / обговоримо це питання до кінця</i>	96	272
<i>Ледве стемніло / вдарила гроза</i>	194	352

Диктор Г:

	Пауза	
	.	—
<i>Вона промовчала / і в цьому був докір</i>	385	440
<i>Варто було йому зайти / усі при- тихли</i>	360	670(!)
Но:		
<i>Куди вони попрямували / незрозуми- міло</i>	240	390

Итак, полученные данные подтверждают нашу гипотезу для первого примера (*Вона промовчала...*); второй пример тремя дикторами был прочтен со значительным усилением величины паузы при замене знака препинания. Отдельно рассматривались предложения с маркированным лексическим составом.

При этом выдвигалась следующая гипотеза о величине паузы:

1) пауза в бессоюзных предложениях с маркированным лексическим составом должна быть больше паузы в бессоюзных предложениях с немаркированным лексическим составом;

2) величина паузы в бессоюзных предложениях с маркированным лексическим составом не должна значительно увеличиваться при изменении знака препинания.

Предполагалось (как мы упоминали выше, точного критерия не вводилось), что три фразы имеют маркированный лексический состав.

Уже темно, я однаково поїду.

Йому здалось, собака вис.

Почали розмову, обговоримо це питання до кінця.

Полученные результаты:

Диктор Б:

	Пауза
<i>Уже темно, я однаково поїду</i>	340
<i>Йому здалось, собака вис</i>	835
<i>Почали розмову, обговоримо це питання до кінця</i>	500
Ср.:	
<i>Я читаю, він пише</i>	150
<i>Усе буде добре, він прийде</i>	145
<i>Ми пішли додому, пішов дощ</i>	150
<i>Дочка навчалась, ми оселилися в місті</i>	160

Диктор Т:

	Пауза
<i>Уже темно, я однаково поїду</i>	336
<i>Йому здалось, собака вис</i>	456
<i>Почали розмову, обговоримо це питання до кінця</i>	350

Ср.:		
<i>Я читаю, він пише</i>		160
<i>Дочка навчалась, ми оселилися в місті</i>		190
<i>Ми пішли додому, пішов дощ</i>		152
Диктор О:		Пауза
<i>Уже темно, я однаково поїду</i>		256
<i>Йому здалось, собака вис</i>		316
<i>Почали розмову, обговоримо це питання до кінця</i>		150 (1)
Ср.:		
<i>Ми пішли додому, пішов дощ</i>		170
<i>Дочка навчалась, ми оселилися в місті</i>		120
Диктор Г:		Пауза
<i>Уже темно, я однаково поїду</i>		210
<i>Йому здалось, собака вис</i>		300
<i>Почали розмову, обговоримо це питання до кінця</i>		380
Ср.:		
<i>Усе буде добре, він прийде</i>		180

В целом, за указанными выше исключениями, эта гипотеза подтверждается.

Проверяем вторую часть гипотезы. Эта часть измерений проверяет тезис о том, что $II > 3II$.

Диктор Б:

	Пауза		
	,	—	:
<i>Уже темно / я однаково поїду</i>	340	360	—
<i>Почали розмову / обговоримо це питання до кінця</i>	500	450	—
<i>Йому здалось / собака вис</i>	835 (1)	—	390
Ср.:			
<i>Усе буде добре / він прийде</i>	145	360	410
<i>Ми пішли додому / пішов дощ</i>	150	310	200

Диктор Т:

	Пауза		
	,	—	:
<i>Уже темно / я однаково поїду</i>	336	374	
<i>Почали розмову / обговоримо це питання до кінця</i>	350	342	
<i>Йому здалось / собака сис</i>	456		228
Ср.:			
<i>Я читаю / він пише</i>	160	436	326
<i>Усе буде добре / він прийде</i>	298	438	480
<i>Ми пішли додому / пішов дощ</i>	252	330	438

Диктор О:

	Пауза		
	,	—	:
<i>Уже темно / я однаково поїду</i>	256	236	
<i>Йому здалось / собака вие</i>	316		134
<i>Почали розмову / обговоримо це питання до кінця</i>	150	272 (!)	
Ср.:			
<i>Ми пішли додому / пішов дощ</i>	170	292	296
<i>Стемніло / вдарила гроза</i>	256	344	496

Диктор Г:

	Пауза		
	,	—	:
<i>Уже темно / я однаково поїду</i>	210	205	
<i>Йому здалось / собака вие</i>	300		300
<i>Почали розмову / обговоримо це питання до кінця</i>	380		220
Ср.:			
<i>Я читаю / він пише</i>	385	490	
<i>Стемніло / вдарила гроза</i>	290	360	535

В целом (исключения отмечены восклицательными знаками) гипотеза о чтении указанных примеров соблюдалась.

При работе над анализом соотношения величины паузы и отдельных синтаксических типов (примеров) в украинском языке крайне интересными для нас оказались результаты весьма сходной работы украинского лингвиста, выполненной по материалу сложносочиненных предложений в украинском языке⁷⁵. А. П. Грищенко исследовал те же, что и в нашей работе, компоненты интонации, в частности — паузу. В его работе сопоставлялись также величины пауз в союзных и бессоюзных предложениях с той только разницей, что все прочтенные предложения были взяты из художественной литературы. Поэтому союзные и бессоюзные предложения по составу не соотносились друг с другом. Интересно, что наше предварительное членение союзов на маркированные и немаркированные помогало заранее предсказать возможные относительные величины паузы в примерах Грищенко, не глядя в таблицы (так, минимальная пауза при союзе *та*, наибольшая — в предложении *Десь у хлібах кричав перепел, і туман стелився над річки*).

3

Число непредвиденных чтений по предложенным примерам было значительным. Эти исключения главным образом составляли не примеры с маркированными союзами и лексическими показателями, а примеры с немаркированными показателями. Однако, как уже указывалось, эти неожиданные отклонения и разноречивые в чтении предполагались именно в примерах такого типа.

Эти неожиданные чтения были следующего рода:

1. Очень большая пауза в примерах с запятой (больше средней величины и больше паузы в тех же примерах с другими знаками). Например: *Ледве стемніло, вдарила гроза* (345 мсек, диктор Б, средняя величина 153,5 мсек); *Стемніло, вдарила гроза* (636 мсек, диктор Т, средняя величина 291 мсек). *Минуло трохи часу, і сон заволодів ним* (494 мсек, диктор О, средняя величина 199,8 мсек); *Для того щоб дочка навчалась, ми оселилися в місті* (365 мсек, диктор Г, средняя величина 248,2) и т. д.

⁷⁵ А. П. Грищенко. Особливості інтонації складносурядних речень у сучасній українській літературній мові. «Граматичні та стилістичні студії». Полтава, 1965.

2. Несоблюдение принципа Пешковского (тогда как по большей части примеров именно пауза его регистрирует в первую очередь):

Для того щоб дочка навчалась, ми оселились в місті (365 мсек и 290 мсек — в бессоюзном варианте, диктор Г);

Для того щоб дочка навчалась, ми оселились в місті (134 мсек и 120 мсек — в бессоюзном варианте, диктор О);

Усе буде добре, якщо він прийде (420 и 298 мсек в бессоюзном варианте, диктор Т); *Для того щоб дочка навчалась, ми оселились в місті* (160 и 160 мсек — в бессоюзном варианте, диктор Б) и т. п.

3. Примеры, как предполагалось, не содержащие маркированных лексики и союза, «вели себя» как примеры с маркированными показателями, т. е. не изменяли величины паузы при соответствующих преобразованиях. Это фраза — *Стемніло, вдарила гроза* (диктор Б); *Минуло трохи часу, і сон заволодів ним* (диктор Б); *Усе буде добре, якщо він прийде* (диктор Т); *Раз ми почали розмову, обговоримо це питання до кінця* (диктор Т); *Усе буде добре, він прийде* (диктор О); *Дочка навчалась, ми оселилися в місті* (диктор О); *Я читаю, він пише* (диктор Г); *Для того щоб дочка навчалась, ми оселилися в місті* (диктор Г); *Ми пішли додому, пішов дощ* (диктор Г).

Темп

1

Подсчет первый. Соотношение средних продолжительностей звука в первой и второй синтагмах в зависимости от знака препинания, стоящего на письме между синтагмами.

Диктор	,	—	:	()
Б	96,3/95,6	101,3/111,9	102,8/117,1	117,1/74,3
Т	89,5/84,1	86,1/81,6	88,9/82,8	86,8/74,8
Г	81,2/84,2	81,4/85	79,6/85,2	85,3/76,1
О	83,3/81,5	83,3/81,1	87,1/86,5	89,4/75,5

Подсчет второй. Средняя продолжительность звука в обеих синтагмах в союзном и бессоюзном предложении.

Диктор			—
	с союзом	без союза	с союзом
Б	90,6/90,7	110,4/107,3	98,7/108
Т	88,5/82,8	92,8/87,9	83,7/82,2
О	80,5/80,2	91,1/85,3	76,3/78,3
Г	79/83,8	86,5/87,9	75,6/81,6

Диктор	—	()	
	без союза	с союзом	без союза
Б	105/116	120,1/74,1	113/74,5
Т	88,8/80,8	90,4/74,7	90,2/76,2
О	90,4/83,8	88,6/74,7	90,2/76,2
Г	89,1/89,6	81,8/70,9	85,3/76,1

Подсчет третий. Средняя продолжительность звука в зависимости от позиции союзной части в предложении (препозиция или постпозиция).

Диктор			—	
	препозиция союзной части	постпозиция союзной части	препозиция союзной части	постпозиция союзной части
Б	84,3/91,3	94,1/90,4	90/102,1	118,2/119,6
Т	85,1/77,9	90,3/85,5	83,6/80	88,6/87,8
О	75,5/79,2	83,2/80,7	76,8/77,7	74,7/80,3
Г	79,4/79	78,9/84,6	75,2/78,8	76,6/90

На основании приведенных данных можно сказать, что часть, заключенная в скобки, произносится всеми дикторами значительно (разрыв до 30 мсек) быстрее.

В остальных случаях можно говорить о тенденции произносить всегда медленнее либо первую синтагму (диктора Т и О), либо вторую (диктор Г)⁷⁶.

Данные второго подсчета говорят о тенденции к более медленному чтению обеих синтагм в бессоюзных предложениях.

По данным третьего подсчета уже можно заметить отчетливо, как соотносятся две тенденции — с одной стороны, произносить союзную часть быстрее и, с другой стороны, произносить первую (или вторую синтагму) медленнее.

2

Четкая тенденция в большинстве случаев произносить одну синтагму медленнее другой, наметившаяся у дикторов, по существу снимала возможность проверить ту гипотезу о роли темпа в соблюдении / несоблюдении принципа Пешковского, при которой рассматривается сохранение направления в разрыве темпа обеих синтагм. Удлинение средней продолжительности звука в синтагме, утратившей союз, отмечалось следующим образом: у диктора Б не соблюдается в предложении *Ледве стемніло — вдарила гроза* → *Стемніло — вдарила гроза*; у диктора О — в одном предложении *Вона промовчала, і в цьому був докір* → *Вона промовчала, в цьому був докір*; у диктора Т — в четырех предложениях; *Усе буде добре (якщо він прийде)* → *Усе буде добре (він прийде)*; *Раз ми почали розмову — обговоримо це питання до кінця* → *Почали розмову — обговоримо це питання до кінця*; *Вона промовчала, і в цьому був докір* → *Вона промовчала, в цьому був докір*; *Ледве стемніло, вдарила гроза* → *Стемніло, вдарила гроза*; у диктора Г — в двух предложениях — *Вона промовчала, і в цьому був докір* → *Вона промовчала, в цьому був докір*; и *Усе буде добре (якщо він прийде)* → *Усе буде добре (він прийде)*.

⁷⁶ А. П. Грищенко (указ. соч.), также работавший с диктором Б, отмечает у него более медленное произношение первой части. По нашим данным, этого с определенностью сказать нельзя.

Гипотеза о чтении примеров с маркированными показателями состояла в следующем:

1. Предложения с маркированными союзами не должны подпадать под действие принципа Пешковского, т. е. в синтагме, утратившей союз, не должна увеличиваться средняя продолжительность звука.

2. Предложения с маркированными союзами и маркированным лексическим составом не должны изменять соотносительные величины средних продолжительностей звуков при замене знака препинания.

3. Предложения с немаркированными союзами и немаркированным лексическим составом должны изменять темп обеих синтагм при замене пунктуационного знака.

Вышеприведенные сведения о соблюдении принципа Пешковского являются в то же время ответом на первый пункт гипотезы; в большинстве чтений исключением из этого принципа являлось чтение примера *Вона промовчала, і в цьому був докір* — т. е. примера с маркированным союзом.

Вторая часть гипотезы формально соблюдалась, т. е. соотношение в длительности звуков обеих синтагм сохранялось. Однако эта же тенденция действовала и при чтении других примеров.

Тенденция к изохронности речевых тактов, к сохранению длительности каждой синтагмы, отмеченная выше для других языков, фиксировалась и для украинского языка (главным образом на примере *Я читаю/він пише*, где вторая синтагма при всех трансформациях произносилась дикторами одинаково — со значительной средней продолжительностью звука — 115—120 мсек). Для проверки того, какой именно фактор важнее — смысловая нагрузка, число слогов или тенденция к постоянному произношению (более медленному или более краткому) частей фраз, проверим соотношение темпа в обеих синтагмах в предложениях типа *Дочка навчалась, ми оселилися в місті* → *Ми оселилися в місті, дочка навчалась*, где перемена порядка частей не влечет изменения в смысле:

	Темп обеих синтагм	Диктор
1. <i>Дочка навчалась, ми оселилися в місті</i>	96,4/94,8	Б
2. <i>Ми оселилися в місті дочка навчалась</i>	97,1/87,7	
То же	88,9/81,7	О
» »	83,9/80,9	
» »	60,5/77,1	Т
» »	81,9/84,8	
» »	82,7/79,4	Г
» »	78,2/82,7 (!)	

Таким образом, данные дикторов Б и О говорят о преобладании тенденции к более медленному произнесению первой синтагмы, у Т — второй синтагмы, у диктора Г, напротив, отрезок *Ми оселилися в місті* как в начальной, так и в конечной позиции, произносится с одной и той же средней продолжительностью звука — 82,7 мсек. Однако у того же диктора тот же отрезок может произноситься с иным темпом (так в предложении *Для того щоб дочка навчалась, ми оселилися в місті* — средняя продолжительность звука в этом отрезке 88,8 мсек; в предложении *Для того щоб дочка навчалась — ми оселилися в місті* — 70,6 мсек; в предложении *Ми оселилися в місті (для того щоб дочка навчалась)* — 81,2 мсек). Таким образом, представляется, что механизм выбора темпа определяется крайне сложным набором гетерогенных тенденций, в том числе и факторов экстралингвистических. Весьма гипотетическим кажется, однако, вывод о меньшей гибкости темпа по отношению к смысловым нагрузкам-трансформациям в украинском языке, если сравнивать его с русским, т. е. украинский язык в этом отношении ближе к чешскому, как бы являясь языком с заданным временным рисунком фразы.

При определении средней продолжительности звука в украинском языке фиксировалась также соотносительная длительность ударного гласного — носителя фразового ударения, т. е. проверялся тезис о наибольшей длительности ударного гласного.

Ударный гласный считался наиболее длительным ⁷⁷, если он был более длительным, чем все предударные и заударные гласные этого же слова, за исключением абсолютно конечного гласного, 2) более длительным, чем ударные слоги других слов, предшествующих слову — носителю синтагматического ударения (за исключением поправки на качество гласных, о чем будет сказано ниже).

Особое положение занимал абсолютно конечный гласный, который по предварительным наблюдениям удлинялся, подобно польскому произношению.

Анализировались ударные гласные в обеих синтагмах (т. е. всего 120 случаев), в результате чего: у диктора В определилось удлинение ударного гласного во всех случаях;

у диктора Т в 1-й синтагме — в 55 случаях, во 2-й в 47, у диктора Г — в 1-й синтагме в 58 случаях, во 2-й — в 46; у диктора О — в 1-й синтагме — в 58 случаях, во 2-й — в 56, т. е. возможны отклонения, выявляющиеся преимущественно в абсолютно конечном положении.

Помимо общего определения относительной длительности ударных и безударных гласных подсчитывалась также длительность (средняя, в мсек) гласных разного качества в трех позициях — предударной, ударной и абсолютно конечной (соответственно I, II, III позиции). При этом были получены следующие результаты:

⁷⁷ И. Зилинский говорит о том, что украинские гласные не обладают различием в длительности (см.: J. Z i l y ŋ s k y. Opis fonetyczny języka ukraińskiego. Kraków, 1932, стр. 158).

Длительность гласной	Диктор Б			Диктор Т			Диктор О			Диктор Г		
	позиция			позиция			позиция			позиция		
	I	II	III	I	II	III	I	II	III	I	II	III
а	88,8	168,6	104,3	98,1	136,6	123,1	89	146,7	135,2	83,2	147,9	100,3
о	79,2	154,9	137,1	105,3	159,3	138	77,4	139	140,9	71,2	128,6	112,8
у	74,4	—	128,8	74,8	—	144	77	—	144,9	76,5	—	77,5
и	67	136	100	70,1	133,5	122,8	73,7	137,1	96,7	85,5	128,7	98,6
е	78,7	96	120,3	93,5	129,9	102,4	82,4	128,3	124,6	63,4	112,5	97,1
я	68	147,9	116,1	87,8	134,8	120,8	64,9	134,8	130,6	46,4	121,8	88,4

Соотносительные величины определяемых звуков, как видно из вышеприведенной таблицы, не совпадают по позициям, а меняют относительную длительность от позиции к позиции и от диктора к диктору. Гласные располагаются по убывающей длительности следующим образом:

Позиция	Гласные — от долгих к кратким			
	диктор Б	диктор Т	диктор О	диктор Г
I	<i>a</i>	<i>o</i>	<i>a</i>	<i>a</i>
	<i>o</i>	<i>a</i>	<i>e</i>	<i>y</i>
	<i>e</i>	<i>e</i>	<i>o</i>	<i>и</i>
	<i>y</i>	<i>ы</i>	<i>y</i>	<i>o</i>
	<i>ы</i>	<i>и</i>	<i>ы</i>	<i>ы</i>
II	<i>a</i>	<i>o</i>	<i>a</i>	<i>a</i>
	<i>o</i>	<i>a</i>	<i>o</i>	<i>o</i>
	<i>ы</i>	<i>ы</i>	<i>и</i>	<i>и</i>
	<i>и</i>	<i>и</i>	<i>ы</i>	<i>ы</i>
	<i>e</i>	<i>e</i>	<i>e</i>	<i>e</i>
III	<i>o</i>	<i>y</i>	<i>y</i>	<i>o</i>
	<i>y</i>	<i>o</i>	<i>o</i>	<i>a</i>
	<i>a</i>	<i>a</i>	<i>a</i>	<i>y</i>
	<i>e</i>	<i>и</i>	<i>ы</i>	<i>e</i>
	<i>ы</i>	<i>ы</i>	<i>e</i>	<i>ы</i>
	<i>и</i>	<i>e</i>	<i>и</i>	<i>и</i>

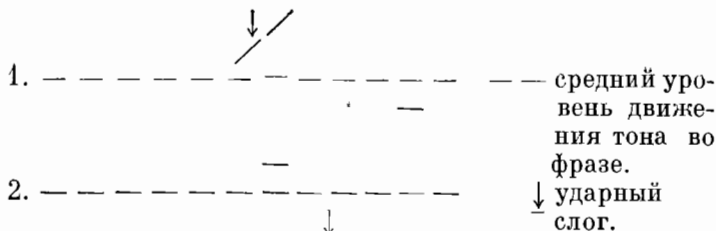
Более грубо представляется возможным говорить о двух группах гласных — долгих: *a*, *o*, *y* и кратких — *и*, *ы*, *e*.

Мелодика

1

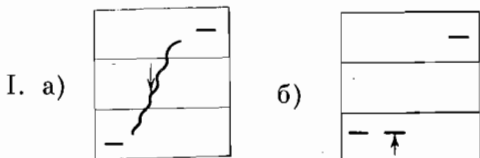
О. Брок описывает движение мелодики в украинской фразе как функцию движения тона в последнем слове ⁷⁸. При этом последний ударный слог — носитель синтагматического ударения — может занимать положение низкое — ниже заударного. Таким образом, согласно Брокку, различаются два типа восходящего ударения (пользуемся символикой, принятой в предыдущих разделах):

⁷⁸ О. Б р о к. Очерк физиологии славянской речи. СПб., 1910, стр. 240.

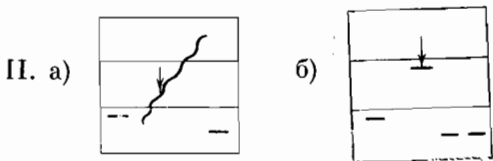
И. Зилинский подтверждает данные Брока ⁷⁹ (сам О. Брок основывался именно на произношении Зилинского как информанта).

Встретились следующие типы восходящей мелодики:

т. е. положение заударных слогов — высокое.

Варианты «а» и «б» различаются по резкости восхождения тона в ударном гласном. Примеры: *Я читаю* — (Iа, все 4 диктора); *Вони попрямували* (Iа — диктор Б); *Ми пішли додому* (Iа — дикторы О и Т); *Хоч уже темно* (Iа — диктор Б); *Куди вони попрямували* (Iб — дикторы Б и Т); *Ми оселилися в місті* (Iб — дикторы Т и Г); *Ледве стемніло* (Iа — все 4 диктора); *Він виїхав* (Iа — дикторы Б и Т); *Стемніло* (Iа, диктор Т); *Вона промовчала* (Iа, диктор Б); *Раз ми почали розмову* (Iб, диктор О); *Варто було йому зайти* (Iа, диктор Б) и т. д.

т. е. заударный слог расположен ниже ударного.

Этот тип, не отмеченный Брокром («русский тип»), встречался регулярно. При этом заударные слоги могут располагаться или на одной высоте (— —), или посте-

⁷⁹ J. Z i l y ſ k y. Указ. соч., стр. 168.

пенно понижаясь (— —). Например: *Ледве стемніло* (II б, диктор Б); *Минуло трохи часу* (IIб, дикторы Б и Г); *Раз ми почали розмову* (IIб, диктор Т); *Ми пішли додому* (IIа, дикторы О и Б); *Ледве стемніло* (IIа, дикторы Т, Г, О); *Для того щоб дочка навчалась* (Iб, дикторы Т, Г, О); *Його дуже вдарили*; *Вона промовчала* (IIа, дикторы Б, Т); *Уже темно* (IIа, дикторы Б и О); *Хоч уже темно* (IIб, все 4 диктора).

Характерная особенность этого типа — крайне низкое положение первого предупредительного слога.

Тип, описанный Броком (с низким положением ударного гласного) встретился в одном чтении одного диктора (*Минуло трохи часу* — диктор Т).

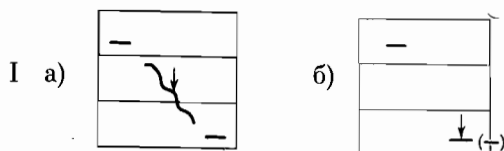
Как видно по примерам, один и тот же отрезок может быть прочитан по-разному как одним и тем же диктором в разных употреблении, так и в одном употреблении — по-разному разными дикторами.

Особое место занимали примеры с восходящей мелодикой, ударный гласный в которых занимал абсолютно конечное положение (*Варто було йому зйти*; *Йому здалось* и т. п.). В таких случаях оба типа нейтрализовались; дви-

жение тона обычно было резко восходящим ().

Однако очевидным было деление дикторов на две группы — диктор Б, для которого наиболее предпочтительным был «классический» тип с повышающимися заударными, и остальные дикторы — в чтении которых заметно преобладал тип чтения с понижающимися заударными (приблизительно половина случаев).

Нисходящая мелодика представлена двумя типами:

Оба варианта первого типа различаются типом движения тона в ударном гласном. Заударные слоги могут на-

ходиться на одном уровне (— —), либо постепенно понижаться (— —). Тип Ia обычно представлен в неконечной синтагме, тип Ib — в абсолютном конце. При нисходящей мелодике часто наблюдается крайне высокое положение первого предупредного слога по отношению ко второму пред-

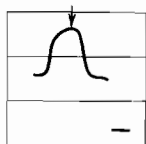
ударному слогу

Примерами обоих вариантов могут служить по существу почти все случаи нисходящей мелодики обеих синтагм.

Второй тип нисходящей мелодики был обнаружен только в украинском языке. Он характеризуется восходяще-нисходящим движением тона в пределах ударного слога⁸⁰ (в этом случае наличие заударных слогов обязательно):

II

Например: *Усе буде добре* (дикторы Б и Т); *Його дуже вдарили* (дикторы Б и Т); *Вона промовчала* (дикторы Б, О, Т); *Вдарила гроза* (диктор Б и О) (некоторые из примеров повторяют этот тип мелодики во всех позициях отрезка). В наших примерах данное чтение реализуется в наиболее длительных (см. выше) гласных — *о* и *а*.

Наличие этого типа именно в украинском языке, возможно, связано с неперменной длительностью ударного гласного (большее время обеспечивает возможность осуществления более сложной мелодической программы).

2

Данные мелодического движения в предложениях реализовались по-разному в зависимости от индивидуального

⁸⁰ Е. А. Брызгунова описывает такой тип как особую конструкцию (ИК-5) для восклицательных предложений в русском языке (Е. А. Брызгунова. Материалы по курсу «Фонетика и интонация русской речи». М., 1965; Она же. Интонация и смысл предложения. «Русский язык за рубежом», 1967, № 1).

Диктор Б		Диктор Г		Диктор О		Диктор Т	
восходящая мелодика	нисходящая мелодика	восходящая мелодика	нисходящая мелодика	восходящая мелодика	нисходящая мелодика	восходящая мелодика	нисходящая мелодика
100—200	200—75	115—182	220—120	250—429	375—150	273—429	400—210
100—187	166—75	165—210	178—100	230—375	330—150	231—375	330—231
110—200	160—75	130—166	200—100	214—375	300—150	293—400	428—200
150—187	187—75	150—210	130—100	200—330	330—214	250—420	440—214
86—216	150—75	136—187	200—97	200—400	375—177	214—375	400—200
86—187	187—66	120—200	166—106	273—500	187—150	176—440	400—178
150—250	143—75	143—178	210—115	200—375	420—177	198—375	360—166
86—143	100—86	143—200	166—80	273—375	230—166	250—380	375—188
170—216	170—75	143—187	143—93	230—500	250—150	273—380	375—230
130—187	150—66	160—210	187—85	214—330	429—187	214—300	375—200
	120—66		143—80	166—320	375—136	231	300—176
			220—150		429—150		330—150
			214—100		177—143		300—214
			187—80		400—187		
			150—100		375—166		
			170—75				
			187—100				
			143—107				

чтения. Абсолютный частотный диапазон по данным четырех дикторов был следующим (данные приводятся в гц):

На основании этих данных были определены четыре относительных уровня со следующим частотным интервалом для каждого диктора (в гц):

Диктор Б	Диктор Т	Диктор О ⁸¹	Диктор Г
I. до 100	до 200	до 187	до 100
II. 100—143	200—330	187—330	100—166
III. 143—187	330—400	330—400	166—200
IV. от 187	от 400	от 400	от 200

3

Изучалось соотношение типа мелодики в неконечной синтагме (в конечной синтагме мелодика была нисходящей) и знака препинания, разделяющего эти отрезки в письменном тексте. Были получены следующие данные (в %):

Диктор	,		—		:		()	
	восходящая	нисходящая	восходящая	нисходящая	восходящая	нисходящая	восходящая	нисходящая
Б	74	26	88	12	—	100	7	93
Т	74	26	100	—	—	100	—	100
О	56	44	93	7	57	43	—	100
Г	48	52	93	7	—	100	—	100

Из приведенных данных очевидно, что наибольшая возможность «свободного» чтения примера оказывалась в предложениях с запятой и тире.

При этом наибольшая нестрота отмечалась в чтении бессоюзных предложений.

В этом случае различались три возможности (приводим примеры в чтении диктора Б):

1. Чтение одного и того же примера совпадало как в случае тире, так и в случае запятой, например: *Усе буде добре/він приїде* — восх.; *Ми пішли додому/пішов дощ* — восх.; *Дочка навчалась/ми оселилися в місті* — нисход. мелодика.

⁸¹ У дикторов Т и О голоса сходны по частотному диапазону.

2. В примере с запятой мелодика восходящая, в этом же примере с тире — мелодика нисходящая. Например: *Йому здалось/собака висе.*

3. В примере с запятой мелодика восходящая, в этом же примере с тире — мелодика нисходящая, например: *Я читаю/він пише; Вона промовчала/ в цьому був докір.*

Примеры со скобками читались в основном с понижением тона. Для примеров с двоеточием также отмечалась нисходящая мелодика неконечной синтагмы за исключением резко выделяющегося чтения диктора О, данные которой не сближаются ни с каким чтением и могут быть признаны индивидуальной особенностью чтения пунктуационных знаков.

Таким образом, полученные данные подтверждают гипотезу о разной степени маркированности пунктуационных знаков и, соответственно, о разной степени нормативности в их чтении.

4

Соотношение мелодики в союзном и бессоюзном вариантах одного предложения показало следующую картину:

1. Большого (в пределах от 1/2 тона) частотного интервала в предложении, утратившем союз, не наблюдается.

2. Мелодический рисунок неконечной синтагмы в союзном и бессоюзном предложениях на релевантном участке, различающем синтагматическое ударение, может совпадать. Например, таково чтение предложений: *Хоч уже темно, я однаково поїду* → *Уже темно, я однаково поїду* (диктор Б); *Я читаю, а він пише* → *Я читаю, він пише* (диктор Г); *Усе буде добре, якщо він прийде* → *Усе буде добре, він прийде* (диктор О); *Я читаю, а він пише* → *Я читаю, він пише* (диктор Т).

3. Мелодические рисунки неконечной синтагмы в союзном и бессоюзном вариантах принципиально различны — в одном случае восходящая, в другом — нисходящая мелодика (и наоборот), например: *Я читаю, а він пише* — восх.; *Я читаю, він пише* — нисх. (диктор Б);

Ледве стемніло, вдарила гроза — восх.; *Стемніло, вдарила гроза* — нисх. (диктор О); *Для того щоб дочка навчалась, ми оселилися в місті* — восх.; *Дочка навчалась, ми оселилися в місті* — нисх. (диктор Г).

Относительно движения основного тона в конкретных примерах с разного типа комбинациями маркированных / немаркированных суперсегментных показателей выдвигалась следующая гипотеза (см. выше, разделы «Чешский язык» и «Польский язык»):

1. Мелодика предложений с маркированными союзами должна отличаться от мелодики исходной интонаемы, т. е. быть нисходящей в неконечной синтагме.

2. Мелодика таких предложений и предложений с лексическим маркированным составом не должна изменяться при замене знака препинания (кроме скобок).

3. Мелодика союзных предложений с немаркированным союзом должна изменяться при введении маркированного знака препинания — скобок.

4. Мелодика бессоюзных предложений с немаркированным лексическим составом должна изменяться в соответствии с моделью, требуемой данным знаком препинания.

Особый интерес представляло также чтение предложений с совпадающей главной частью и изменяющимися придаточными — проверка тезиса о наличии особой мелодики для каждого типа сложного предложения.

Предложение *Вона промовчала, і в цьому був докір* было прочтено всеми дикторами с нисходящей мелодикой в неконечной синтагме.

Предложение *Його дуже вдарили, що було несправедливо* также было прочтено с нисходящей мелодикой всеми 4 дикторами. Предложение *Його дуже вдарили, так що він упав* было прочтено с нисходящей мелодикой дикторами Т, О, Г и с восходящей — диктором Б.

Первый пункт гипотезы, таким образом, подтвердился.

Покажем в табличной форме результат обследования материала по второму пункту гипотезы — изменение мелодики при замене пунктуационного знака (см. табл. на стр. 218).

Как видно из таблицы, неожиданным оказался факт, не подтвердивший вторую часть нашей гипотезы, — «дружное» произнесение всеми дикторами предложения *Вона промовчала, і в цьому був докір* с восходящей мелодикой в примере с тире.

Предложения с немаркированными союзом и лексическим составом, а также предложения бессоюзные с немаркированным лексическим составом изменяли мелоди-

Предложения с маркированным союзом или лексическим составом	Диктор Б		Диктор Т		Диктор О		Диктор Г	
	.	—	.	—	.	—	.	—
<i>Вона промовчала/і в цьому був докір</i>	нисх.	восх.	нисх.	восх.	нисх.	восх.	нисх.	восх.
<i>Йому здалось/собака вив</i>	нисх.	нисх.	нисх.	нисх.	восх.	восх.	восх.	нисх.
<i>Уже темно/я однаково поїду</i>	восх.	восх.	восх.	восх.	нисх.	восх.	восх.	восх.
<i>Почали розмову/обговоримо це пита-ння до кінця</i>	восх.	восх.	восх.	восх.	восх.	восх.	восх.	восх.

ку при замене знака препинания. В таких предложениях в примерах с запятой рисунок мелодики неконечной синтагмы часто был нисходящим (*Ми пішли додому, пишов дощ* или *Я читаю, він пише* и т. д.).

Предложения с совпадающей главной частью произносились с одним и тем же мелодическим рисунком, например (чтение диктора Г): *Він виїхав, щоб дістати роботу; Він виїхав, бо тут нема роботи; Його дуже вдарили, так що він упав; Його дуже вдарили, що було несправедливо*; (чтение диктора Б) — *Його дуже вдарили, коли він зайшов; Його дуже вдарили, так що він упав* и т. д.

Таким образом, не создалось оснований для объявления любого типа придаточного специфическим по мелодике («если есть различие в синтаксисе, то оно есть и в интонации»). Справедливость этого часто утверждавшегося тезиса можно признать, вероятно, лишь пересмотрев более тщательно то, что при таких утверждениях понимается под «синтаксисом». А именно, речь идет по существу не о формальных, а о глубинных смысловых отношениях, более крупных, чем традиционно выделяемые разные типы сложноподчиненных предложений. Деление союзов на маркированные и немаркированные, как представляется, в упрощенной форме выражают именно это глубинное отличие.

Интенсивность

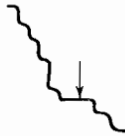
При изучении интенсивности также определялось ее соотношение с мелодикой на том же отрезке. При этом имелись в виду две стороны проблемы:

1. Как соотносится движение мелодики и выделенность / невыделенность ударного гласного динамическим путем.

2. Как соотносится общее движение интенсивности и общее движение мелодики.

Эти две стороны не совпадают по своему существу и могут пересекаться самым различным образом:

1. Динамическое движение может быть нисходящим, ударный слог не выделен:

2. Динамическое движение может быть нисходящим, ударный слог выделен

3. Динамическое движение может быть нисходящим, ударный слог не выделен

4. Динамическое движение может быть восходящим, ударный слог выделен

Для украинского языка принято считать, что ударный слог должен быть отмечен усиленной экспирацией⁸². Часто она была выражена отчетливо (см. рис. 10).

Однако ударный слог может и не иметь усиленной экспирации. Покажем в табличной форме для каждого диктора общее число случаев отмеченности / неотмеченности

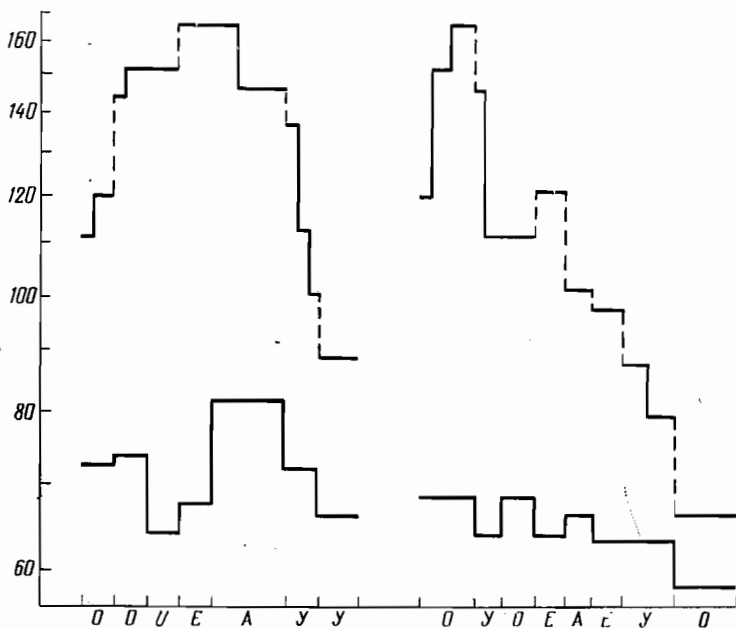

Рис. 10. Соотношение мелодики и интенсивности. Диктор В. Украинский текст: *Його дуже вдарили, що було несправедливо*

⁸² См. об этом: О. Б р о к. Указ. соч., стр. 241.

ударного слога в соответствии с типом мелодики — восходящей или нисходящей, в 1-й синтагме.

(Первая цифра показывает число примеров с данным типом мелодики, вторая — число отмеченных динамически ударных слогов.)

Мелодика	Диктор							
	Б		Т		О		Г	
Восходящая	32	29	34	17	26	14	26	16
Нисходящая	28	17	26	6	34	21	34	16

По второй синтагме (мелодика всегда нисходящая) число примеров с отмеченными ударными слогами: диктор Б — 23; диктор Т — 10; диктор О — 12; диктор Г — 24.

Таким образом, суммируя результаты первой и второй синтагм, можно подсчитать распределение отмеченных ударных слогов в синтагмах с восходящей и нисходящей мелодикой:

Диктор	Мелодика (число)	Число отмеченных слогов	Диктор	Мелодика (число)	Число отмеченных слогов
Б	восх. — 32	29	О	восх. — 26	14
	нисх. — 88	51		нисх. — 94	33
Т	восх. — 34	17	Г	восх. — 26	16
	нисх. — 66	16		нисх. — 94	40

Таким образом, при восходящей мелодике, по данным всех дикторов, ударный гласный бывает динамически отмечен чаще, чем при нисходящей (наши данные ближе к «классической» точке зрения, чем к изложенной выше концепции Водарца).

Вторая часть работы по проверке соотношения мелодики и интенсивности — выяснение того, как соотносится тип мелодики с общим движением интенсивности (речь идет о 1-й синтагме).

Диктор	Мелодика		Число примеров с совпадающим движением интенсивности	Диктор	Мелодика		Число примеров с совпадающим движением интенсивности
	тип	число примеров			тип	число примеров	
Б	восх.	32	16	О	восх.	26	8
	нисх.	28	23		нисх.	34	16
Т	восх.	34	11	Г	восх.	26	8
	нисх.	26	17		нисх.	34	17

Если при анализе отношения типа мелодики и отмеченности ударного слога отмеченный ударный слог чаще совпадал с восходящей мелодикой, то при анализе отношения общего движения интенсивности и общего движения мелодики в пределах той же синтагмы наблюдается обратная картина — совпадение чаще имеет место именно при нисходящей мелодике, т. е. интенсивность как будто бы имеет тенденцию стремиться к понижению. Однако эта тенденция не абсолютна — для каждого диктора фиксируются неконечные синтагмы с восходящей интенсивностью (у диктора Б — 21, у диктора Т — 20; у диктора О — 26; у диктора Г — 25).

Для иллюстрации приведем примеры трех типов:

1. Случай интенсивности обоих типов — при восходящей мелодике (в чтении диктора Б):

	Тип интенсивности		Тип интенсивности
<i>Ми пішли додому/</i>	нисх.	<i>Він виїхав/ (щоб)</i>	нисх.
<i>Ледве стемніло/</i>	нисх.	<i>Він виїхав/ (бо)</i>	восх.
<i>Хоч уже темно/</i>	восх.	<i>Я читаю/</i>	восх.
<i>Уже темно/</i>	восх.	<i>Усе буде добре/</i>	восх.
<i>Куди вони попрямували/</i>	восх.		

2. Случай совпадения интенсивности при несовпадении мелодики — в одних и тех же примерах (в чтении нескольких дикторов):

	Интенсивность	Мелодика	Диктор
<i>Усе буде добре/</i>	нисх.	восх.	Т
»	нисх.	нисх.	Г
<i>Ми пішли додому/</i>	восх.	восх.	Т
»	восх.	нисх.	Г
<i>Стемніло/</i>	восх.	восх.	О
»	восх.	нисх.	Г
<i>Собака вие/</i>	восх.	нисх.	Б
»	восх.	восх.	Г
<i>Він вийшов/(бо)</i>	нисх.	восх.	О
»	нисх.	восх.	Б

3. Случаи совпадения движения мелодики при несовпадении движения интенсивности — в одних и тех же примерах (в чтении разных дикторов):

	Мелодика	Интенсивность	Диктор
<i>Я читаю/(він...)</i>	восх.	нисх.	Т
»	восх.	восх.	Б
<i>Для того щоб дочка навчалась/</i>	восх.	нисх.	Т
<i>То же</i>	восх.	восх.	О
» »	восх.	нисх.	О
» »	восх.	восх.	Б
<i>Дочка навчалась/</i>	нисх.	нисх.	Б
»	нисх.	восх.	Т
»	нисх.	восх.	О
<i>Ледве стемніло/</i>	восх.	восх.	О
»	восх.	нисх.	О
»	восх.	нисх.	Г
»	восх.	нисх.	Т
» и т. п.	восх.	нисх.	Б

Если для польского и чешского языков наблюдалось совпадение экспираторного выделения ударного слога с его низкой мелодической позицией, то в украинских при-

мерах были самые различные случаи совпадения/несовпадения низкого положения ударного слога и его динамического выделения.

Сопоставление примеров по интонам

В украинском языке сопоставлялись количественные группы примеров, прочтенных с одной и той же интоной, при этом получились следующие результаты:

Тип инто- немы	Число примеров				Тип инто- немы	Число примеров			
	Т	Б	О	Г		Т	Б	О	Г
111	3	2	4	1	223	—	3	1	5
112	—	—	—	1	231	8	5	7	8
113	—	—	1	1	232	1	—	1	—
121	1	1	5	3	233	7	6	8	9
122	—	—	—	—	311	1	4	2	1
123	—	—	—	—	312	1	—	1	—
131	4	4	2	1	313	5	—	1	2
132	—	—	—	—	321	1	5	3	4
133	2	—	—	—	322	—	2	—	1
211	2	3	6	3	323	1	2	1	1
212	—	1	1	1	331	4	3	2	—
213	3	3	2	4	332	—	—	2	—
221	9	7	4	7	333	7	8	6	8
222	—	1	—	—					

Эти данные говорят об относительном совпадении размеров групп (группы 231, 333, 233 значительны у всех дикторов, группы с интоной 122, 123, 132 не представлены ни одним чтением). Но реальные примеры были прочтаны в ином соотношении. С целью проверить степень совпадения в чтении конкретных примеров определялось (как и в предыдущих случаях) число примеров, чтение которых совпадало по всем трем компонентам, число примеров, не совпавших полностью, число примеров с совпадающим чтением двух компонентов (т. е. различающихся одним) и число примеров с совпавшим чтением одного компонента. Под совпадением имеется в виду полное совпадение в чтении всех четырех дикторов (если три диктора прочли единообразно, а четвертый

иначе, то считается, что чтение примеров не совпало). Данные, полученные по украинскому языку, в этом отношении отличаются от данных чешского и русского языков, где рассматривались чтения двух (а не четырех дикторов) и где вероятность совпадения в чтении была, таким образом, вдвое больше.

Число примеров, совпавших в чтении	Число примеров, не совпавших в чтении	Число примеров, различающихся по одному компоненту			Число примеров, совпавших по одному компоненту		
		пауза	темп	мелодика	пауза	темп	мелодика
7	10	4	9	1	2	2	25

Простые вероятностные данные в применении, скажем, к числу совпадений по мелодике, говорят о том, что это число (25 из 43 примеров, так как исключено 7 совпавших и 10 несовпавших) не может быть случайным. Так, возможное число совпадений — $\frac{1}{3} \cdot \frac{1}{4} = \frac{1}{12}$ (три вероятных типа мелодики, четыре диктора), т. е. $\approx 8,3\%$, а для наших фраз — 4 примера, но не 25.

Таким образом, можно, как и в предыдущих случаях говорить о большей связанности (и, соответственно, предсказуемости) мелодики и наименьшей — темпа.

Число полностью совпавших примеров (7) также велико для четырех дикторов ($\frac{1}{3} \cdot \frac{1}{3} \cdot \frac{1}{4} \approx 2,8\% \approx 1-2$ примера).

Этими совпавшими примерами являются 6 фраз со скобками и один с двоеточием — Я читаю: він пише. Это соответствует выведенной в первой части гипотезе о неравномерной «строгости» чтения пунктуационных знаков — скобки диктуют выбор интонаемы полностью, запятая и тире (при прочих равных условиях) — допускают более свободное варьирование интонационных рисунков.

Приведем примеры с несовпавшим чтением:

1. Ми оселилися в місті — дочка навчалась
2. Стемніло, вдарила гроза
3. Стемніло — вдарила гроза
4. Вона промовчала, в цьому був докір

5. *Його дуже вдарили, так що він упав*
6. *Йому здалось: собака вие*
7. *Минуло троли часу, і сон заволодів ним*
8. *Ми пішли додому — пішов дощ*
9. *Я читаю, а він пише*
10. *Вона промовчала: в цьому був докір.*

Как очевидно, эти примеры представляют собой либо бессоюзные предложения с немаркированным лексическим составом и немаркированным пунктуационным знаком, либо примеры с союзами, которые были интерпретированы как присоединительные — маркированные (5-й, 7-й, 9-й примеры).

Пример 6 — *Йому здалось: собака вие* интересен тем, что здесь обнаружилась тенденция к борьбе между лексическим составом, требующим единого чтения этого примера с л ю б ы м пунктуационным знаком (в данном случае — с восходящей мелодикой) и маркированным знаком — двоеточием, требующим понижения мелодики в неконечной синтагме. Одни дикторы выбрали первый путь, другие — второй (см. высказанное в первой части предположение о разной силе функционирования суперсегментных факторов в зависимости от образования и степени навыка чтения текста).

ВЫВОДЫ

Сопоставление интоном

В настоящей работе сопоставлялись примеры, прочтенные дикторами на четырех языках. Каждому примеру ставился в соответствие некоторый условный символ (точнее, набор символов), передающий относительный тип выражения трех просодических параметров — паузы, темпа и типа движения мелодики в неконечной синтагме. Как предполагалось (см. первую главу и данные славянских языков), эта трехчленная информация не передавала случайный набор свободно сочетающихся символов — она условно обозначала посредством такого (случайно выбранного, что несущественно) индекса некоторую более крупную единицу просодии — интоному. Поскольку

Примеры выбирались не произвольно, а с определенным выбором, существенно было найти соответствие между чтением примера и интонацией. А именно — при чтении, как оно осуществлялось в данной работе, читающий выбирал ту интонацию из числа возможных, которая, по его мнению, наиболее соответствовала передаче посредством просодических средств типа отношений между элементами этого текста. Как указывалось выше, предполагалось, что этот выбор (чтение) диктуется системой трех указателей, представленных в данном письменном тексте: типом союза, лексическим составом и пунктуационным знаком (речь идет только о наших примерах, представляющих собой максимально облегченный, «стандартизованный» тип текста). Таким образом, при выборе интонации устанавливается соответствие между типами указателей (в их различных комбинациях) и соответствующей интонацией.

Проделанная работа была основана на дикторском чтении. Как показал анализ выбора интонации и сопоставление дикторских выборов, диапазон расхождений не может быть как угодно велик. «Если текст не двусмысленный и если мы не злоупотребляем свободой своего голоса, всякое чтение соблюдает некоторый минимум звуковых условий, необходимых для правильного понимания текста. Этот минимум есть свойство самого текста», — писал Б. В. Томашевский¹. Перечисленные выше гипотезы исходили именно из свойств текста.

Вся работа в целом была попыткой описать две принципиально разные вещи: 1) выяснить, совпадают ли интонации, приписанные отдельным синтаксическим типам, в чтении разных дикторов и, далее, какие типы оказываются прочтенными единообразно, какие — допускают наибольшее разнообразие в выборе интонации; 2) описать те просодические средства, которыми передается выбранная интонация в данном языке.

Ответ на первую задачу не представляет собой решение проблемы, относящейся к кругу собственно типологической тематики. Если выяснится, например, что некоторое предложение с определенным лексическим составом будет прочтено одним способом диктором — носителем чешского языка, а другим способом (т. е. будет

¹ Б. В. Томашевский. Стих и язык. М.—Л., 1959, стр. 16.

выбрана другая интонация) — диктором — носителем украинского языка, то этот факт не сообщит ничего о просодической системе данных языков, он будет характеризовать лишь пример, тип маркированности/немаркированности его указателей сегментного уровня. В связи с этим при сопоставлении интоном, выбранных при чтении примеров, преследовалась специфическая цель — проверка универсальности в выборе интонации². Для решения этой проблемы не было необходимо выбирать языки родственные (как это было в нашем случае), напротив, быть может, более целесообразным явился бы выбор языков принципиально различных генетически.

Решение второй задачи, напротив, самым естественным образом включается в круг типологических сопоставлений — на этом этапе происходит сравнение форм и средств просодии данного языка (языковой алломорфизм). Поскольку речь в данном случае идет не только о перечне просодических средств данного языка, но и об их иерархической подчиненности — в данной ситуации правомерно будет говорить и о структурно-типологическом аспекте этого анализа.

Таким образом, если пойти далее и представить себе некий конструируемый алгоритм перевода (синтеза) устной речи в просодическом плане³, то он как бы складывается из двух этапов: 1) анализ сегментной структуры текста, определение и выбор интонации по данным представленных в нем указателей — независимо от языка перевода и 2) осуществление этой интонации в данном языке в соответствии с выведенными закономерностями его просодической структуры. При этом уже принимается во внимание внутриязыковый алломорфизм. Для определения этих, типологических, соответствий выбор языков, связанных генетически, представляется вполне оправданным.

В выбранных нами примерах, прочтенных дикторами — носителями славянских языков, определенным образом комбинировались маркированные и немаркированные показатели трех иерархических уровней. В соответствии с этим предполагалось заранее, что наибольшие совпадения

² Необходимо еще раз напомнить, что в нашем случае предполагалось, что при переводе примеры остаются тождественными по смыслу, т. е. семантическая инвариантность не нарушается.

³ Имеется в виду перевод с письменной формы языка на устную, который осуществляется при чтении текста.

в чтении покажут те примеры, в состав которых входит маркированный союз, наименьшие совпадения — в бессоюзных предложениях с немаркированным лексическим составом и немаркированным знаком препинания.

При этом учитывалось некоторое условное расстояние между выбранными интонациями: а именно, поскольку каждый из компонентов интонации связан с определенным реализующимся смыслом — т. е. продолжая аналогию с морфологическим уровнем, соответствует категории граммем (однородных), то определялись предложения, прочтенные разными дикторами с минимальным расхождением в смысле (отклонения по одному параметру) и максимальным расхождением (отклонения по всем параметрам).

Результаты при этом оказались следующими.

Предположение о существовании трех типов указателей с разной степенью иерархической подчиненности, комбинация которых определяет тип текста, как кажется, оправдалось. Наиболее различающимися оказались тексты с немаркированными показателями (двусмысленный текст, по Томашевскому). Случаи неподтверждения гипотез о чтении примеров говорят в первую очередь о сложности понятия «маркированный лексический состав» (приводившиеся примеры оказались не очень удачными), с другой стороны, о разной иерархии пунктуационных знаков в разных языках (об этом см. ниже), что не было должным образом учтено при подготовке эксперимента. Приблизительно 8% примеров полностью совпали по чтению. Примеров, различающихся по одному компоненту — мелодике в нашем материале не встретилось. Примеров, совпадающих только по темпу, в нашем материале не встретилось.

Существенно то, что приведенные примеры полностью подтверждают высказывавшееся в конце каждой части положение о неравномерном функционировании компонентов интонации: мелодика наиболее предсказуема, темп наименее предсказуем.

Интонация и синтаксис

Полученные нами данные как будто бы с достаточной определенностью говорят о том, что принцип «каждой синтаксической конструкции — свой интонационный тип»

явно не подтверждается. В некоторых, простых случаях это несомненно так. И, вероятно, не имеет смысла ставить вопрос об интонационном соотношении определяемого и определяющего, не сообщая этой паре в целом различную синтаксическую нагрузку и не меняя ее место во фразе в целом, как это сделано в работе М. Георгиевой⁴. Несомненно также, что одному и тому же интонационному знаку может соответствовать несколько весьма различных синтаксических типов. Е. А. Брызгунова показывает весьма наглядно и убедительно, как одна и та же интонационная конструкция (ИК) обслуживает, например, и простое, и сложное предложения, являясь то вопросительным предложением, то частью сложного и т. д.⁵

«Интонационная сторона богата, но число мелодических стандартов невелико, а функций у них много»⁶. Веской является критика А. М. Пешковского за привязывание им интонации к синтаксическому типу⁷. Однако все же представляется, что и обратный тезис — «интонация никак не связана с синтаксисом» будет столь же крайним и столь же неверным. И интонация, и синтаксис передают смысловые отношения, семантические связи элементов фразы. Быть может, не стоит бояться выдвинуть тезис о неравенстве синтаксических конструкций с той точки зрения, что одни из них более прямо отражают некоторые смысловые отношения и потому задают интонацию, другие же как будто пусты и потому принципиально разночитаемы, хотя их «первичный» синтаксический смысл вполне ясен. Именно это мы старались показать, вводя понятие маркированных и немаркированных элементов текста. Таким образом, целесообразнее считать, что интонация более соответствует тому, что принято в последнее время называть «глубинным синтаксисом». Иными словами, та же мысль о соотношении синтаксиса и интонации выражалась как то, что в предложении необходимо

⁴ М. Георгиева. По вопросу за мелодика на българския език. «Български език», 1967, т. XVII, № 1.

⁵ Е. А. Брызгунова. Практическая фонетика и интонация русского языка. М., 1963.

⁶ А. Н. Гвоздев. О фонологических средствах языка. М.—Л., 1949.

⁷ А. М. Мухин. Интонация и структурные характеристики предложения. «Теория и практика лингвистического описания разговорной речи». Горький, 1966.

«различать два слоя — 1) синтаксический, 2) синтаксико-семантический»⁸. Однако эти глубинные отношения, как мы старались показать, могут диктовать не только привычные синтаксические показатели (в нашем случае, союзы), но и показатели иного плана — лексические и пунктуационные. Но и это тоже синтаксис, поскольку лексические, например, показатели задают интонацию не своим собственно лексическим значением (иначе говоря доводя эту мысль до абсурда, можно дойти до утверждения, что и лексическим единицам свойственна «своя» интонация), но указанием на тип смысловых отношений, реализуемых в противопоставляемых на линейной оси связанных синтагмах (*Он ударил, я упал замертво*). Таким образом, нельзя не согласиться с тезисом, что «синтаксис связан с интонацией через смысловое (в широком смысле. — Т. Н.) содержание предложения»⁹. Развитие, продолжение этой мысли состоит в том, что предполагается, что «просодия и синтаксис не связаны, но вместе это — грамматика предложения»¹⁰. Продолжая эту мысль, естественно прийти к выводу, что интонация и синтаксис каждой фразы есть некоторое постоянное единство, и потому — чем больше в синтаксисе, тем меньше в интонации и наоборот. Так должна была возникнуть идея компенсации, о которой еще будет говориться ниже.

Интонация и морфология

Разумеется, не предполагается говорить здесь о зависимости этих двух уровней, но лишь об аналогии между просодическим и морфологическим уровнем, не раз проводившейся на протяжении данной книги. Аналогия была следующая:

1. Минимальные единицы грамматики — грамемы выражаются в виде минимальных единиц плана выражения грамматики — морффов.

Минимальные единицы плана содержания просодического уровня — просодемы выражаются в виде мини-

⁸ А. М. Мухин. Интонация и структурные характеристики предложения.

⁹ Т. А. Канышева. К вопросу об интонации и грамматике. «Законы семантического развития в языке». М., 1961.

¹⁰ Н. К у r a t h. A phonology and prosody of modern English. Heidelberg, 1964.

мальных единиц плана выражения просодического уровня — в нашем употреблении, «уровни» пауз, темпа, мелодики.

2. Минимальные единицы грамматики — грамемы (и их выражение — морфы) входят в парадигматические ряды, само существование которых есть неперемное условие функционирования этих минимальных единиц.

То же отмечается в просодическом уровне — пауза средняя имеет право на отдельное существование лишь в противопоставлении с минимальной и максимальной.

3. Каждая из минимальных единиц грамматики имеет самостоятельное значение. Также и минимальные единицы просодии — тонемы, акцентемы, хронемы, диэремы имеют значение сами по себе.

4. Минимальные единицы морфологии могут комбинироваться в пределах одного слова, если они принадлежат к неоднородным (см. выше) категориям. Единицы просодии также могут комбинироваться в пределах одного высказывания. Это высказывание не может характеризоваться одновременно восходящей и нисходящей мелодикой, но может характеризоваться восходящей мелодикой, быстрым темпом и т. д.

Таким образом, отдельные параметры интонации — темп, мелодика, паузация могут быть уподоблены категории числа, падежа, рода и т. д.

5. В пределах одного слова возможна комбинация граммем, выраженных каждый порознь разными морфами — агглютинация, и выраженных одним морфом — фюзия.

Существенно определить, какой из этих типов свойствен комбинации просодем в пределах одного интонационного высказывания. Как кажется, просодические единицы могут как сочетаться более свободным образом (вполне возможен иной темп при одной и той же мелодике), так и существуют при этом определенные ограничения и определенного типа связанность (см. выше в отдельных главах примеры на несочетаемость просодем).

Все сказанное выше дает основания сопоставить интонуемому как единицу просодии в предлагавшемся в данной книге понимании и морфему как аналогичную ей единицу морфологической системы.

Перечислявшиеся выше в списках интономемы не имели названия, как не имеют их морфемы.

Однако, несомненно, над этим интонемным уровнем существует некий высший уровень, на котором уже можно говорить о значениях интонымы, так как принято рассматривать значения падежей¹¹. В пределах этого уровня возможна нейтрализация, омонимия и синонимия интонем, как возможна нейтрализация падежных форм (речь идет не о синкретизме падежей). Употребляемые иногда термины «интонация пояснения, противопоставления и т. д.» есть попытка найти этот высший уровень интонационной семантики.

Компенсационный принцип А. М. Пешковского

На протяжении всей работы рассматривались пары — союзный и бессоюзный вариант одного и того же предложения, причем предполагалось, что сложное предложение с союзом входит в сферу действия компенсационного принципа Пешковского. При этом рассматривались по отдельности все компоненты интонации.

Окончательные фактические данные по этому вопросу следующие:

1. Паузы бессоюзного предложения обычно больше паузы того же предложения с союзом.

2. В бессоюзном предложении обычно наблюдается замедление темпа части, утратившей союз, т. е. общее удлинение этой части.

3. Мелодика бессоюзного предложения может или кардинально измениться (из восходящей стать нисходящей), или остаться той же, но не «усилиться».

4. Интенсивность не соотносится с различием союзных и бессоюзных вариантов.

¹¹ В последнее время высказывалось предположение, что этим высшим уровнем интонации будет «метасемиотический» ярус, на котором рассматривается использование данных средств для выражения различных эмоциональных оттенков речи (О. С. А х м а н о в а, Э. А. А ф о н о в, М. В. Д а в ы д о в. К вопросу о сущности и метаязыке синтаксической фонетики. «Исследования по фонологии». М., 1966). Однако представляется, что эмоциональная сфера входит в особый ряд просодических средств, параллельный синтаксическому, и потому не входит в совокупность данных «синтаксической фонетики».

Таким образом, бессоюзное предложение отличается от союзного по двум компонентам интонации — паузе и темпу.

Вывод о разной реакции акустических параметров на ликвидацию служебного слова — союза сам по себе (если это в дальнейшем подтвердится другими исследователями) может служить конечным результатом исследования. Однако выведение этой закономерности по существу ничего не объясняет в самом принципе замены, выдвигавшемся А. М. Пешковским не с акустических, а с грамматико-синтаксических позиций. Поэтому необходимо остановиться далее на ряде вопросов, более непосредственно связанных со смыслом:

1. Почему имеет место такое различие в реакции акустических компонентов интонации на ликвидацию союза?

2. Чем объясняется столь значительное (в самом лучшем случае — при анализе паузы — до 30%) число отклонений от принципа замены?

3. Какие выводы дает обследованный материал о строгости соблюдения принципа замены в целом?

Скажем несколько слов о каждом из этих вопросов в отдельности. Загадочный разноречивостью в реакции отдельных компонентов интонации остается таковым, если не выходить за рамки чисто акустического анализа. Однако на более широком фоне — если рассматривать интонацию и ее компоненты прежде всего как смыслообразователи — возможно какое-то объяснение. Как уже говорилось, исследование функционирования темпа разными учеными и в разных странах привело к более или менее единодушному мнению о смысловом функционировании темпа: функция темпа есть различие важного/неважного в сообщаемом: синтагма, содержащая более важную часть сообщаемого, произносится медленнее; синтагма, несущая менее важную часть сообщения, — быстрее. Союзная часть есть носитель менее важной части сообщаемого (если правило о том, что менее важная часть сообщения произносится быстрее, обратимо). С ликвидацией же союза может происходить изменение в интерпретации смысловых отношений — в этом случае предложения становятся равновесными или, напротив, более значительной представляется часть его, имевшая ранее союз, тогда, очевидно, начинает «работать» принцип замены и различие в средней продолжительности звука отрезка с союзом

и того же отрезка, утратившего союз, становится ощутимым.

Сходные положения можно высказать и о паузе. Так, очевидно, что величина паузы перед союзной частью меньше, чем величина паузы после союзной части: к центральному месту сообщения необходимо подготовиться! С ликвидацией союза менее важная часть сообщения перестает быть отмеченной столь очевидным образом, как наличие служебного слова, и происходит иное распределение частей по смыслу, о котором будет говориться ниже.

Что же касается данных мелодики, то ее смысловозначительная функция обычно определяется как задача быть средством связи между отрезками звучащего текста, т. е. показывать, составляют ли отдельные синтагмы одно целое или они представляют два параллельных события. В последнем случае обычно фиксируется нисходящая мелодика неконечной синтагмы. Естественно, что такими несвязанными смысловой связью параллельными частями может представляться скорее бессоюзное предложение, чем союзное (*Травка зеленеет, солнышко блестит*). В тех же случаях, когда обе части сложного предложения осознаются связанными, то эту связь показывает одна и та же просодема как в бессоюзном, так и в союзном предложении (так сказать «связаны — и ничего более!»).

2. Что касается примеров — отклонений от принципа компенсации, то во многих случаях — а в ряде случаев это так и осталось неясным — их специфика лежит в самом произносимом тексте. Напоминаем, что все это время речь шла о читаемых текстах, а не о свободно говоримых предложениях. В связи с этим неизбежно решающую роль играли упоминавшиеся специфические указатели письменного текста. Так, в частности, третьим по значимости, но значительным по существу является представленный в тексте знак препинания. По нашим данным, тире является маркированным знаком, который сам по себе, будучи поставленным на границе между синтагмами, требует большей паузы (см. многократно приводившиеся в книге данные такого рода по разным языкам).

Если же мы обратимся к примерам, приведенным сторонниками безусловного действия компенсационного принципа, то увидим, что в примерах, приводимых, например, З. И. Клычниковой, для иллюстрации «большой

яркости интонации у бессоюзного предложения», обычно стоит тире (*Не пойман — не вор*). Только сопоставление таких предложений с аналогичными предложениями с иным знаком препинания дало бы точные сведения — что диктует продление паузы: бессоюзность как таковая или маркированный знак препинания?

С этой точки зрения нельзя считать строго корректным и примеры самого А. М. Пешковского. А именно, он говорит о том, что предложение *Назвался груздем — полезай в кузов* произносится с более яркой интонацией, чем предложение *Если назвался груздем, полезай в кузов*. Названное бессоюзное предложение для большей точности нужно сравнить тогда с предложением *Если назвался груздем — полезай в кузов*.

Далее полученные нами данные в целом подтверждают принцип А. М. Пешковского, формулируемый как принцип замены. А именно, можно сказать, что бессоюзные предложения имеют увеличенные (яркие) просодические характеристики по сравнению с соответствующими союзными предложениями. В данную формулировку вносится уточнение — этот принцип распространяется только на временные просодические характеристики!

Однако этот вывод не говорит ни о чем, если рассматривать принцип Пешковского как принцип компенсации; обратясь к аналогиям, почерпнутым из данных другого языкового уровня, полученные нами данные можно сопоставить с таким рядом фактов: известно, что в русском языке флексии множественного числа представлены большим числом звуков, чем флексии единственного числа (ср. *-о, -а, -у, -о, -и* и с другой стороны *-ов, -ами, -ах*). Таким образом, если продолжить аналогию, они, удлиненные флексии, более выразительны (более отчетливы в речи). Однако утверждение, что это количественное увеличение флексии компенсирует утрату единственного числа, было бы по меньшей мере странным.

Итак, если рассматривать принцип замены как принцип также и компенсации, то сказать о нем, судя по нашим данным, ничего нельзя, несмотря на проделанный эксперимент. Дело в том, что как указывалось выше, компенсация предполагает отождествление компенсируемого. В наших же данных (как и ряда других исследователей, упо-

минавшихся выше) совпали мелодические рисунки предложений, синтаксически различных — с разными типами придаточного предложения, а также — в ряде случаев — интонация бессоюзных и союзных предложений. Таким образом, не оказалось возможным произвести отождествление одних и тех же структур, проверив лишь их количественное увеличение.

Как указывалось вначале, цель эксперимента не была известна дикторам. Однако напоминаем, что предложения с союзом и без союза имели один и тот же лексический состав. Перед чтением все примеры несколько раз просматривались дикторами. Таким образом, некоторое отождествление, попарное осознание двух вариантов одного и того же предложения имело место. Требовать же от диктора обязательного «вкладывания» одного и того же содержания в оба текста было методически опасно по следующим причинам.

Сам А. М. Пешковский говорил о «точно таких же синтаксических значениях», которые могут компенсироваться интонацией. Однако анализ наших примеров, взятых с союзом и без союза, говорит о наличии некоторых синтаксических отношений, более «крупных», чем традиционно (см. стр. 18) выделяемые типы сложноподчиненных предложений. Неслучайно Пешковский, говоря о принципе замены как об универсальном принципе, обычно сам приводил примеры с ярко выраженным значением смысловой связи, остающимся и после ликвидации союза. На соблюдение или несоблюдение принципа замены несомненно оказывает влияние не только служебное слово (основное синтаксическое средство по Пешковскому), но и лексический состав всего предложения в целом (см. стр. 126). Таким образом, необходимо выявить сначала эти укрупненные смыслы, «глубинный синтаксис», оставшиеся инвариантными при опущении союза или другого формального показателя, и затем проверить интонацию полученных пар. Именно сохранения этих пока еще никак не определенных смысловых отношений необходимо тогда будет требовать от диктора, идентифицировав их предварительно. Однако решение этих задач есть по существу выяснение всех основных проблем синтаксического функционирования просодических единиц.

Интонация и знаки препинания

Если все изложенное в предыдущем параграфе относилось к соответствию синтаксических и интонационных структур вообще, безотносительно к языку исследования, то соотношение интонационных знаков (как показал наш эксперимент) во многом определяется не языком, но той системой пунктуационных правил, которая принята в данном языке, и тем местом, которое вообще занимает пунктуация в письменном навыке данного коллектива. Сопоставление «Правил» пунктуации русского, чешского, польского и украинского языков, проведенное перед экспериментом, как будто бы говорило об их тождественности. Но при анализе примеров и более подробном знакомстве с пунктуацией данного языка оказалось, что в сфере пунктуации важен еще один фактор, точное название которому подобрать очень трудно. Условно его можно назвать мерой привычки пользоваться пунктуационными знаками во всем объеме, предоставляемом правилами пунктуации¹². Иначе говоря, некое употребление, зафиксированное правилами, в реальном тексте встречается крайне редко, соответственно его произносительная фигура также вызывает затруднение. В этом смысле русский язык, как об этом говорилось во введении, действительно, оказался языком с наиболее действенной и наиболее осознаваемой системой пунктуационных правил.

В целом, однако, все анализировавшиеся языки отмечали: минимальную паузу при запятой; нисходящую мелодику при скобках, нисходящую мелодику при двоеточии. В остальных же случаях можно лишь наметить следующие модели¹³.

Величина паузы изменяется по следующим типам: 1) , <—<: <(); 2) , <: <—<(). Последний тип представлен в чешском, польском и украинском языках. Изменения в темпе бывают самыми различными, классифицировать их оказалось принципиально невозможным, поскольку,

¹² На этот фактор обратил внимание автора проф. Я. Белич.

¹³ Во всех случаях речь идет о примерах, где сфера действия пунктуационных знаков была представлена в чистом виде, т. е. в примерах с немаркированными союзами и немаркированным лексическим составом.

как многократно показывалось выше, темп наиболее связан с лексическим составом и наименее предсказуем. Более быстрое чтение части, заключенной в скобки, для многих примеров характеризовало все языки. Однако такое чтение не было регулярным.

Мелодика союзных предложений с препозицией союзной части всегда была восходящей. Мелодика бессоюзных предложений и союзных предложений с постпозитивной союзной частью в примерах с запятой и тире могла быть как восходящей, так и нисходящей (различие объяснялось той «двусмысленностью» немаркированного по всем показателям текста, о которой говорилось выше). Языковой разницы при этом не было.

Таким образом, все обработанные примеры подтверждают высказанный в заключительной части первой главы данной книги тезис об отсутствии единой однозначной фигуры интонации для пунктуационного знака, как это полагал А. М. Пешковский. Знаки препинания определяют возможный тип прочтения, но они являются лишь одним из определяющих факторов¹⁴.

Резюмируя сказанное, можно вывести последовательность обучения чтению пунктуационных знаков, скажем русского языка, лиц, не владеющих этими навыками.

Однако в некоторых случаях читающий вправе выбрать свою интерпретацию, если контекст не определяет ее. Например, *Кончите работу, поедете в Крым* (пример Е. А. Брызгуновой) — может быть с равным правом понят как перечень двух параллельных событий или как два связанных акта.

Отдельные компоненты интонации

Рассматриваются данные отдельных параметров — паузы, темпа, мелодики, а также соотношение движения мелодики и интенсивности в синтагме.

Выше проводилась проверка гипотез относительно плана содержания просодического уровня и роли указателей

¹⁴ В выводах к первой главе подробно указывалось, какие именно просодические параметры определяются (диктуются) каждым пунктуационным знаком в зависимости от степени его маркированности / немаркированности.

письменного текста. Как отмечалось, различия в языках не было. Однако этап синтеза устного текста при чтении требует не только выбора должной интонаемы, но и ее воспроизведения в конкретном звучащем высказывании. Роль национальной специфики становится при этом существенным фактором.

В целом в интонации различается, таким образом, два аспекта: универсальный и национальный. Исследователи, обращавшие внимание на смысловую сторону интонации и первичные способы ее воплощения, т. е. данные просодии, взятые в грубом приближении, поражались сходству интонационных структур, особенно, если под интонацией понималась только мелодика (см. об этом стр. 115) ¹⁵.

Проверка реализации разных просодических явлений у носителей разных языков или далеких диалектов одного языка привела в некоторых случаях к выводу о примате индивидуальных отличий над языковыми. Так, например, при прочтении вслух английского текста людьми, с одной стороны, плохо или хорошо знавшими английский, и с другой стороны, резко различавшимися по языку, величина пауз свелась лишь к различию по грамотности (английской), национальное различие не проявилось, будь то англичанин, индус, японец и т. д. ¹⁶ Точно так же анализ предпаузного растяжения последней синтагмы (см. об этом ниже) показал первичность индивидуальных отличий перед диалектными ¹⁷.

Старая концепция о том, что интонация есть «самое архаическое начало в языке» ¹⁸, вылилась в убеждение в универсальности интонации, в то, что кажущиеся различия в интонации есть различия в национальной манере ¹⁹.

¹⁵ Так, например, отмечалось сходство интонационной структуры столь далеких языков, как английский и японский; см. об этом: I. A b e. *Intonational patterns of English and Japanese*. «Word», 1955, v. XI, № 3.

¹⁶ A. W. S i e g m a n, O. T o s i, S. S i n g h, J. T a k e b u t a. *A study of pauses in oral reading of one's native language and English*. «Language and Speech», 1966, v. 9, pt. 4.

¹⁷ Дж. Х. Гейтенби. *Эластичные слова*. «Исследование речи. Труды Хаскинской лаборатории». Новосибирск, 1967.

¹⁸ В. Всеволодский-Гернгросс. *Теория русской речевой интонации*. Пг., 1922.

¹⁹ D. L. B o l i n g e r. *The melody of language*. «Modern language forum», 1955, v. XV, № 1.

Однако при реальном звучании эти национальные отличия (если говорить не о системе, а о норме) очень значительны. По данным одного интересного эксперимента, при искусственном понижении лексической разборчивости, английский язык с французской интонацией принимался всеми за французский, в отличие от французского языка с английской интонацией²⁰. Реализация просодических фигур происходит за счет вспомогательных интонационных параметров, однако именно их неточность может создать ошибочное впечатление у иностранца²¹.

Все сказанное выше относилось к национальным различиям, осуществляемым в пределах одной просодемы (хронемы, тонемы, диэремы, акцентемы). Однако высказывалась гипотеза о более глубоком отличии языков (напоминаем, что именно функциональное отличие различает просодические единицы). Так, эксперимент И. Г. Торсуевой показал, что «важное» в предложении в испанском и французском языках фиксируется чаще всего усилением интенсивности, в итальянском — увеличением длительности²².

Для каждого из параметров в дальнейшем будут различаться три возможности: 1) данный тип выражения в данном языке наиболее распространен; 2) данный тип в данном языке возможен; 3) данный тип в данном языке запрещен.

Пауза

В отношении паузы выводить также закономерности крайне опасно, поскольку во многих отношениях они будут бездоказательны. А именно — воспроизводя те или иные мелодические типы, можно поставить вопрос о том, допустима ли такая фигура для русского языка, «не режет ли ухо». Увеличить темп в принципе всегда возможно, при этом и создается впечатление замедленной речи. По-

²⁰ K. Pulgram. Prosodic systems. French. «Lingua», 1965, v. XIII, № 2.

²¹ См. об этом: I. Jonagyu. Elektrophysiologische Beiträge zur Akzentfrage. «Phonetica», 1958, v. 2, 1—2.

²² И. Г. Торсуева. Акустические характеристики смыслового членения предложения. «Argumenta lectionum» (Тезисы VI Международного конгресса фонетических знаний). Прага, 1967.

этому, как представляется, национально-соотносительные данные по временным характеристикам возможны лишь как результат очень большого числа информантов — носителей данного языка, т. е. подход статистической.

Поэтому при описании временных характеристик мы будем говорить лишь о замеченных фактах (по языкам), не отвечая за возможные обобщения.

Относительно паузы можно сказать, что во всех анализированных просодических системах она является несомненным смыслоразличающим фактором, поскольку в большинстве случаев регулярное увеличение или уменьшение величины паузы от полного прекращения фонации на длительное (в пределах секунды) время до нулевой паузы, создающейся благодаря мелодическому перелому, было предсказуемым и обусловленным типом комбинации маркированных / немаркированных указателей письменного текста. Поэтому пауза, безусловно, должна быть включена в число изучаемых просодических фактов.

Во всех рассматривавшихся языках пауза в бессоюзных предложениях (в среднем) была больше паузы в предложениях с союзом.

Во всех рассматривавшихся языках пауза в союзных предложениях была больше в тех случаях, когда союзная часть предшествовала бессоюзной, иными словами, пауза перед главным предложением была больше, чем перед придаточным. Это связано со смыслоразличительной функцией паузы, участвующей в выражении языковыми средствами главной и неглавной смысловой части предложения.

Во всех рассматривавшихся языках пауза изменялась (при прочих равных условиях) при изменении пунктуационного знака — но по-разному, в зависимости от иерархии знаков препинания в данном письменном языке (см. выше).

В среднем величина паузы по языкам распределялась:

- 1) в русском языке от 0 до 900 мсек;
- 2) в украинском языке — от 0 до 900 мсек;
- 3) в чешском языке — от 0 до 1000 мсек;
- 4) в польском языке — от 0 до 600 мсек.

Темп

Во всех рассматривавшихся языках темп являлся наиболее свободным и непредсказуемым фактором. Наблюдалась две тенденции: 1) произносить союзную часть быстрее (в среднем); 2) произносить всегда быстрее или всегда медленнее первую часть. Это различие (какая-то часть всегда немного быстрее) менялось от диктора к диктору и, видимо, составляет одну из особенностей индивидуального, но не национального, произношения.

В зависимости от типа диктора эти две тенденции могли разным образом комбинироваться, например: если данный диктор всегда произносит первую часть быстрее, то в предложении с препозицией союзной части первая часть будет гораздо быстрее второй, а в предложении с постпозицией союзной части обе части могут быть равновесны по темпу; напротив, если у данного диктора тенденция произносить более медленно первую часть, при препозиции союзной части обе синтагмы будут равновесны, при постпозиции первая часть будет значительно медленнее.

У всех дикторов замечалась тенденция варьировать темп одного и того же отрезка или слова в зависимости от смысловой нагрузки данной части. Но эта тенденция разным образом выражена по языкам, наиболее всего — в русском языке, где существует резкое различие между ударными и безударными гласными в слове²³; наименьше всего — в чешском языке, в котором наблюдалась тенденция к постоянному распределению длительности слогов в слове и слов в синтагме (типа музыкальной фразы, внутренняя организация которой не меняется при перемещении).

Конкретный диапазон темпа (средняя продолжительность звука) по отдельным языкам был следующий:

²³ О непосредственной связи временной характеристики русского слога и механизма возникновения качественного различия ударности / безударности русских гласных см.: Л. В. Б о н д а р к о, Л. А. В е р б и ц к а я, Л. Р. З и н д е р. Акустические характеристики безударности. «Структурная типология языков». М., 1966.

- 1) русский язык — от 60 до 70 мсек ²⁴;
- 2) чешский язык — от 80 до 90 мсек;
- 3) украинский язык — от 90 до 100 мсек;
- 4) польский язык — от 70 до 80 мсек.

Тенденция к удлинению гласного — носителя синтагматического и фразового ударения рассматривалась для русского, польского и украинского языков. В чешском языке такого исследования не проводилось, поскольку в данном языке длительность гласного есть смысловозначительный фактор, входящий в фонологические оппозиции данного языка.

Результаты при этом были следующими. Удлинение ударного гласного во фразе и синтагме отмечалось:

- 1) для русского языка приблизительно в 80% случаев;
- 2) для польского языка — в 85% случаев;
- 3) для украинского языка — в 100% случаев.

Дополнительным фактором, различающим исследованные языки, явилось удлинение абсолютно конечного безударного гласного. Это стремление с наибольшей отчетливостью проявилось в польском языке, где конечный гласный был или равен ударному, или был даже более длительным. Это же отмечалось и в украинском языке. В русском языке такой тенденции как правило не наблюдалось, попытки искусственной имитации такого произношения сразу же обнаруживались. В чешском языке такой анализ не проводился (см. выше).

Говоря о длительности последней синтагмы, необходимо различать: 1) удлинение абсолютно конечного гласного (как в украинском и польском языках); 2) тенденцию к изохронности речевых тактов; 3) продление последнего речевого такта перед паузой ²⁵. Дж. Гейтенби отмечает регулярность такого предпаузального продления по всем идеолектам. С этим связано также и так называемое *timing* (точный русский эквивалент подобрать затруднительно), т. е. «ретардация последнего слога — носителя

²⁴ Еще раз напоминаем, что эти данные приводятся лишь в информативных целях и говорят в первую очередь о дикторах и лишь косвенно (что только и возможно) о языке, носителями которого они являются.

²⁵ Дж. Гейтенби. Эластичные слова. Для французского языка то же явление отмечено Л. Хегедюшем (L. H e g e d ü s. Sprechtempoanalysen in Ungarischen. — ZPuAS, 1957, Bd 10, H. 1).

ударения и / или паузирование»²⁶. Это явление в принципе может быть и результатом сознательного акта — при создании определенного ораторского эффекта. В наших же примерах обычно были представлены лишь две синтагмы. Если тенденция к изохронности осуществлялась независимо от позиции синтагмы и была, таким образом, отчетлива, то о специфике функционирования во времени последней синтагмы в нашем случае сказать ничего определенного нельзя, поскольку объем примеров (число составляющих синтагм) был слишком невелик. Что касается тенденции к изохронности, то во всех языках наблюдалось стремление произносить в одном и том же темпе отрезки, значительно более краткие, чем противопоставленная им синтагма, т. е. тенденция к изохронности тактов осуществлялась не во всех случаях, а для отрезков определенной длительности.

В целом полученные данные полностью согласуются с экспериментальными данными И. Фонадя и К. Магдич, показавшими, что тенденция к изохронности (увеличение длительности при уменьшении числа слогов) функционирует не прямо пропорционально числу слогов, а по закону экспоненты ($y = a + be^{-cx}$)²⁷. Тенденция к удлинению действует с уменьшающей силой при многосложных отрезках, а наиболее яркое ее проявление — на отрезках из 2—3 слогов (см.: *Он пишет, Příklad, Pies wyje* и т. д.). И. Фонадь и К. Магдич показали также, что тенденция в распределении длительности не зависит от дыхательных процессов.

Дополнительным подсчетом явился также подсчет средней длительности ударных гласных в зависимости от их качества и позиции по отношению к ударению — предударной, ударной и заударной²⁸. Полученные данные во многом расходились, однако в целом отчетливо намечается (по всем языкам) различие «долгих» гласных — *a, o, y* (возможно, *e*) и «кратких» — *u, ы*.

²⁶ H. K u r a t h. A phonology and prosody of modern English. Heidelberg, 1964; см. дискуссию о степени осознанности этого явления в кн.: «Disorders of language». London, 1964.

²⁷ J. F o n a d y and K. M a g d i c s. Speed of utterance in phrases of different length. «Language and speech», 1960, v. 3, pt 4.

²⁸ См. обоснование такого обследования у Л. В. Щербы (Л. В. Щ е р б а. Русские гласные в количественном и качественном отношении. СПб., 1912).

Мелодика

При сопоставлении мелодических данных отмечались характерные черты, присущие всем языкам, и черты, характеризующие только данный язык.

Во всех языках наблюдались: 1) нисходящая мелодика в конечной синтагме (кроме нескольких случаев в русском языке, о которых говорилось в первой главе); 2) понижение мелодики неконечной синтагмы перед скобкой; 3) отсутствие значительного увеличения мелодического размаха в бессоюзном предложении по сравнению с тем же предложением (по лексическому составу) с союзом, т. е. принцип Пешковского на мелодических данных не подтверждался.

Также обычным было произношение неконечной синтагмы с восходящей мелодикой в случае препозиции союзной части.

По типу выражения восходящей мелодики различаются основные факторы (дифференциальные признаки):

1) положение ударного слога по отношению к соседним слогам (включая первый и второй предударный и заударный);

2) резкое (постепенное) движение тона а) в ударном слоге, б) в соседних слогах;

3) тип движения тона в заударной части.

Разная комбинация (допустимая и запрещенная) реализаций этих трех признаков создает разнообразие мелодических алломорфов.

Перечисленные типы могут нейтрализоваться в тех случаях, когда ударный слог является абсолютно конечным.

Эти возможные фигуры характерны в равной степени не для всех языков. В связи с этим была составлена таблица возможных комбинаций мелодических тенденций в анализировавшихся языках. Учитывались следующие показатели (для восходящей мелодики):

1) Наблюдается ли в данном языке абсолютно низкое положение ударного слога при восходящей мелодике?

2. Наблюдается ли в данном языке резковосходящее движение на ударном слоге?

3. Наблюдается ли в данном языке резковосходящее движение в заударных слогах?

4. Наблюдается ли в данном языке «падение» заударной части при восходящей мелодике?

Ответы на эти вопросы не могут быть выражены в терминах противопоставления да/нет. Релевантным в данном случае является не только невозможность / возможность, но и типичность рассматриваемого явления. В связи с этим введена следующая нотация:

1. Данное явление характерно в данном языке +
2. Данное явление возможно в данном языке (+)
3. Данное явление невозможно в данном языке —

Приводим в табличной форме ответы на эти вопросы по языкам:

Языки	1	2	3	4
Русский	—*	+	(+)	+
Чешский	+	(+)	(+)	(+)
Польский	(+)	(+)	+	(+)
Украинский	—	+	(+)	(+)

* Однако Е. А. Брызгунова отмечает такие возможности положения русского ударного слога, как вариант конструкции + ИК = 4 (по ее классификации); см.: Е. А. Брызгунова. Интонация и смысл предложения. «Русский язык за рубежом», 1967, № 1.

В соответствии с этим приведенные выше мелодические фигуры также по-разному распределяются по языкам.

Нехарактерное звучание для некоторого языка при экспериментальной имитации может производить различное впечатление. Так, для русского языка распространенный чешский тип с низким положением ударного слога при его искусственном воспроизведении кажется чем-то противоестественным, результатом случайного нарушения нормального функционирования речевого аппарата, в то время как резковосходящее движение заударного слога при слабом движении ударного (польский тип) создает впечатление утрированной имитации жителей русского Запада (со смешанным населением).

Интересным является тот факт, что тип мелодической фигуры с падением заударной части (названный нами «русским» типом), не отмечавшийся О. Брокком, зафиксирован

нами для всех изучавшихся языков. В русском языке он также является новой тенденцией, не канонизированной еще для канонического сценического произношения (см. многократно упоминавшиеся в настоящей книге работы Е. А. Брызгуновой и Г. М. Кузнецовой).

Типом мелодической фигуры, объединяющим все рассмотренные языки и равномерно распространенным в них, является тип со средним положением ударного слога (для русского языка — классический тип).

Нисходящая мелодика различает также три типа общего рисунка. Однако эти типы встречались во всех рассмотренных языках и, по нашим данным, не создало впечатления какой-либо запрещенности одного из них для конкретного языка.

Типы нисходящей мелодики следующие:

1. Резкое понижение тона на ударном слоге, заударный слог остается на том же мелодическом уровне.

2. Резкое понижение тона на ударном слоге, заударный слог продолжает линию ударного.

3. На ударном слоге нерезкое движение, но он начинается значительно ниже предударного, т. е. происходит как бы «падение» мелодики.

Последний тип наблюдается чаще всего в абсолютном конце.

Приведенные различия кажутся не слишком значительными. Однако необходимо осознавать как релевантный фактор характерного / возможного. Так, случаи падения мелодики в заударном слоге при общем восходящем движении для чешского языка крайне нетипичны. При общении же с носителями языка естественно запоминаются самые характерные мелодические фигуры. Кроме того, существенным является комплексность интонаций: специфическое звучание языка создают все факторы в целом. Так, один и тот же мелодический тип, если на него будет наложена очень большая длительность ударного гласного, приобретет «украинское» звучание, с резким же возрастанием интенсивности на ударном слоге — покажется «русским». Именно поэтому в исследованиях, где интонация понимается только как движение тона, так много говорится о сходстве мелодических структур.

Попытки найти дистрибутивный критерий употребления разных мелодических типов для одного языка не имели успеха. В наших случаях один и тот же диктор мог

употребить все типы мелодики, прочесть по-разному один и тот же отрезок. Точно так же оказалось сложным определить, в каких случаях дикторы, говорящие на одном языке, выбирают одну и ту же мелодическую фигуру, а в каких случаях — этот выбор бывает различным.

Что касается степени модуляции, то именно русский язык (см. стр. 81) показывал наибольший частотный диапазон при движении тона в пределах тоновой единицы²⁹.

Соотношение движения интенсивности и мелодики

По соотношению движения интенсивности и мелодики все рассмотренные языки показали более или менее одинаковые результаты, во всяком случае нельзя с уверенностью говорить о каком-либо языковом различии по этому поводу.

Результаты были следующие:

1. Во всех языках интенсивность имеет тенденцию к понижению; в синтагме конечной интенсивность всегда понижалась.

2. В неконечной синтагме фиксировались различные случаи совпадения мелодики и интенсивности — прямого соответствия между ними обнаружено не было. Однако, по простому большинству случаев, при нисходящей мелодике чаще отмечалось совпадение, при восходящей — несовпадение.

Если эти данные как будто бы согласуются с пунктом первым, то остались неясными случаи восходящего движения интенсивности, которые имели место как при восходящей, так и при нисходящей мелодике неконечной синтагмы.

3. Собственно ударный слог был отмечен увеличением интенсивности, но далеко не в подавляющем большинстве примеров.

Что касается динамического выделения ударного слога, то в конечной синтагме, при нисходящей мелодике, невыделение экспираторно ударного слога наблюдалось

²⁹ Л. В. Щерба отмечал также, что русские модулируют больше, чем французы (см.: Л. В. Щ е р б а. Фонетика французского языка. М., 1948).

чаще, чем в неконечной синтагме. В неконечной синтагме выделение ударного слога (чешский и польский) при восходящей мелодике обычно наблюдалось при выборе этого мелодического типа.

Однако и в русском, и в польском, и в украинском языках также наблюдалось выделение и невыделение ударного слога в неконечной синтагме как при восходящей, так и при нисходящей мелодике.

Сложность и нерегулярность механизма выделения ударного слога при помощи усиления интенсивности, наблюдаемая многими исследователями для ряда европейских языков, привели в последнее время к пересмотру когда-то царившей концепции о силовом способе выделения словесного и фразового ударения (подробнее об этом см. выше, стр. 102). Однако большинство экспериментов, проделанных для подтверждения тезиса о недоминирующей роли силового фактора, по существу отвечает на следующий вопрос: при выборе двух слов, в которых ударение будет отмечено интенсивностью в одном слове и длительностью (или мелодическим переломом) — в другом слове, какое из них будет воспринято чаще носителями языка как «правильное» ударение. В соответствии с этим уже сложилась иерархия акцентологических указателей: мелодика — длительность — интенсивность.

Особое место занимают очень интересные в этом отношении данные Ф. Либермана³⁰, проделавшего двойной эксперимент — сопоставлялись частотные, амплитудные и временные характеристики ударного и неударного гласных в двух разных случаях:

1) сопоставлялись гласные *o* (ударный) и *a* в одном и том же слове — *có*ntrast;

2) сопоставлялся один и тот же гласный — под ударением и без ударения — т. е. *o* в *có*ntrast и *o* в *contrást*. Ф. Либерман обнаружил, что в первом случае в 90% случаев ударный гласный отличается усиленной частотой, в 87% — увеличением амплитуды, в 66% — увеличением длительности, а во втором случае 72% случаев занимает усиление частоты, 90% — амплитудное усиление, 70% — длительность, т. е. данные по длительности расходятся с исследованиями Фрая.

³⁰ Ph. L i e b e r m a n. Some acoustic correlates of word stress in Amerisan English.— JASA, 1960, 32, № 4.

Советское исследование по французскому языку³¹, напротив, демонстрирует регулярную роль длительности как показателя ударности (см. выше наши данные по длительности в отдельных языках). Однако все эти исследования не отвечают на другой, не менее важный вопрос: почему в одном и том же языке используются для выражения ударения и длительность, и интенсивность, и перелом мелодики как по отдельности, так и в самых разных комбинациях — от случая, когда все три фактора, взаимодействуя, выделяют один и тот же ударный слог, до случаев всех возможных попарных комбинаций?

Наиболее объективна в этом смысле статья Е. А. Гликиной (на материале английского языка)³². Автор перечисляет все возможности выделения ударения и восприятия ударения и приходит к выводу, что носители языка воспринимают как ударный слог с любым выделенным, т. е. усиленным, элементом просодии — по отдельности и в комбинации («анализ приведенных примеров показывает, что способность элементов ударения в слове к взаимокompенсации может выделить любой из этих элементов как главный в каждом отдельном случае»).

Сложность разбираемого вопроса заставляла в работе над настоящим исследованием обращаться наиболее всего к данным русского языка — родного языка исследователя. Данные первой главы показывали, что возможны случаи, когда как будто бы ни один из факторов, отмеченных как возможный носитель ударения, не выделял ударный слог, но, несмотря на это, ощущения сдвига ударения не происходило. Так, в произношении диктора X в сочетаниях типа *ee отец, это хорошо* — с нисходящей мелодикой не выделялся ударный слог никакими доступными для электроакустической аппаратуры средствами, однако видимого слухового нарушения не происходило. Интересным в таких случаях был бы, к сожалению,

³¹ А. И. Скупас. О роли длительности в физической природе ударения современного французского языка (материал коллоквиума... лаборатории экспериментальной фонетики и психологии речи). Вильнюс, 1966.

³² Е. А. Гликина. Опыт экспериментального изучения элементов динамического ударения (на материале английского языка). — ВЯ, 1958, № 5; см. также: Н. Pilch. Intonation. Experimentelle und strukturelle Daten. «Cahiers de linguistique théorique et appliquée», 1966, III).

нию, не произведенный автором эксперимент по восприятию русского ударения носителями языка другой лингвистической системы и абсолютно не владеющими русским языком.

Слуховые наблюдения над речью дикторов радио, телевидения, а также над произносительской манерой некоторых чтецов и рассказчиков позволили автору сделать лишь одно небольшое наблюдение: весьма часто в речи регулярно чередуются слова с ударным слогом, выделенным силовым способом, и слова с ударным слогом, выделенным при помощи усиления длительности. В случае произнесения бинарных словосочетаний первое слово обычно выделяет ударный слог силовым, второе — временным способом, например: *В большом зале одного из дворцов показывали фокусы* (здесь стрелка обозначает силовое ударение, подчеркивание — усиление длительности). Все явления такого рода связаны еще с одним фактором, определяющим звуковую систему языка — с ритмом, в данной работе не изучавшимся, поскольку анализу подлежало чтение заданного текста с заданным его членением, а не свободно произносимая речь. В отношении других сопоставлявшихся славянских языков побочные слуховые наблюдения были слишком ненадежны.

Вопрос о соотношении мелодики и интенсивности в славянских языках наиболее подробно был рассмотрен Х. Водарцем, описавшим свои данные в полемической статье по поводу польского ударения³³. Существенно то, что Водарц высказал при этом соображения общетипологического плана, относящиеся к другим славянским языкам, в частности именно к тем, которые рассматривались в настоящей книге (кроме украинского языка). Водарц ставит тип соответствия интенсивности и мелодики в слове в зависимости от качества гласных — как ударного, так и заударного. Это различие интенсивности гласных, их «разногромкость», т. е. связь качества гласного и его акцентной возможности, для русского языка было подробно описано Н. И. Жинкиным³⁴ (термин «разногромкость»

³³ H.-W. W o d a r z. Ist der polnische Akzent melodisch? «Phonetica», 1961, v. 6.

³⁴ Н. И. Ж и н к и н. Восприятие ударения в словах русского языка. Изв. АПН СССР, 1954, вып. 54.

ему и принадлежит). Подробные данные разной интенсивности английских гласных приводит Д. Шарф³⁵.

Итак (возвращаясь к концепции Водарца), выясняем, что при восходящей мелодике интенсивность заударного слога как бы «стремится» вслед за мелодикой, но возможности этого подъема ограничиваются качеством гласного, поэтому возникают различные комбинации интенсивности ударного и заударного слога, в частности и такая, когда интенсивность заударного оказывается большей. Эта концепция прекрасно согласуется с данными по восприятию ударного гласного, приводимыми О'Малей и Петерсоном³⁶. Так, выяснилось, что лучше воспринимается ударение (силовое) в последовательности при нисходящей мелодике.

Подобная точка зрения требует специального рассмотрения качества ударных и заударных слогов и соответственно движения интенсивности в анализируемых языках.

Однако и в таком общем виде эта теория не объясняет различия в движении интенсивности одних и тех же отрезков при одной и той же мелодике, что имело место, и почему при нисходящей мелодике в конечной синтагме ударный слог реже бывает выделен посредством интенсивности. В остальном — весьма убедительной является классификация языков по числу элементов («сателлитов»), которые могут добавляться к основному носителю ударения, которое Водарц в основе своей считает все равно динамическим.

Интонация и «конфликтная ситуация» в языке

На протяжении всей книги неоднократно говорилось о сосуществовании двух противоположных тенденций при просодическом функционировании текста. Таковы, в частности, тенденции к изохронности речевого такта и тенденция к смысловому варьированию темпа; тенденция к совпадению функционального «направления» параметров и тенденция к их взаимокompенсации. Одновременное существование и взаимодействие всех этих линий создает

³⁵ D. J. Sharf. Variations in vowel intensity measurements. «Language and speech», 1966, vol. 9, pt. 4.

³⁶ M. H. O'Malley, G. E. Peterson. An experimental method for prosodic analysis. «Phonetica», 1966, v. 15, № 1—2.

крайне сложную, зато реальную картину языковой ситуации — в отличие от упрощенной картины единого механизма просодического феномена. Задача будущего — показать, как налагаются и складываются в сукцессивном звуковом потоке эти гетерогенные факторы и что является действующим началом для разрешения каждой конфликтной ситуации в ту или иную сторону.

* * *

В данной работе не рассматривались многие факторы, также существенные для просодической характеристики языка. Это в первую очередь уже упоминавшийся ритм, затем способы выражения актуального членения предложения, способы так называемого логического ударения и т. д. Заданный материал был сознательно ограничен.

Дальнейшим этапом, как представляется, было бы описание тех средств, которыми осуществляется выражение интонационной связи между отдельными речевыми единицами в простом предложении, т. е. описание этих отношений через выведенный набор интоном. Полученные интономы сопоставляются далее с интонами, выведенными для сложного предложения, с заданным смысловым членением. Таким образом, создается единое описание членения речевого потока через единую систему интоном. Сопоставление сходств и различий интонационного выражения отношений между отрезками текста может послужить первым шагом к построению синтаксиса отношений между речевыми отрезками (где сложное предложение будет частным случаем).

БИБЛИОГРАФИЯ

Настоящая библиография предлагается читателю как опыт некоторого тематического единства — библиография по проблемам синтаксической интонации, представленная в той степени полноты, какая оказалась доступной ее составителю. Таким образом, приводимый ниже перечень названий не есть «литература, цитировавшаяся в книге», поскольку не все изученные материалы нашли отражение в виде ссылок. Это также и не «литература к книге», поскольку, если подходить с этой точки зрения, в ней отсутствует существенная часть научного аппарата книги, существенный элемент ее содержания, а именно: 1) литература общетеоретического характера, 2) литература по вопросам синтаксиса, в частности синтаксиса сложного предложения, 3) литература по общим и частным вопросам фонетики, 4) литература по типологической проблематике, 5) литература по пунктуации. Все необходимые отсылки такого характера есть в тексте и нет необходимости выносить их особо.

Перечисляемые ниже названия представляют собой, по нашему замыслу, не что иное, как замкнутую по тематике совокупность библиографических указаний в помощь исследователю, заинтересовавшемуся просодической проблематикой. В русском языкознании такой библиографии еще не предлагалось, именно поэтому такой первый опыт казался актуальным. Наиболее полные библиографии по этой теме, насколько известно, приводятся Х.-В. Водарцем (H. W. W o d a r z. Satzphonetik des Westlachschen. Köln, 1963) и Ф. Либерманом (Ph. L i e b e r m a n. Intonation, perception and language. Cambridge, Mass., 1967). Однако настоящая библиография имеет иной уклон, ориентируясь на специалиста по русскому и славянским языкам. Разумеется, сама сложность библиографического поиска обусловила принципиальную неполноту предлагаемого списка; кроме того, составляя данный перечень, трудно было удержаться от некоторой индивидуальной точки зрения, согласно которой читателю предлагается также и ряд названий, относящихся к собственно фонетической, а не только интонационной проблематике.

Работы общего характера

- А да м о в а Н. Ф. Конференция по вопросам синтаксиса и интонации. «Филологические науки», 1962, № 4.
- А р т е м о в В. А. Об интоне. «Phonetica», 1965, v. 12, № 3—4.
- А р т е м о в В. А. Экспериментальная фонетика. М., 1956.
- А р т е м о в В. А. К вопросу об интоне и интонационном варианте. «Материалы коллоквиума лаборатории экспериментальной фонетики и психологии речи», II. Вильнюс, 1966.
- А р т е м о в В. А. Коммуникативная, синтаксическая, логическая и модальная функции речевой интонации. «Материалы коллоквиума по экспериментальной фонетике и психологии речи». М., 1966.
- А с а ф ь е в Б. Речевая интонация. М. — Л., 1965.
- А х м а н о в а О. С., А ф о н о в Э. А., Д а в ы д о в М. В. К вопросу о сущности и метаязыке синтаксической фонетики. «Исследования по фонологии». М., 1966.
- Б а б а е в С. М. О фонетической и функциональной природе интонации речи. «Уч. зап. Азербайджанского госуд. пед. ин-та», 1966, № 3, серия 12. Языки и литература.
- Б а р ш а к М. В. Вопросы испанской интонации и их освещение в современной лингвистической и методической литературе. «Вопросы методики преподавания иностранных языков». Тула, 1967.
- Б а р ы ш н и к о в а К. К. Фразовое ударение как воспринимаемый и акустический компонент интонации. «Argumenta Lectio-pum» (Тезисы VI конгресса фонетических знаний). Praha, 1967; в дальнейшем — АЛ.
- Б а р ы ш н и к о в а К. К. О фразовом ударении в современном французском языке. «Уч. зап. I МГПИИЯ», 1953, VI.
- Б а т у р а С. М. К вопросу о заместительной функции интонации. «Материалы Минского пед. ин-та иностранных языков», XIX конференция. Языкознание, 1967.
- Б е л к и н а Е. С. Интонация основных коммуникативных типов предложений в индонезийском языке. «Phonetica», 1965, v. 12, № 3—4.
- Б е л ь с к и й А. В. Опыт экспериментального исследования интонации номинатива в функции предложения. «Уч. зап. I МГПИИЯ», 1954, т. VIII.
- Б е р л и н С. А. Интонационное оформление речевых и грамматических моделей. «Уч. зап. ф-та иностранных языков Пермского гос. пед. ин-та», 1967, вып. 2.
- Б е р к о в с к а я С. М. Стилистические, фонетические и интонационные характеристики пословиц и поговорок. «Исследования по английской интонации». М., 1964.
- Б е р н ш т е й н С. И. Основные понятия фонологии.— ВЯ, 1962, № 5.
- Б е р н ш т е й н С. И. Вопросы обучения произношению. М., 1937.

- Б е р н ш т е й н С. И. Стих и декламация. «Русская речь», вып. 1. Л., 1927.
- Б е р н ш т е й н С. И. Опыт анализа словесной инструментовки. «Поэтика», вып. 5. Л., 1929.
- Б е с е д и н а - Н е в з о р о в а В. П. Членение речи на ритмические единицы. «Уч. зап. Харьковского ун-та», 1959, т. 101. Труды филол. ф-та, вып. 7.
- Б л о х и н а Л. П. К вопросу о методах исследования интонации (метод фонометрии). «Материалы коллоквиума по экспериментальной фонетике и психологии речи». М., 1966.
- Б о г о р о д и ц к и й В. А. Русские гласные в свете экспериментальных данных. Казань, 1930.
- Б о н д а р к о Л. В. Некоторые замечания по поводу маркированности / немаркированности членов фонетических противопоставлений. «Исследования по фонологии». М., 1966.
- Б о н д а р к о Л. В. Осциллографический анализ речи. Л., 1965.
- Б р о в ч е н к о Т. А. Метод компрессированных интонограмм при исследовании интонации и акцентной структуры речи. «Тезисы научной конференции ф-та иностранных языков». Одесса, 1965.
- Б р о к а В. А. О некоторых принципах сопоставления речевой интонации.— АЛ.
- Б ы з о в а Н. М. Основной тон и интенсивность гласных ударного слога во французском языке. «Вопросы теории немецкого и французского языков», ч. I. Иркутск, 1967.
- В а а р а с к П. К. Критический очерк учений о речевой интонации и интонационное грамматическое членение речи в английском языке в сравнении с эстонским. Л., 1951.
- В а а р а с к П. К. Тонические средства речи, ч. I—II. Таллин, 1964.
- В а с и л ь е в В. А. Акустические компоненты речевого сигнала и их функции.— АЛ.
- В л а с о в а З. С. Интонационная структура коммуникативно-односоставных предложений. «Материалы Минского пед. ин-та иностранных языков», XIX конференция. Языкознание, 1967.
- В о л к о н с к и й С. Выразительное слово. СПб., 1913.
- Г а й д у ч и к С. М. Влияние фразового ударения на длительность немецких гласных.— АЛ.
- Г а й д у ч и к С. М. Интонационные модели немецкого языка. «Питання мовознавства і методикі викладання моу». Мінск, 1965.
- Г а л а й д и н а Н. А. Закономерности интонационного оформления английской разговорной речи. «Теория и практика лингвистического описания разговорной речи (тезисы)». Горький, 1966.
- Г а р н ц е в а А. А. Первичные и вторичные признаки речевой интонации. «Уч. зап. МГПИ», 1963, вып. 15. Исследования по вопросам фонетики.

- Гейтенб и Дж. Х. Эластичные слова. «Исследования речи. Труды Хаскинской лаборатории». Новосибирск, 1967.
- Гордина М. В. и Быстров И. С. Признаки синтаксического членения и фразовая интонация во вьетнамском языке. «Уч. зап. ЛГУ», 1961, № 305, вып. 15. Языки народов Востока.
- Городенский И. Н. Об основных тоновых модуляциях речи применительно к выразительному чтению. «Циркуляр по Управлению Кавказским учебным округом», № 14. Тифлис, 1899.
- Городецкая О. С. О словесном и фразовом (ритмическом) ударении в современном французском языке. «Иностранные языки в школе», 1955, № 6.
- Григорьева И. П. Интонация сложноподчиненного предложения в современном английском языке. «Уч. зап. I МГПИИЯ», 1960, т. XX.
- Давыдов М. В. Понятие интонации на метасемиотическом уровне. «Научная конференция аспирантов, посвященная проблемам романо-германской филологии». М., 1965.
- Дукельский Н. Принципы сегментации речевого потока. Л., 1962.
- Егоров Г. Г. [Рец. на кн.:] D. Crystal and R. Quirk. Systems of prosodic and paralinguistic features in English. «Вестник МГУ». Филология, 1967, № 1.
- Жгенти С. М. О ритмической структуре фразы грузинского языка. «Phonetica», 1965, v. 12, № 3—4.
- Жинкин Н. И. Вопрос и вопросительное предложение.— ВЯ, 1955, № 3.
- Загоруйко Н. Г. Методика оценки информационной эффективности независимых параметров речевого сигнала. «Труды Ин-та математики СО АН СССР. Вычислит. системы», вып. 10. Новосибирск, 1964.
- Зимняя И. А. Релевантные и иррелевантные изменения частоты основного тона. «Phonetica», 1965, v. 12, № 3—4.
- Зимняя И. А. О восприятии речевой интонации.— АЛ.
- Зиндер Л. Р. Основные фонологические школы. «Уч. зап. ЛГПИ», 1967, т. 354.
- Зиндер Л. Р. Влияние темпа речи на образование отдельных звуков. «Уч. зап. ЛГУ», 1964, № 325, вып. 69.
- Златоустова Л. В. О фонологических функциях фразовых акцентов. «Тезисы конференции по структурной лингвистике, посвященной базисным проблемам фонологии», М., 1963.
- Илия Л. И. К проблеме соотношения интонации и грамматики. «Иностранные языки в школе». М., 1962.
- Исаченко А. В. Фразовое ударение и порядок слов. «To honor Roman Jakobson». The Hague, 1967, t. I—III (в дальнейшем — RJ I, RJ II, RJ III).
- Кандицкий Б. С. Интонация и контекст.— АЛ.
- Канышева Т. А. Интонация сложноподчиненного предложе-

- ния с придаточным причины в немецком языке. «Уч. зап. I МГПИИЯ», 1960, т. XX.
- К л а с Ю. А. О членении на слова предложений, лишенных лексической информации. «Механизмы речеобразования и восприятия сложных звуков». М.—Л., 1966.
- К л ы ч н и к о в а З. И. Интонация как средство связи частей сложного предложения. «Phonetica», 1965, v. 12, № 3—4.
- К о в а р с к и й Н. Мелодия стиха. «Поэтика», 4. Л., 1928.
- К о з ь м и н О. Г. О свободном варьировании интонационных структур. «Уч. зап. I МГПИИЯ», 1966., т. XXXV.
- К р а в ч е н к о М. Г. Соотношение длительности различных компонентов предложения и его роль в определении синтаксических и логических связей. «Уч. зап. ЛГУ», 1964, № 325, вып. 69.
- К р у ш е л ь н и ц к а я К. Г. К вопросу о смысловом членении предложения.— ВЯ, 1956, № 5.
- Л и б е р м а н А. М., К у п е р Ф. С., Х а р р и с К. С., М а к Н е й л е д ж П. Ф., С т а д д е р т - К е н н е д и М. Некоторые замечания о модели восприятия речи. «Исследования речи. Труды Хаскинской лаборатории». Новосибирск, 1967.
- Л и с е н к о Д. М. О членении человеком непрерывного потока речи на слова. «Механизмы речеобразования и восприятия сложных звуков». М.—Л., 1966.
- Л ю б о п ы т н о в а В. С. Интонация вопросительного предложения в немецком языке. «Труды Военного ин-та иностранных языков. Вопросы интонации», т. 3—4. М., 1953.
- М а к а е в Э. А. К вопросу о соотношении фонетической и грамматической структуры в языке. «Уч. записки I МГПИИЯ», 1956, т. IX.
- М а л а х о в О. Л. Послеловные конструкции как разновидность присоединительных конструкций в современном английском языке. «Исследования по английской интонации». М., 1964.
- М а л а н о в а Л. Ф. Интонация речи и некоторые типологические особенности высшей нервной деятельности. «Уч. зап. I МГПИИЯ», 1960, т. XX.
- М а р т и н е - А. Принцип экономии в фонетических изменениях. М., 1960.
- М и х е е в а В. Т. Интонация повествовательного предложения с обособленным определением во французском языке. «Phonetica», 1965, v. 12, № 3—4.
- М у х и н А. М. Интонация и структурные характеристики предложения. «Теория и практика лингвистического описания разговорной речи» (тезисы). Горький, 1966.
- Н е р о н о в а Ю. П. Ритмические тенденции в системе немецкого порядка слов. «Уч. зап. Пермского гос. пед. ин-та», 1967, вып. 2.
- Н о р к О. А. Речевая интонация. «Тезисы докладов III научной сессии по вопросам дефектологии». М., 1960.
- Н о р к О. А. К вопросу о синтаксической функции интонации. «Phonetica», 1965, v. 12, № 3—4.

- Н о р к О. А. Основные интонационные модели немецкого языка. «Иностранные языки в школе», 1964, № 3.
- Н у н и к ъ я н Э. А. Некоторые соображения о восходящей мелодии как интонационном оформителе предложения. «Тезисы научной конференции ф-та иностранных языков». Одесса, 1965.
- П а н к р а ц Г. Я. Об интонации и ее основных компонентах. «Уч. зап. Казахского пед. ин-та им. Абая», т. 2, вып. 15. Алма-Ата, 1959.
- П а н к р а ц Г. Я. Средства и способы выделения коммуникативного ядра предложения.— АЛ.
- П а н к р а ц Г. Я. О некоторых проявлениях ритмической тенденции в немецком предложении. «Уч. зап. Казанского пед. ин-та», 1958, т. 2, вып. 5.
- П е т е р М. О некоторых вопросах интонации. «Annales Universitatis scientiarum Budapestinensis de Rolando Eötvös nominatae. «Philologica», 1961, t. 3.
- П е ш к о в с к и й А. М. Интонация и грамматика.— Избр. труды. М., 1959.
- П е ш к о в с к и й А. М. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 7. М., 1966.
- П и н а е в а И. И. Об интонационном выделении слов в некоторых ритмических группах. «Сборник научных работ Тульского пед. ин-та», 1967.
- П и н а е в а В. М. Интонация вопросительного предложения во французском языке. «Уч. зап. I МГПИИЯ», 1960, т. XX.
- Р а с п о п о в И. П. Смысловые и стилистические функции логического ударения.— РЯШ, 1957, № 4.
- Р у м я н ц е в М. К. Интонационное выражение предикативных и атрибутивных связей в современном китайском языке. «Phonetica», 1965, v. 12, № 3—4.
- Р ы б а л к и н а Н. П. Интонация односоставного инфинитивного предложения немецкого языка. «Уч. зап. I МГПИИЯ», 1960, т. XX.
- С е н т ю р и н а Н. И. Живое слово ребенка в выразительном чтении и устной речи. СПб., 1913.
- С к у ц а с А. И. О роли длительности в физической природе ударения современного французского языка. «Материалы коллоквиума лаборатории экспериментальной фонетики и психологии речи», II. Вильнюс, 1966.
- С м о л ь е в с к и й А. А. К вопросу об интонационном выражении предиката французского предложения. «Уч. зап. I МГПИИЯ», 1961, т. XXVI.
- С т е п а н о в а А. В. Интонация английской разговорной речи. «Теория и практика лингвистического описания разговорной речи» (тезисы). Горький, 1966.
- С т р е л ь н и к о в Ю. А. Устройство для регистрации движения частоты основного тона и уровня интенсивности речевого потока. «Вопросы анализа, синтеза и статистики речи». Тбилиси, 1967.

- С у н ц о в а И. П. К вопросу об экспериментальном изучении интонации. «Київський державний університет ім. Т. Г. Шевченка. Філологічеський збірник», 1948, № 2.
- С у р е н с к и й В. В. Логико-синтаксические отношения между смежными предложениями связного текста и их выражение в устной речи.— РЯШ, 1949, № 2.
- С у с о в И. П. Выделение функциональных интонационных единиц в современном немецком языке. «Уч. зап. Орловского пед. ин-та», 1962, т. XIII, вып. 2.
- Т и х о н о в а И. С. Интонационно-семантический анализ вводных единиц в английской разговорной речи. М., 1966.
- Т о м а ш е в с к и й Б. М. Стих и ритм. «Поэтика», вып. IV. Л., 1928.
- Т о р с у е в а И. Г. Акустические характеристики смыслового членения предложения.— АЛ.
- Т о р с у е в а И. Г. Определение языковых функций компонентов интонации. «Уч. зап. I МГПИИЯ», 1967, т. XXXVII.
- Т о р с у е в а Е. И. Интонация сложноподчиненного предложения в современном английском языке. «Уч. зап. I МГПИИЯ», 1960, т. XVIII.
- Т р е г у б е н к о в Г. Г. Интонация сложноподчиненного предложения с придаточным дополнительным. «Уч. зап. I МГПИИЯ», 1960, т. XX.
- Т р у б е ц к о й Н. С. Основы фонологии. М., 1960.
- Ц а х е р О. Х. О моделях языка и их речевых вариантах. «Иностранные языки в школе», 1963, № 3.
- Ц а х е р О. Х. К вопросу об интонации немецкого предложения. «Иностранные языки в школе», 1956, № 3.
- Ц е п л и т и с Л. К. Измерение речевой интонации. «Изв. АН Лат. ССР», 1967, № 1.
- Ц е п л и т и с Л. К. Использование свободной речи в фонетических исследованиях. «Изв. АН Латв. ССР», 1967, № 10.
- Ч и с т о в и ч Л. А. и др. Речь, артикуляция и восприятие. М.— Л., 1965.
- Ш е й к и н Р. Л. К анализу механизмов возникновения пауз в речи. «Механизмы речеобразования и восприятия сложных звуков». М.— Л., 1966.
- Щ е р б а Л. В. Фонетика французского языка. М., 1948.
- Щ е р б а Л. В. О разных стилях произношения и об идеальном фонетическом составе слов. «Записки Неофилологического общества при СПб. университете», 1915, вып. VIII.
- Я щ у к П. А. Роль интонационного оформления при актуальном членении предложения. «Тезі доповідей до XX Наукової конференції Питання романо-герм. та угорської філології». Ужгород, 1966.
- A b e I. Intonational patterns of English and Japanese. «Word», 1955, v. 11, № 3.
- A b e I. Call contours. «Proceedings of the IV International congress

of phonetic sciences held at the university of Helsinki 4—9 september 1961». The Hague, 1962 (в дальнейшем — Proc. Helsinki).

- A b e r c r o m b i e D. Principles of English prosody. London, 1923.
- A n d e r s o n Sv. La phonologie des pauses dans le discours. «Studia linguistica», 1964, XVIII, № 1.
- A n t o n s e n E. N. Suprasegmentals in German. «Language», 1966, v. 42, № 1.
- A r t e m o v V. A. Tone and intonation.— Proc. Helsinki.
- A v r a m A. Sur le rôle de la fréquence dans la perception de l'accent en roumain.— AL.
- B a l a z s Y. The forerunners of structural prosodic analysis and phonemics.— ALH, 1965, t. 15, fasc. 3—4.
- B a l l y Ch. Intonation et syntaxe.— CFS, 1941, 1.
- B a r k e r M. Z. Handbook of German intonation. N. Y., 1926.
- B a r n e y H. L., Dunn H. K. Speech analysis. Speech synthesis. «Manual of phonetics.» Amsterdam, 1957.
- B e a v e r J. C. A grammar of prosody. «College English». Champaign, 1968, v. 29, № 4.
- B e l i ć A. Der Satz und das Syntagma im Lichte der Belgrader linguistischen Schule. «Wiener slavistisches Jahrbuch», 1955, Bd 4.
- B e l i ć A. L'accent de la phrase et l'accent du mot.— TCLP, 1931, IV.
- B e r g s v e i n s s o n S. Grundfragen der isländischen Satzphonetik. Kopenhagen — Berlin, 1941.
- B e r g s v e i n s s o n S. Die funktionelle Satzphonetik. «Archiv für vergleichende Phonetik», 1943—1944, VII—VIII.
- B e r g s v e i n s s o n S. Über die Bedeutung und die Auswertung der Satzmelodie. «Archiv für vergleichende Phonetik», 1941, v. XVII.
- B e r g s v e i n s s o n S. Pausen im Kontext in freier Erzählung.— AL.
- B e r n s t e i n B. Linguistic codes, hesitation phenomena and intelligence. «Language and speech», 1962, v. 5, pt. 1.
- B e r r y J. Some statistical aspects of conversational speech. «Communication theory». N. Y., 1953.
- B e t h g e W. Phonometrische Untersuchungen zur Satzmelodie.— ZPuAS, 1952, Bd 6, H. 3—4.
- B e t h g e W. Geschätzte und gemessene Melodiewinkel. «Phonetica», 1957, v. 1, № 4.
- B i e r w i s c h M. Regeln für die Intonation deutscher Sätze. «Studia grammatica». Berlin, 1966, H. VII.
- B i s e m i c k s V. Die Satzbetonung als syntaktisches Formmittel. «Вопросы германской филологии». Рига, 1967.
- B l a c k J. W. Natural frequency, duration and intensity of vowels in reading.— JSHD, 1949, v. 14.
- B l a c k J. W., L a n g K. M., J a n c o s e k E., S i n g h S. Oral copying of heard phrases.— JSHR, 1966, v. 9, № 4.

- Bloch A. Intonation und Satzgefüge. «Sprachen — Zuordnung — Strukturen». Den Haag, 1965.
- Bötker A. T. Questions of stress and pause in modern English. «Anglia», 1913, v. 37.
- Bolinger D. L. The intonation of quoted questions. «The quarterly journal of speech», 1946, Bd 32.
- Bolinger D. L. Intonation and analysis. «Word», 1949, v. 5, № 3.
- Bolinger D. L. Intonation: levels versus configurations. «Word», 1951, v. 7, № 3.
- Bolinger D. L. English prosodic stress and Spanish sentence order. «Hispania», 1954, v. 37, № 2.
- Bolinger D. L. Intersections of stress and intonation. «Word», 1955, v. 11, 2.
- Bolinger D. L. The melody of language. «Modern English forum», 1955, v. XV, № 1.
- Bolinger D. L. Interrogative structures of American English. Alabama, 1957.
- Bolinger D. L. and Gerstman L. J. Disjuncture as a cue to constructs. «Word», 1957, v. 13, № 2.
- Bolinger D. L. Intonation and grammar. «Language learning», 1957—1958, v. VIII, № 1—2.
- Bolinger D. L. Stress and information. «American speech», 1958, v. XXXIII, № 1.
- Bolinger D. L. On intensity as a qualitative improvement of pitch accent. «Lingua», 1958, v. VII, № 2.
- Bolinger D. L. A theory of pitch accent in English. «Word», 1958, v. 14, № 3.
- Bolinger D. L. Contrastive accent and contrastive stress. «Language», 1961, v. 37, № 1.
- Bolinger D. L. Generality, gradience and the All or Nones. The Hague, 1961.
- Bolinger D. L. Ambiguities in pitch accent. «Word», 1961, v. 17.
- Bolinger D. L. Binomials and pitch accent. «Lingua», 1962, v. XI.
- Bolinger D. L. Length, vowel, juncture. «Linguistics», 1963, № 1.
- Bolinger D. L. Intonation as a universal. «Proceedings of the IX-th international congress of linguists». The Hague, 1964.
- Boomer D. S., Dittmann A. T. Hesitations pauses and juncture pauses in speech. «Language and speech», 1962, v. 5, pt. 4.
- Bowen J. D. A comparison of the intonation patterns of English and Spanish. «Hispania», 1956, t. 39.
- Bowen J. D., Silva-Fuenzalida J., Stockwell R. P. Spanish juncture and intonation, «Language», 1956, v. 32, № 4.
- Bräner R. Tonbewegung und Erscheinungsformen des sprachlichen Rhythmus. Berlin, 1964.
- Broadbent D. E., Ladefoged P. Auditory perception of temporal order.— JASA, 1959, v. 31.

- C h a p a l l a z M. Notes on Italian intonation. «Le maître phonétique», 1960, № 113.
- C h a p a l l a z M. Farther notes on Italian intonation. «Le maître phonétique», 1962, № 117.
- C h a p a l l a z M. Notes on the intonation of questions in Italian. «Daniel Jones papers contributed on the occasion of his 80-th birthday». London, 1964 (в дальнейшем — D. Jones papers.).
- C h o m s k y N., H a l l e M. and L u k o f f F. On accent and juncture in English. «For Roman Jakobson». The Hague, 1956.
- C o h e n A., S c h o u t e n I. F., t' H a r t J. Contribution of the time parameter to the perception of speech.— Proc. Helsinki.
- C o h e n A., t' H a r t J. On the anatomy of intonation. «Lingua», 1967, v. XIX, № 2.
- C o m p t o n A. J. Aural perception of different syntactic structures and lengths. «Language and speech», 1967, v. 10, pt 2.
- O' C o n n e l l D. C., T u r n e r E. A., O n u s k a L. A. Intonation, grammatical structure and contextual association in immediate recall. «Journal of verbal learning and verbal behavior», 1968, v. 7, № 1.
- O' C o n n o r O. and A r n o l d G. F. Intonation of colloquial English. London, 1961.
- C o o p e r F. S., L i b e r m a n A. Some input-output relations observed in the experiments on the perception of speech. «Proceedings of the 2-th International congress of cybernetics». Namur, 1958.
- C o u s t e n o b l e H. N., A r m s t r o n g L. E. Studies in French intonation. Cambridge, 1934.
- C o w a n J. M. Application of acoustical analysis to linguistic problems.— JASA, 1941, v. 12, № 3.
- C o w a n J. M., B l o c h B. An experimental study of pause in English grammar. «American speech», 1948, v. XXIII, № 2.
- C o w a n J. M. A technique for the measurement of intonation, «Archiv für vergleichende Phonetik», 1939, III.
- C o w a n J. M. Pitch and intensity characteristics of stage speech. «Archives of speech», 1936, III.
- C r y s t a l D. and Q u i r k R. Systems of prosodic and paralinguistic features in English. London — The Hague — Paris, 1964.
- D a n e š F. Sentence intonation from a functional point of view. «Word», 1960, v. 16, № 1.
- D a n e š F. Order of elements and sentence intonation.— RJ, 1.
- D a v i s J. C. Rhythmic stress in Spanish. «Hispania», 1954, t. 36.
- D e l a t t r e P. Speech synthesis as a research technique. «Proceedings of VII-th International congress of linguists». London, 1956.
- D e l a t t r e P. Les indices acoustique de la parole: premier rapport. «Phonetica», 1958, v. 2, № 1—2.
- D e l a t t r e P. De la hierarchie des indices acoustiques pour la perception de la parole. «Proceedings of the V-th International con-

- gress of phonetic sciences held at the university of Münster 16—22 august 1964». Basel — N. Y., 1965 (в дальнейшем — Proc. Münster).
- D e l a t t r e P.**, **P o e n a c k E.**, **O s l o p C.** Some characteristics of German intonation for the expression of continuity and finality. «Phonetica», 1965, v. 13, № 1—2.
- E m i g J. A.** Grammar and reading. «Recent developments in reading». Chicago — London, 1965.
- E s s e n O. von.** Sprachmelodie bei Normalhörigen und Gehörlosen. «Wissenschaftliche Zeitschrift». Berlin, 1954—1955.
- E s s e n O. von.** Grundzüge der hochdeutschen Satzintonation. Ratingen. 1956.
- E s s e n O. von.** Rhythm and melody in Germanic languages. «Manual of phonetics». Amsterdam, 1957.
- E s s e n O. von.** Hochdeutsche Satzmelodie.— ZPuAS, 1956, Bd 9, H. 1.
- F a i r b a n k s G.** An experimental study of the duration characteristics of the voice during the expression of emotion. «Speech monographs», 1939, v. 6; 1941, v. 8.
- F a u r e G.** L'intonation et l'identification des mots.— Proc. Helsinki.
- F a u r e G.** Aspects et fonctions linguistiques des variations mélodiques dans la chaîne parlée. «Proceedings of the IX-th International congress of linguists». The Hague, 1964.
- F a u r e G.** La description phonologique des systèmes prosodiques.— AL.
- F a y W. H.** Temporal sequence in the perception of speech. The Hague, 1966.
- F i r b a s J.** Intonation as a means of functional sentence perspective.— AL.
- F i r t h J. R.** Sounds and prosodies. «Transactions of philological society», 1948, № 1.
- F l a n a g a n J. L.**, **S a s l o w M. G.** Pitch discrimination for synthetic vowels.— JASA, 1958, v. 30, № 5.
- F l a n a g a n J. L.** Speech analysis, synthesis and perception. Heidelberg — N. Y., 1965.
- F l y d a l L.** L'intonation interrogative et l'inversion, membres d'un paradigme hétérogène?— Proc. Münster.
- F o n a g y I.** Elektrophysiologische Beiträge zur Akzentfrage. «Phonetica», 1958, v. 2, № 1—2.
- F o n a g y I.**, **M a g d i c s K.** Speed of utterance in phrases with different length, «Language and speech», 1960, v. 3, pt 4.
- F o n a g y I.** Die Redepausen in der Dichtung. «Phonetica», 1961, v. 5, № 3—4.
- F o n a g y I.**, **M a g d i c s K.** Emotional patterns in intonation and music.— ZPuAS, 1963, Bd 16, H. 1—3.
- F o n a g y I.** Zur Gliederung der Satzmelodie.— Proc. Münster.

- F o u r c i n A. J. An aspect of the perception of pitch.— Proc. Helsinki.
- F r i e s Ch. C. On the intonation of «Yes — No» questions in English. «D. Jones papers».
- F r y D. Duration and intensity as physical correlates of linguistic stress.— JASA, 1955, v. 27, № 4.
- F r y D. B. Coding and decoding in speech. «Signs, signals and symbols». Springfield, 1963.
- F r y D. B. Experiments in the perception of stress. «Language and speech», 1958, v. 1.
- F r y D. B. The dependence of stress judgments on vowel formant structure.— Proc. Münster.
- F u c k s E. Zur Intonation des Englischen Fragesatzes. Bonn, 1935.
- G a g e W. W. A simple-minded search for intonation morpheme analysis. «Proceedings of the linguistic society of America». Chicago, 1959.
- G ä r d i n g E., G e r s t m a n L. The effect of changes in the location of an intonation peak on sentence stress. «Studia linguistica», 1960, XIV, № 1.
- G ä r d i n g E., A b r a m s o n A. S. A study of the perception of some American English intonation contours. «Studia linguistica», 1965, XIX № 1.
- G a r v i n P. L., M a t h i o t i M. Fused units in prosodic analysis. «Word», 1958, v. 14, № 2—3.
- G e r n e r E. Die Intonation im Englischunterricht. «Sprachlabor», 1966, 5.
- G o l d m a n - E i s l e r F. The predictability of words in context and the length of pauses in speech. «Language and speech», 1958, v. 1.
- G o l d m a n - E i s l e r F. Speech production and predictability of words in context. «Language and speech», 1958, v. 1.
- G o l d m a n - E i s l e r F. A comparative study of two hesitation phenomena. «Language and speech», 1961, v. 4, pt. 1.
- G o l d m a n - E i s l e r F. Continuity of speech utterance, its determinants and its significance. «Language and speech», 1961, v. 4, pt. 4.
- G o l d m a n - E i s l e r F. The distribution of pause duration in speech. Там же.
- G o l d m a n - E i s l e r F. Hesitation and information in speech. «Information theory». London, 1961.
- G o l d m a n - E i s l e r F. Hesitation, information and levels of speech production. «Disorders of language». London, 1964.
- G o l d m a n - E i s l e r F. Sequential temporal patterns and cognitive process in speech. «Language and speech», 1967, v. 10, pt. 2.
- G r o o t A. W. de. L'intonation de la phrase néerlandaise et allemande considérée du point de vue de la linguistique structurale.— CFS, 1945, 5.
- G s e l l e V. Méthodes instrumentales dans l'analyse des faites

- d'accent et d'intonation. «Language et comportement», 1965, t. I, fasc. 3.
- G s ü r y V. Die Satzmelodie im Ungarischen. «Leipziger Vierteljahrschrift für Südosteuropä», 1937, I, 3.
- H a d d i n g - K o c h K. Recent work on intonation. «Studia linguistica», 1956, X, 2.
- H a d d i n g - K o c h K. Acoustico-phonetic studies in the intonation of southern Swedish, «Travaux de l'institut de phonétique de Lund». Gleerup / Lund, 1961.
- H a d d i n g - K o c h K., S t u d d e r t - K e n n e d y H. An experimental study of some intonational contours. «Phonetica», 1964, v. 11, № 3—4.
- H a d d i n g - K o c h K. On the physiological background of intonations. «Studia linguistica», 1965, XIX, 1.
- H a f f e r s o n J. W. Stress and rhythm in speech. «Transactions of the philological society», 1938.
- H a l l i d a y M. Intonations systems in English. «Patterns of language. Papers in general, descriptive and applied linguistics». London, 1966.
- H a l l i d a y M. Intonation and grammar in British English. The Hague — Paris, 1967.
- H a m L. B., P a r k i n s o n J. P. Loudness and intensity relations.— JASA, 1931, v. 3.
- H a m m a r s t r ö m G. Réflexions sur la linguistique structurale et la phonétique expérimentale. «Phonetica», 1963, v. 9, № 1.
- H a m m a r s t r ö m G. Linguistische Einheiten im Rahmen der modernen Sprachwissenschaft. Berlin — N. Y., 1966.
- H a m p E. A. Prosodic notes.— IJAL, 1958, v. 24.
- H a n n a t i E. R., E n g l e r L. Juncture phenomena and the segmentation of a linguistic corpus. «Language and speech», 1967, v. 10, pt. 4.
- H a r g r a v e s W. A. A model for speech unit duration. «Language and speech», 1960, v. 3, pt. 3.
- H a r r i s Z. Simultaneous components in phonology. «Language», 1944, v. 20, № 4.
- t'H a r t J., C o h e n A. Experiments with artificial intonation contours.— AL.
- H a u g e n E. Phoneme or prosodeme. «Language», 1949, v. 25, № 3.
- H a u g e n E. The prosodic system of Norwegian. «Scandinavian studies», 1967, v. 39, 1.
- H a u g e n E. Intonation patterns of American Norwegian. «Language», 1941, v. 17.
- H e g e d ü s L. Rhythmus der ungebundenen Sprache. «Archives néerlandaises de phonétique expérimentale», 1935, v. II.
- H e g e d ü s L. On the problem of the pauses of speech.— ALH, 1953, t. III, fasc. 1—2.
- H e g e d ü s L. Sprechtempoanalysen im Ungarischen.— ZPuAS, 1957, Bd 10, H. 1.

- H e n d e r s o n A., G o l d m a n - E i s l e r F., S k a r b e k A.
Sequential temporal patterns in spontaneous speech. «Language and speech», 1966, v. 9, pt. 4.
- H i l l A. Suprasegmentals, prosodies, prosodemes. «Language», 1961, v. 37, № 4.
- H ö f f e W. L. Über Beziehungen von Sprachmelodie und Lautstärke. «Phonetica», 1960, v. 5, № 3—4.
- H o u s h o l d e r F. W. Accent, juncture, intonation and my grandfather's reader. «Word», 1957, v. 13, № 2.
- H o u w e l i n g e n E. van. Über den Unterschied zwischen der Intonation beim freien Sprechen und beim Lesen im Niederländischen. «Archives néerlandaises de phonétique expérimentale», 1938, Bd 14.
- H u g g i n s A. W. Distortion of the temporal pattern of speech.— JASA, 1964, v. 36. № 6.
- H u g g i n s A. W. F. The perception of timing in natural speech. «Language and speech», 1968, v. 11, pt. 1.
- H u g h e s G. W., H o u s e A. S., G o l d s t e i n D. P., R u p f J. A. Is the intelligibility of alternated speech related to rate or place of alternation? — JASA, 1966, v. 40.
- H u l t z e n L. S. Information points in information. «Phonetica», 1959, v. 4, № 2—3.
- H u l t z e n L. S. Significant and nonsignificant in intonation.— Proc. Helsinki.
- J a k o b s o n R. Die Betonung und ihre Rolle in der Wort- und Syntagmaphonologie.— TCLP, 1931, IV.
- J a k o b s o n R. Über die Beschaffenheit der prosodischen Gegensätze. «The selected writings», I. The Hague, 1962.
- J a m e s M. A tentative study of the intonation of Japanese. «Language learning», 1956—1957, v. VII, № 3—4.
- I s a č e n k o A. W. Deutsche Satzintonationen als Konfigurationen zweier diskreter Tonebenen.— Proc. Münster.
- I s a č e n k o A. W., S c h ä d l i c h H. J. Erzeugung künstlicher deutscher Satzintonationen mit zwei kontrastierenden Tonstufen. «Monatberichte der deutsche Akademie der Wissenschaft», 1963, Bd 5, H. 6.
- I s a č e n k o A. V., S c h ä d l i c h H. J. Untersuchungen über deutsche Satzintonation. Berlin, 1964.
- I s a č e n k o A. V. La perception des éléments prosodiques. «Cahiers de linguistique théorique et appliquée», 1966, III.
- J a s s e m W. Indication of speech rhythm in the transcription of educated Southern English. «Le maître phonétique», 1949, № 92.
- J a s s e m W. Intonation of conversational English. Wrocław, 1952.
- J e n s e n M. K. Recognition of word tones in whispered speech. «Word», 1958, v. 14, № 2—3.
- J o n e s D. Intonation curves. Leipzig — Berlin, 1909.
- J o n e s D. Chronemes and tonemes. «Acta linguistica», 1944, v. 4, fasc. 1.

- K a i s e r L. Contribution to the psychologic and linguistic value of melody. «Acta psychologica», 1953, v. 9.
- K a n y s c h e v a T., T r e g u b e n k o w G. Zur Frage der Intonation in einigen Typen des zusammengesetzten Satzes im Deutschen.— ZPuAS, 1958, Bd 11, H. 4.
- K a r c e v s k i j S. Sur la phonologie de la phrase.— TCLP, 1931, IV.
- K a r l g r e n H. Speech rate and information theory.— Proc. Helsinki.
- K i m u r a D. Left-right differences in the perception of melodies. «Quarterly journal of experimental psychology», 1964, v. 6.
- K i n g d o n R. The semantic functions of stress and tone. «English language teaching», 1949, v. 3.
- K i n g d o n R. The groundwork of English intonation. Toronto — N. Y., 1958.
- K i p a r s k y P. Über den deutschen Akzent. «Studia grammatica». Berlin, 1966, H. VII.
- K u h l m a n n W. Vergleich deutscher und englischer Tonhöhenbewegung.— ZPuAS, 1952, Bd 6, H. 3—4.
- K u r a t h H. A phonology and prosody of modern English. Heidelberg, 1964.
- L a d e f o g e d P. Elements of acoustic phonetics. London, 1966.
- L a d e f o g e d P. and others. Syllables and stress. «Miscellanea phonetica», 1958, III.
- L e e W. R. Intonation patterns of two kinds of comparison in English. «Le maître phonétique», 1955, № 103.
- L e e W. R. English intonation: a new approach. «Lingua», 1956, v. V, № 4.
- L e h i s t e I., P e t e r s o n G. E. Some basic considerations in the analysis of intonation. — JASA, 1961, v. 33, № 4.
- L e h i s t e I. Acoustic studies of boundary signals.— Proc. Helsinki.
- L e h i s t e I. Juncture.— Proc. Münster.
- L i b e r m a n A. M., H a r r i s K. S. An effect of learning on speech perception. «Language and speech», 1961, v. 4, pt. 4.
- L i e b e r m a n P. and L e e s R. B. Some acoustic correlates of vowel intonation. «Quarterly progress report № 2. Research laboratory of electronics». Cambridge, Mass., 1958.
- L i e b e r m a n P. Some acoustic correlates of word stress in American English.— JASA, 1960, v. 32, № 4.
- L i e b e r m a n P. Perturbations in vowel pitch.— JASA, 1961, v. 33, № 5.
- L i e b e r m a n P. Some effects of semantic and grammatical context on the production and perception of speech. «Language and speech», 1963, v. 6, pt. 3.
- L i e b e r m a n P. Intonation and the syntactic processing of speech. «Proceedings of the symposium on models for the perception of speech and visual form». Boston, 1964.

- L i e b e r m a n P. On the acoustic basis of the perception of intonation by linguistics. «Word», 1965, v. 21, № 1.
- L i e b e r m a n P. On the structure of prosody. «Models of speech perception. Symposium 23». Moscow, 1966.
- L i e b e r m a n P. Intonation, perception and language. Cambridge. Mass., 1967.
- L e e W. R. An English intonation reader. London. 1960.
- L i s k e r L. Linguistic segments, acoustic segments and synthetic speech. «Language», 1957, v. 33, № 3.
- L o u n s b u r y F. G. Pausal, juncture and hesitation phenomena. «Psycholinguistics». Baltimore, 1954.
- L u r i a A. R., M o n r a d - K r o h n G. The third element of speech: prosody. «The journal of mental science», 1957, v. 103, № 431.
- M a a c k A. Über die «Formenelemente des Sprechrhythmus».— ZPuAS, 1956, Bd 9, H. 3—4.
- M a g d i c s K. Research on intonation during the past ten years.— ALH, 1963, t. XIII, fasc. 1—2.
- M a g d i c s K. Acoustic correlates of some Hungarian emotive intonation patterns.— Proc. Münster.
- M a h n k e n I. Formenelemente des Sprechrhythmus.— ZPuAS, 1953, Bd 7, H. 5—6.
- M a h n k e n I. Die Struktur der Zeitgestalt des Redegebildes. Göttingen, 1962.
- M a h n k e n I. Zur Problematik der strukturellen Relevanz prosodischen Erscheinungen.— Proc. Münster
- O'M a l l e y M. H., P e t e r s o n G. E. An experimental method for prosodic analysis. «Phonetica», 1966, v. 15, № 1.
- M a l m b e r g B. Structural linguistics and human communication. Göttingen — Heidelberg — Berlin, 1963.
- M a l m b e r g B. La linguistique structurale et la phonétique expérimentale. «Acta conventus romani». Copenhagen, 1961.
- M a l m b e r g B. Analyse des faits prosodiques — problèmes et méthodes. «Cahiers de linguistique théorique et appliquée», 1966, III.
- M a l o n e R. L. Temporal ordering and speech identification abilities.— JSRH, 1967, v. 10, № 3.
- M a r t i n J. C., S t r a n g e W. Determination of hesitations in spontaneous speech. «Journal of experimental psychology». Lancaster, 1968, v. 76, № 3, pt. 1.
- M a r o u z e a u J. L'intonation du français. «Le Français moderne», 1948, t. 16.
- M a r o u z e a u J. Quelques effets de l'intonation. «Le Français moderne», 1949, t. 17.
- M a r t i n e t A. Réflexions sur la phrase. «Language and society». Copenhagen, 1961.
- M a t t i n g l y I. G. Synthesis by rule of prosodic features. «Language and speech», 1966, v. 9, pt. 1.
- M e i n h o l d G. Die Intonation des progredienten Syntagmas im

- Deutschen. «Wissenschaftliche Zeitschriften der F. Schiller Universität Jena», 1967, Jg. 16, H. 1.
- Meyer-Eppler W. Realisation of prosodic features in whispered speech.— *JASA*, 1957, v. 29, № 1.
- Mikheeva V. J. Intonation of declarative French sentences with adjectives in apposition. «*Phonetica*», 1965, v. 12, № 3—4.
- Mol H. Aural stimuli and their interpretation.— *Proc. Helsinki*.
- Mol H, Uhlenbeck E. The linguistic relevance of intensity in stress. «*Lingua*», 1956, v. V, № 2.
- Monrad-Krohn G. H. Disprosody or altered «melody of language». «*Brain*», 1947, t. 70, № 4.
- Morishita S. Intonation patterns for emotional utterances. «*Japanese science*», 1954, v. 5.
- Morton J., Jassem W. Acoustic correlates of speech. «*Language and speech*», 1965, v. 8, pt. 3.
- Navarro T. El grupo tonico como unidad melodica. «*Revista de filologia hispanica*», 1939, v. 1.
- Ohman S. E. G., Lindqvist J. Analysis-by-synthesis of prosodic pitch contours. «*Models of speech perception*». Moscow, 1966.
- Osser H., Peng F. A cross-cultural study of speech rate. «*Language and speech*», 1964, v. 7, pt. 2.
- Parvye T. E. A. technique for the analysis of pitch in connected discours, «*Archives néerlandaises de phonétique expérimentale*», 1932, v. VII.
- Pavlik S. Göttinger Untersuchungen über Prosodie der Rede. «*Sbornik prací filosof. fakulty Brněnské university, Řada jazykovědná*», 1967, № 15.
- Perkell J. A. Studies of the dynamics of speech production. «*Quarterly progress report № 76*». Cambridge, Mass., 1965.
- Peterson G. E. The information bearing elements of speech.— *JASA*, 1952, v. 21, № 6.
- Peterson G. E. An oral communication model. «*Language*», 1955, v. 31, № 3.
- Pike K. L. The intonation of American English. Ann Arbor, 1947.
- Pike K. L. Practical phonetics of rhythm waves. «*Phonetica*», 1962, v. 8, № 1—3.
- Pike K. L. Discours analysis and tagmeme matrices. «*Oceanic linguistics*», 1964, v. 3, № 1.
- Pike K. L. The hierarchical and social matrix of suprasegmentals, «*Prace filologiczne*». Warszawa, 1965, v. 18.
- Pike K. L. Suprasegmentals in reference to phonemes of item, of process and of relation.— *RJ*, II.
- Pike K. L. On the grammar of intonation.— *Proc. Münster*.
- Pike K. L. Language in relation to the unified theory of human behavior, I—III. The Hague, 1967.
- Pilch H. Intonation. Experimentelle und strukturelle Daten. «*Cahiers de linguistique théorique et appliquée*», 1966, III.

- P i t t e n g e r R. E. Linguistic analysis of tone of voice in communication of affect. «Psychiatric research reports», 1957, v. 8.
- P o l l o c k I., P i c k e t t S. M. Intelligibility of excerpts from fluent speech: auditory vs. structural context. «Journal of verbal learning and verbal behavior», 1964, № 3.
- P o l i v a n o v E. Zur Frage der Betonungsfunktionen.— TCLP, 1936, VI.
- P u l g r a m E. Introduction to the spectrography of speech. The Hague, 1959.
- P u l g r a m E. Prosodic systems: French. «Lingua», 1965, v. XII, № 2.
- Q u i r k R. и др. Studies in the correspondence of prosodic to grammatical features in English. «Proceedings of IX-th International congress of linguists». The Hague, 1964.
- R a m s a y R. W., L a w L. N. The measurement of duration of speech. «Language and speech», 1966, v. 9, pt. 2.
- R i c h t e r H. Kolloquium Rothenberge. Thema: auditive Erfassung der Intonation. «Phonetica», 1965, v. 12, № 1—2.
- R i c h t e r H. Anleitung zur auditiv-phänomenalen Beurteilung der suprasegmentellen sprachlicher Äusserungen. «Gesprochene Sprache», Wiesbaden, 1966.
- R i g a u l t A. Rôle de la fréquence, de l'intensité et de la durée vocaliques dans la perception de l'accent en français.— Proc. Helsinki.
- R i g a u l t A. Réflexions sur le statut phonologique de l'intonation. «Proceedings of IX-th International congress of linguists». The Hague, 1964.
- R o b e r t s P. Intonation. «Essays on language and usage», N. Y., 1963.
- R o c e r i c - A l e x a n d r e s c u A. Intonation and predictability.— AL.
- R o m p o r t l M. Zum Problem der Fragemelodie. «Lingua», 1955, v. V, № 1.
- R o m p o r t l M. Zum vergleichenden Studium der Satzphonetik.— ZPuAS, 1957, Bd 10, H. 4.
- R o m p o r t l M. Zum Wesen der Intonation.— Proc. Helsinki.
- R o m p o r t l M. Zentrum und Peripherie im phonologischen System. «Travaux de linguistique de Prague», 1966, v. 2.
- S a l z i n g e r K., E c k e r m a n C. Grammar and the recall of verbal responses. «Journal of verbal learning and verbal behavior», 1967, v. 6, № 2.
- S h a f f D. J. Variations in vowel intensity measurements. «Language and speech», 1966, v. 9, pt. 4.
- S h a r p E. Falling-rising intonation patterns in English. «Phonetica», 1958, v. 2, № 3—4.
- S c h l a c h t e r W. Wirkungen von Sprachrhythmus und Satzmelodie im Lappischen. «Ungarische Jahrbücher». Berlin — Leipzig, 1942, Bd 22.
- S c h m i d t W. Satz Sinn und Tonfall. «Anglia», 1938, v. 61.

- Schmitt A. Die Tonhöhen in der Sprache. «Studium generale», 1966, Jg 19, H. 1.
- Shores J. H. Dimensions of reading speed and comprehension. «Elementary English». Champaign, 1968, v. 45, № 1.
- Schubiger M. English intonation and syntax. «Proceedings of the II-th International congress of phonetic sciences». London, 1935.
- Schubiger M. The role of intonation in spoken English. St. Gall, 1935.
- Schubiger M. Notes on the intonation of coordinate sentence and syntactic groups. «English studies», 1953, v. XXXIV, № 6.
- Schubiger M. English intonation, its form and function. Tübingen, 1958.
- Schubiger M. The interplay and cooperation of word-order and intonation in English.— «D. Jones papers».
- Schubiger M. A note on the rise-fall nuclear glide in English intonation.— Proc. Münster.
- Scott N. C. Distinctive Phythm. «Le maître phonétique», 1940.
- Seller H. On the syntactic role of word order and of prosodic features. «Word», 1962, v. 18, № 1—2.
- Siegmán A. W. и др. A study of pauses in oral reading of one's native language and English. «Language and speech», 1966, v. 9, pt. 4.
- Siertsema B. Timbre, pitch and intonation. «Lingua», 1962, v. XI.
- Sledd J. Superfixes and intonation patterns. «Litera», 1956, № 3.
- Smith S. On pitch variation. «Folia phoniatrica», 1959, № 4.
- Snidecor J. A comparative study of the pitch and duration characteristics of impromptu speaking and oral reading. «Speech monographs», 1943, v. 10.
- Starkweather J. A. Vocal behavior: the duration of speech units. «Language and speech», 1959, v. 2, pt. 3.
- Stockwell R. P. The place of intonation in a generative grammar of English. «Language», 1960, v. 36, № 3.
- Tiffin J. Application of pitch and intensity measurements of connected speech.— JASA, 1934, v. 5, № 4.
- Toma P. Accent et ictus, «Cahiers de linguistique théorique et appliquée», 1966, III.
- Trager G. L. The intonation systems of American English.— «D. Jones papers».
- Trier J. Rhythmus. «Studium generale», 1949, Jg. 2.
- Trojan F. Akzent, Betonung und Rhythmus. «Studium generale», 1966, Jg. 19, H. 1.
- Truby H. M. Duration as an alternate synthesis-parameter for intensity and vowel quality.— Proc. Münster.
- Twaddell W. F. Stetson's model and the «suprasegmental phonemes». «Language», 1953, v. 29, № 4.

- U l l d a l l e. Attitudinal meanings conveyed by intonation contours. «Language and speech», 1960, v. 3, pt. 4.
- U l l d a l l e. Dimensions of meaning in intonation.— «D. Jones papers».
- W e i n r e i c h U. Notes on the Yiddish rise-fall contours. «For Roman Jakobson». The Hague, 1956.
- W e i n r i c h H. Phonologie der Sprechpause. «Phonetica», 1961, v. 7, № 3—4.
- W e l l s R. S. The pitch phonemes of English. «Language», 1945, v. 21, № 1.
- W e n d l e r J. Zur auditiven Steuerung der Sprechintonation.— AL.
- W i n g a t e M. E. Prosody in stuttering adaptation.— JSHR, 1966, v. 9, № 4.
- W o d a r z H. W. Über syntaktische und expressive Relevanz der Intonation.— Proc. Helsinki.
- W o d a r z H. W. Über vergleichende Satzmelodische Untersuchungen. «Phonetica», 1960, v. 5, № 2.
- W o d a r z H. W. Zur Frage der syntagmatischen und paradigmatischen Gliederung der Intonation.— Proc. Münster.
- W o d e H. Englische Satzintonation. «Phonetica», 1966, v. 15, № 3—4.
- W o r t h D. S. Suprasyntactics. «Proceedings of IX-th International congress of linguists». The Hague, 1964.
- W ü n s c h W. Klang und Rhythmus. «Archiv für vergleichende Phonetik», 1937, № 1.
- W u r m S. A. Pitch and intensity recordings devices for the study of Australasian languages.— ZPuAS, 1967, Bd 20, H. 3.
- Z w a n e b u r g W. Recherches sur la prosodie de la phrase française. Leiden, 1965.
- Z w i r n e r E., Z w i r n e r K. Über Hören und Messen der Sprachmelodie. «Archiv für vergleichende Phonetik», 1937, № 1.
- Z w i r n e r E., Z w i r n e r K. Phonometrischer Beitrag zur Frage der nhd Quantität. «Archiv für vergleichende Phonetik», 1937, № 1.
- Z w i r n e r E. Probleme der Sprachmelodie.— ZPuAs, 1952, Bd 6, № 5—6.
- Z w i r n e r E., Z w i r n e r K. Phonometrie. Basel — N. Y., 1966.
- Z w i r n e r E. A contribution to the theory of pitch curves. «Archives néerlandaises de phonétique expérimentale», 1932.
- Z u c k e r L. Psychological aspects of speech melody. «Journal of social psychology», 1946, v. 23.
- Z i n k i n N. I. Four communicative systems and four languages. «Word», 1962, v. 18, № 1—2
- Z a c h e r O. Zur Intonation syntaktischer Grundmodelle.— ZPuAS, 1963, Bd 16, H. 1—3.

Литература по синтаксической интонации
русского языка

- А л и е в а Т. Н. Виды работы над интонацией русского языка при изучении синтаксиса. «Уч. зап. Азербайджанского пед. ин-та. Педагогика и дефектология». Баку, 1966.
- А н т и ц о в а А. М. Интонационная структура восклицательных предложений в ее взаимодействии с их лексикограмматической структурой на материале английского и русского языков.— АЛ.
- А р т е м о в В. А. К вопросу об интонации русского языка. «Уч. зап. I МГПИИЯ», 1953, т. VI.
- Б е л ь с к и й А. В. Интонация как средство детерминирования и предципирования в русском литературном языке. «Исследования по синтаксису русского литературного языка». М., 1956.
- Б л и н о в И. Я. О русской речевой интонации. «Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина», Кафедра русского языка, вып. 6, т. 89, 1956.
- Б о н д а р к о Л. В. Мелодика неполных бесказуемых предложений в современном русском языке. «Уч. зап. ЛГУ», 1960, № 237, вып. 40.
- Б о н д а р к о Л. В. Некоторые количественные характеристики неоднородности русских ударных гласных. «Уч. зап. ЛГУ», 1964, № 325, вып. 69.
- Б р у с я н и н И. В. К вопросу о речевой интонации русского и немецкого языков. «Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена», 1960, т. 217.
- Б р ы з г у н о в а Е. А. Практическая фонетика и интонация русского языка. М., 1963.
- Б р ы з г у н о в а Е. А. Материалы по курсу «Фонетика и интонация русской речи». М., 1965.
- Б р ы з г у н о в а Е. А. Интонация и смысл предложения. «Русский язык за рубежом», 1967, № 1.
- В а с и л ь е в В. А. Синтаксическая роль интонации (в английском и русском языках). «Phonetica», 1965, ч. 12, № 3—4.
- В е р б и ц к а я Л. А. Мелодика побудительных предложений в русском языке. «Уч. зап. ЛГУ», 1964, № 324, вып. 69.
- В и л л е р М. А. Об интонации простого повествовательного предложения в современном русском языке. «Уч. зап. ЛГУ», 1960, № 237, вып. 40.
- В с е в о л о д о в а М. В. К вопросу об изучении интонации на уроках русского языка. «Język gosyjski», 1967, № 1.
- В с е в о л о д с к и й - Г е р н г р о с с В. Н. Теория русской речевой интонации. Пг., 1922.
- Г а л е е в а М. М. Спектральные характеристики русских гласных в зависимости от фразового ударения (к вопросу о роли тембра в составе интонации). «Труды университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы», т. XXII. Языковедение, вып. 2. М., 1967.

- Талева М. М. Интенсивность ударных гласных в синтагмах повествовательного предложения в русском языке.— Там же.
- Гвоздев А. Н. О фонологических средствах русского языка.— М.— Л., 1949.
- Жинкин Н. И. Восприятие ударения в словах русского языка.— Изв. АПН РСФСР, 1954, вып. 54.
- Златоустова Л. В. Фонетическая природа русского словесного ударения (автореф. канд. дисс.). Л., 1953.
- Златоустова Л. В. Фонетическая структура слова в потоке речи. Казань, 1962.
- Клычникова З. А. Бессоюзное предложение и его понимание. «Уч. зап. I МГПИИЯ», 1953, т. VI.
- Кротевиц Е. В. Интонационный рисунок предложений с обособленными синтагмами. «Вопросы славянского языкознания», кн. 1. Львов, 1948.
- Кузнецова Г. М. Мелодика простого повествовательного предложения в современном русском языке. «Уч. зап. ЛГУ», 1960, № 237, вып. 40.
- Кузьмичева В. К. К вопросу об интонационно-синтаксической структуре обращения в современном русском языке. «Дослідження української та російської мов». Київ, 1964.
- Лысков И. П. Интонация простого предложения.— РЯШ, 1931, № 2—3.
- Любимова Н. А. Мелодика обособленных приложений в русском языке. «Уч. зап. ЛГУ», 1964, № 235, вып. 69.
- Милويدова Р. В. Интонация перечисления в немецком языке сравнительно с русским. «Уч. зап. I МГПИИЯ», 1960, т. XX.
- Мильк В. Ф. Интонация присоединения в современном русском языке. «Уч. зап. I МГПИИЯ», 1960, т. XVIII.
- Оливерус З. Ф. Динамика, ритм и мелодика русского языка. «Ruský jazyk», 1966, гос. 17, с. 3.
- Оливерус З. Ф. Речевые структуры русской разговорной речи и преподавание русского языка в чешской школе. «Československá rusistika», 1964, № 2.
- Пешковски й А. М. Роль выразительного чтения в обучении знакам препинания.— Избр. труды. М., 1959.
- Петер М. Мелодика вопросительного предложения. «Studia slavica», t. I, fasc. 1—3. Budapest, 1955.
- Ревтова Л. Д. Интонация видов повествования в современном русском и английском языках. «Phonetica», 1965, v. 12, № 3—4.
- Романова Р. М. Мелодика предложений с вводными словами автора при прямой речи. «Уч. зап. ЛГУ», 1964, № 325, вып. 69.
- Седун Е. П. Обучение ритмическому фразовому ударению как средству интонационного членения в русском языке. «Русский язык для студентов-иностранцев». М., 1961.
- Торсуев Г. П. Предварительное сообщение об экспериментальном сравнении английской и русской интонации. «Уч. зап. I МГПИИЯ», 1940, т. I.

- Фирсов Г. П. Значение работы над интонацией для усвоения синтаксиса и пунктуации в школе. М., 1962.
- Федосеева В. С. Интонация ответа в русском языке. «Труды Военного ин-та иностранных языков. Вопросы интонации», М., 1953, т. 3—4.
- Фридлендер А. Н. Смыслоразличительная роль интонации и пунктуации при однородных членах без союзов в современном языке. «Программа и тезисы докладов на VII научно-методической конференции Сев.-Зап. зонального объединения». Л., 1966.
- Черемисина Н. О ритмико-интонационной организации современной русской речи. «Материалы VI межобластной конференции языковедов Поволжья». Ульяновск, 1962.
- Чернышев В. Законы и правила русского произношения. Пг., 1915.
- Чичагов В. К. О динамической структуре русского предложения. — ВЯ, 1959, № 3.
- Шафиро М. Е. Из наблюдений над синтаксисом устной монологической речи. «Материалы и тезисы докладов XV итоговой научной конференции». Оренбург, 1967.
- Boyanus S. C. The main types of Russian intonation. «Proceedings of the 2-th International congress of phonetic sciences. London, 1935». Cambridge, 1936.
- Braun M. Beobachtungen zur russischen Sprachmelodie. «Festgabe für P. Diels. Münchener Beiträge zur Slavenkunde». München, 1953.
- Buning J. E., Schooneveld C. H. van. The sentence intonation of contemporary standard Russian as a linguistic structure. s'Gravenhage, 1960.
- Lawrence J. The contextual variants of the Russian vowels. s'Gravenhage, 1959.
- Mahnken I., Braun M. Zum «expiratorischen Akzent» im Russischen. — ZPuAS, 1952, Bd 6, H. 3—4; 5—6.
- Neustupný J. V. Accent in Japanese and Russian. A typological study. «Archiv orientální», 1959, v. XXVI.
- Romportl M. Zvukový rozbor ruštiny. Praha, 1962.
- Rydh T. En metod förm melodematisk beskriving av modern ryska. «Stockholms universite», 1964.
- Sadatoshi J. Sur les intonations des phrases russes. «Study of sounds». Tokyo, 1957, t. V.

Литература по синтаксической интонации славянских языков

- Багмут А. И. К характеристике интонации повествовательных предложений в современных славянских языках. — АЛ.
- Баженов М. М. Виразне читання і культура усної мови. Київ, 1949.
- Баряник Д. Х. Микрофонні форми усної монологічної мови. «Республіканська наукова конференція». Полтава, 1965.

- Б і л о ш т а н Л. А. Про нормативність наголосу в українській мові. «Мовознавство», 1963, т. 18.
- Б о р и с ю к І. В. Інтонація риторичного запитання в сучасних українській і французській мовах. «Мовознавство», 1968, № 2.
- Б р о в ч е н к о Т. А. Энергетические корреляты словесного ударения (на материале украинского языка).— АЛ.
- Б р о к О. Очерк физиологии славянской речи. СПб., 1910.
- В а р ч е н к о О. И. Явища фонетики-семантичної диференціації в усній мовленні. «Республіканська наукова конференція». Полтава, 1965.
- Д у д и к П. С. Особливості розмовної мови. «Українська мова і література в школі». Київ, 1967, № 6.
- Г е о р г и е в а М. По вѣпроса за мелодика на българския език. «Български език», 1967, № 1.
- Г р и щ е н к о А. П. Особливості інтонації складносурядних речень. «Граматичні та стилістичні студії». Київ, 1965.
- Г р и щ е н к о А. П. Особливості інтонації складносурядних речень. «Республіканська наукова конференція». Полтава, 1965.
- З а д о р о ж н и й Б. М. До питання про інтонацію в слов'янських мовах. «Вопросы славянского языкознания», кн. 3. Львов, 1953.
- К о с т р у б а П. Фонетика сучасної української літературної мови, ч. I. Львів, 1963.
- К о ш а ч е в с ь к и й С. С. Техника мови. [«Знання». Серія XI, № 24]. Київ, 1963.
- К у з ь м и ч о в а В. К. Інтонація — важливий елемент культури мовлення. «Питання мовної культури». Київ, 1967, № 1.
- П а л а К. Отношение между порядком слов и актуальным членением в чешском языке. «Prague studies in mathematics», 1967, № 2.
- П и т а н н я експериментальної фонетики. Збірник статей. Київ, 1963.
- П и л и п е н к о О. Ф. Интонация неместоименного вопроса и связанного с ним ответа в современном английском языке в сопоставлении с украинским языком. «Phonetica», 1965, v. 12, № 3—4.
- Р е в у ц ь к и й Д. Живе слово (теорія виразного читання для школи). Київ, 1920.
- С у н ц о в а І. П., Т о ц ь к а Н. І. Лабораторія експериментальної фонетики. «Вісник Київського ун-ту. Серія філології», 1967, № 9.
- В е л і б А. O řečenickom akcentu u kaštavskom govoru. «Južnoslovenskij filolog», 1935, № 14.
- С h l u m s k ý J. La mélodie des voyelles accentuées en tchèue. «Slavia», 1925, r. IV, (C) 1. ?
- С h l u m s k ý J. Ke sporu o český přízvuku. «Listy filologické», 1926, r. 53; 1927, r. 54.
- С h l u m s k ý J. Česká kvantita, melodie a přízvuk. «Rozpravy české Akademie věd», 1928, třída III, č. 65.
- С h l u m s k ý J. Quelques observations sur l'accent d intensité,

- la mélodie et la quantité articulatoire et acoustique. «*Révue de phonétique*», 1929, VI.
- Chlumský J. Několik poznámek k mé studii o české kvantitě, melodii a přízvuku. «*Listy filologické*», 1930, r. 57.
- Daneš F. Intonace a věta ve spisovné češtině. Praha, 1957.
- Daneš F. Studie o vetné intonaci.— SaS, 1950, r. 12, č 1.
- Daneš F. и др. O mluveném slově. Praha, 1954.
- Dłuska M. Prozodia języka polskiego. Kraków, 1947.
- Dłuska M. Polskie zestroje akcentowe i intonacyjne. «*Sprawozdania z czynności i posiedzeń PAN*», t. 47, № 3. Kraków, 1947.
- DeBroy R. G. A. Some observations of the Serbo-Croatian musical accents in connected speech. «*Study of sounds*», v. IX. Tokyo, 1961.
- Dvoň L. Rytmičný zákon v spisovnei slovenčine. Bratislava, 1955.
- Galtón H. Über das Prinzip rhythmischer Alternation im Slavischen. «*Wiener slavistisches Jahrbuch*», 1958, v. 5.
- Garde P. Réflexions sur les différences phonétiques entre les langues slaves. «*Word*», 1961, v. 17, № 1.
- Hála B., Sovák M. Hlás, řeč, sluch. Praha, 1947.
- Hodgē C. T. Serbocroatian stress and pitch. «*General linguistics*», 1958, v. 3, № 2.
- Ivič P. The functional yield of prosodic features in the patterns of serbocroatian dialects. «*Word*», 1961, v. 17, № 3.
- Ivič P. Die Hierarchie der prosodischen Phänomene im serbocroatischen Sprachraum. «*Phonetica*», 1959, v. 3, № 1.
- Ivič P. Srpskohrvatski akcenti i istina. «*Delo*», 1967, № 2.
- Jakobson R. Comparative slavic phonology. «*Selected writings*», v. I, The Hague, 1962.
- Jakobson R. Contributions to the study of Czech accent. «*Selected writings*», v. I. The Hague, 1962.
- Jančák P. Zapadočeský intonační typ. «*Slavica pragensia*», 1966. 8.
- Jančák P. Zvuková stránka českého pozdrávu. Praha, 1957.
- Janco J. Jazyková melodie a její výšky a hloubky ve službách skladby a významosloví. Praha, 1948.
- Janota P. An experiment concerning the perception of stress by Czech listeners. «*Phonetica pragensia. Acta universitates Carolinae*», 1967, 6.
- Jassem W. Akcent języka polskiego. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1962.
- Jassem W. The phonology of Polish stress. «*Word*», 1959, v. 15, № 2.
- Kostič D., Akcenat i rečenička intonacija. «*Glasnik SAN*», 1950, Knj. 22.
- Kostič D., Stepanović P. Elementi rečeničke intonacije. «*Glasnik SAN*», Knj. 22.
- Král J. Česká prosodie. Praha, 1909.

- K r e m e r y St. Melodie věty a přízvuk v slovenčině. «Slovenské pohlády», 1938, Jg. 48.
- L a m p r e c h t A. Vývoj fonologického systému českého jazyka. Brno, 1966.
- L e h i s t e I. Some acoustic correlates of accent in Serbocroatian. «Phonetica», 1961, v. 7, № 2—3.
- M a h n k e n I. Studien zur serbokroatischen Satzmelodie. Göttingen, 1964.]
- M a t h e s i u s V. Mluvní takt a některé problémy příbuzné.— SaS, 1937, r. 3.
- M a t h e s i u s V. K theorii vetné intonace.— SaS, 1937, r. 3.
- M a t h e s i u s V. K dynamické linii české věty. «Časopis pro moderní filologii», 1931, v. 17.
- M i l e t i ě Br. Utičaj rečenicke melodije na intonaciju reči. «Zbornik u čast A. Beliča». Beograd, 1937.
- O n d r a ě k o v á J. O mluvní rytmu v češtině.— SaS, 1954, r. 15, č. 1.
- O n d r a ě k o v á J. Ritmičnata structura na českija ezik. «Ezik a literatura», 1963, XVIII, № 3.
- O n d r a ě k o v á J. K analýze přízvučnosti, zvlastě v češtině. «Slavica pragensia», 1962, 4.
- P a v l o v i ě M. Intonation des Satzes und Wortakzent. «Welt der Slaven», 1966, Jg. 11, H. 4.
- P e t ř í k St. K intonaci věty. «Naše řeč», 1935, v. XIX, № 2.
- P e t ř í k St. K intonaci věty. «Listy filologické», 1936, r. 63.
- P e t ř í k St. O hudební stránce středočeské věty. Praha, 1936.
- P o l l o c k K.-H. Der neustokavische Akzent und die Struktur der Melodiegestalt der Rede. Göttingen, 1964.
- P o p o v K. Wortfolge- und Intonationbesonderheiten des doppelten Objektes im Bulgarischen. «Welt der Slaven», 1967, Jg. 12, H. 2.
- R o m p o r t l M. Melodie ruské a české věty. «Sovětská Jasykověda», 1954, r. 4, č. 3.
- R o m p o r t l M. Zvuková stránka souvislé řeči v nařečích na Tešinku. Opava, 1958.
- R o m p o r t l M. Zustalý v češtině stopy praslovanských intonací. «Slavia», 1953, r. 22, (č) 2—3.
- R o m p o r t l M. Melodie (tonový průběh) otázky zjstovací v hovorové střední češtině. «Listy filologické», 1951, r. 75, № 5—6.
- R o m p o r t l M. K tonovému průběhu v mluvené češtině. Praha, 1951.
- S e d l á k J. V. Pokuske badání o rytmu. «Časopis pro moderní filologii», 1927 r. XIII.
- S k a l i ě k o v a A. K otázce vetního přízvuku v češtině. «Acta Universitatis Carolinae, Philologica», 1956, Bd 2.
- S v o b o d a K. K poznávání mluvnických jevů a k systému mluvnických znalostí. «Česky jazyk a literatura». Praha, 1966—1967, № 5.

- Trager G. L. Serbocroatian accents and quantities. «Language», v. 16, 1940, № 1.
- Trávníček F. Funkce českého přízvuku.— SaS, 1941, r. 7.
- Trávníček F. O rytmu řeči. Brno, 1953.
- Trost P. Česká práce o větné intonaci.— SaS, 1939, r. V, č. 2.
- Trost P. O problemech větné intonace.— SaS, 1937, r. 3.
- Weingart M. Etude du langage parlé suivi du point de vue musical avec considération particulière du tchéquè.— TCLP, 1929, I.
- Wodarz H. W. Ist der polnische Akzent melodisch? «Phonetica», 1961, v. 6, № 3—4.
- Wodarz H. W. Zur Satzintonation des Polnischen. «Phonetica», 1962, v. 8, № 1—3.
- Zich O. O rytmu české prosy. «Živé slovo», 1930, v. 1.
- Zilyńskij J. Opis fonetyczny języka ukraińskiego. Warszawa, 1932.
- Zima P. K otázce klasifikace mluvního tempa.— SaS, 1959, r. XX, č. 2.
- Zima P. Otázka dynamického přízvuku.— SaS, 1959, r. XVII, č. 4,

Корректурные примечания:

- Азарова Л. В. Семантико-синтаксический и семантико-интонационный анализ сложноподчиненных предложений, подвергшихся трансформационным преобразованиям в английском языке. «Уч. зап. МГПИ», 1968, № 282.
- Азарова Л. В. Экспериментальное исследование интонационной структуры *s*, образованной в результате трансформации из *s + (that)s*. «Уч. зап. МГПИ», 1968, № 282.
- Архинов Г. Б. О влиянии темпа речи на аудирование. «Уч. зап. I МГПИИЯ», 1968, т. 44.
- Асылгараев Ш. Н. Синтагматическое членение речевого потока. «Сб. аспирантских работ Казанского ун-та им. В. И. Ульянова-Ленина. Гуманитарные науки», 1968.
- Болла К. К вопросу о соотношении длительности гласных и фонетической структуры слова. «Studia slavica», 1968, t. 14, fasc. 1—4.
- Бухарин В. И. О синтагматическом членении предложений. — РЯШ, 1968, № 4.
- Владимирская В. В. К изучению интонации экспрессий. «Вестник общественных наук АН Арм. ССР». 1968, № 2.
- Генина В. Г. Интонация абсолютных конструкций с предлогом *with* и беспредложных абсолютных конструкций в английском языке. «Уч. зап. I МГПИИЯ», 1968, т. 42.
- Егоров Г. Г. О функциональном характере интонации. «Вестник МГУ», Филология, 1968, № 5.
- Кандинский Б. С. Целый текст и его интонационная структура. «Иностранный язык в высшей школе», М. 1968, вып. 4.

- К а ш к и н а В. К. Интонация видов повествования в современном французском языке. «Проблемы и методы изучения языков» Минск, 1968.
- К о д з а с о в С. В., О т р я ш е н к о в Ю. М. Экспериментальные исследования ударения. «Исследования по речевой информации». М., 1968.
- Н и к о л а е в а Т. М. О соотношении сегментных указателей текста и суперсегментных языковых средств. — ВЯ, 1968, № 6.
- П а х о м о в а Л. В. Интонация сложноподчиненных предложений с придаточным причины в современном английском языке. «Уч. зап. I МГПИИЯ». 1968, т. 42,
- С м о л е н с к а я С. С. Интонационное оформление английских юмористических речевых единиц. «Уч. зап. МГПИ», 1968, № 282.
- Т о р с у е в а И. Г. Дискретный характер интонации и возможности ее типологического изучения. «Уч. зап. I МГПИИЯ», 1968, т. 42.
- Т р а в к и н а А. Д. Интонация специализированных вопросов в английском языке. «Уч. зап. I МГПИИЯ», 1968, т. 42.
- Х и ц к о Л. И. Интонационное выражение коммуникативной нагрузки распространенного определения в немецком языке. «Уч. зап. I МГПИИЯ», 1968, т. 42.
- Ш а б а д а ш Г. А. К вопросу об интонации упрека-выговора в английском языке. «Уч. зап. МГПИ», 1968, № 282.
- Ш а б а д а ш Г. А. Сравнительное экспериментальное исследование выражения упрека-выговора в английской речи. «Уч. зап. МГПИ», 1968, № 282.
- В о u d r e a u l t M. Rythme et mélodie. Étude instrumentale comparative entre sujets québécois et français. «Études de linguistique franco-canadienne». Paris — Québec. 1967.
- С h e n g C h i n - C h u a n. English stresses and Chinese tones in Chinese sentences. «Phonetica», 1968, v. 18, № 2.
- F a u r e G. Accent, rythme et intonation. «Français dans le monde», 1968, t. 8, № 57.
- I s a č e n k o A. V. Der phonologische Status der Satzintonation. «Wiener slavistisches Jahrbuch», 1967, Bd 6. Phonologie der Gegenwart.
- J a n o t a P. Personal characteristics of speech. Praha, 1967.
- J o n e s A. B. Stress and intonation in Modern Greek. «Glotta», Göttingen, 1967, Bd 44, H. 3—4.
- K o s c h m i e d e r E. Akzent, Intonation und Quantität. «Internationalen Dialektologenkongress». Marburg / Lahn». Wiesbaden, 1968.
- L i e b e r m a n P. On the structure of prosody. ZPuAS, 1968, Bd 21, H. 1—2.
- M e i n h o l d G. Progređiente und terminale Intonationverläufe im Deutschen. Ein Beitrag zur Intonationstatistik. — ZPuAS, 1967, 20, H. 5—6.

- M i n n L a t t. Tone and juncture, terminal and stress in modern Burmese, «Wissenschaftliche Zeitschriften der Karl-Marx Universität». Leipzig, 1967, Jg. 16, H. 1—2.
- N y q v i s t A. A. note on contrastive intonation. «Studia neophilologica», Uppsala, 1968, v. 40, 1.
- P e t r o v i c i E. Le pseudo - *i* final roumain en phonétique syntactique. «Révue roumaine de linguistique», B. 1968, t. 13, № 3.
- S c h o l e s R. J. Phonemic interference as a perceptual phenomenon. «Language and speech», 1968, v. 11, pt. 2.
- S c h w a r t z J., J a f f e J. Markovian prediction of sequential temporal patterns in spontaneous speech. «Language and speech», 1968, v. 11, pt. 1
- V i n a j J-P. Les cadres de la phrase. «Français dans le monde», 1968, t. 8, № 57.
- V o d d e n M. Rhythm and intonation. «Englisch language teaching», L. 1968, v. 22, № 3

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВЯ	Вопросы языкознания
РЯШ	Русский язык в школе (1929—1931 гг.— Русский язык в советской школе)
ALH	Acta linguistica Academiae scientiarum Hungaricae
CFS	Cahiers Ferdinand de Saussure
JASA	Journal of the acoustical society of America
JSHR	Journal of speech and hearing research
JSHD	Journal of speech and hearing disorders
IJAL	International journal of American linguistics
SaS	Slovo a slovesnost
TCLP	Travaux de circle linguistique de Prague
ZPuAS	Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft (с 1958 — Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationforschung).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Вводная часть.	
Задачи и методы исследования	9
Синтаксис и интонация	9
Выбор сложного предложения в качестве объекта исследования	14
Компенсационный закон А. М. Пешковского	19
Интонация и знаки препинания в русском языке	25
Обобщение проблематики. Методика обращения с примерами, отобранными для эксперимента	32
Основные физические величины, исследовавшиеся при изучении интонации. Техническая сторона эксперимента	36
Глава первая.	
Данные русского языка	41
Временные показатели просодии — пауза и темп	41
Пауза	41
Темп	56
Соотносительные характеристики паузы и темпа	72
Данные мелодики и интенсивности.	77
Мелодика	77
Интенсивность	91
Соотношение мелодики и интенсивности	96
Общий анализ примеров	102
Результаты исследования	112
Выведение основной просодической единицы — интонымы	112
Интонома и смысл	117
Три типа сегментных указателей. Их иерархия	119
Типы сегментных указателей и отдельные компоненты интонации	121
Компенсационный принцип А. М. Пешковского	125
Задачи второй главы	126

Глава вторая.

Данные славянских языков	128
Введение	128
Чешский язык	139
Пауза	139
Темп	147
Мелодика	154
Интенсивность	163
Соотношение интоном	167
Польский язык	170
Пауза	170
Темп	175
Мелодика	180
Интенсивность	188
Интономы	191
Украинский язык	192
Пауза	192
Темп	203
Мелодика	210
Интенсивность	219
Сопоставление примеров по интономам	224
Выводы. Сопоставление интоном	226
Интонация и синтаксис	229
Интонация и морфология	231
Компенсационный принцип А. П. Пешковского	233
Интонация и знаки препинания	238
Отдельные компоненты интонации	239
Пауза	241
Темп	243
Мелодика	246
Соотношение движения интенсивности и мелодики	249
Интонация и «конфликтная ситуация» в языке	253
Библиография	255
Работы общего характера	256
Литература по синтаксической интонации русского языка	275
Литература по синтаксической интонации славянских языков]	277
Список сокращений	284

Татьяна Михайловна Николаева

**Интонация сложного предложения
в славянских языках**

(опыт экспериментального исследования)

Утверждено к печати

Институтом славяноведения и балканистики АН СССР

Редактор издательства *Л. М. Гаерилова*

Художник *К. М. Егоров*

Технический редактор *Ю. В. Рылина*

Сдано в набор 15/XI 1968 г. Подписано к печати 24/III 1969 г.

Формат 84×108¹/₃₂.

Усл. печ. л. 15,12. Уч.-изд. л. 15,2 Тираж 2000 экз.

Бумага № 2 Изд. № 3392 Тип. зак. 1378

Цена 91 к.

Издательство «Наука»

Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука».

Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

91 КОД.

inslav